

ЖИЛБЛАЗЪ

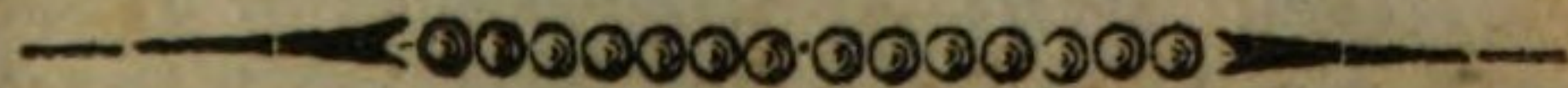
ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

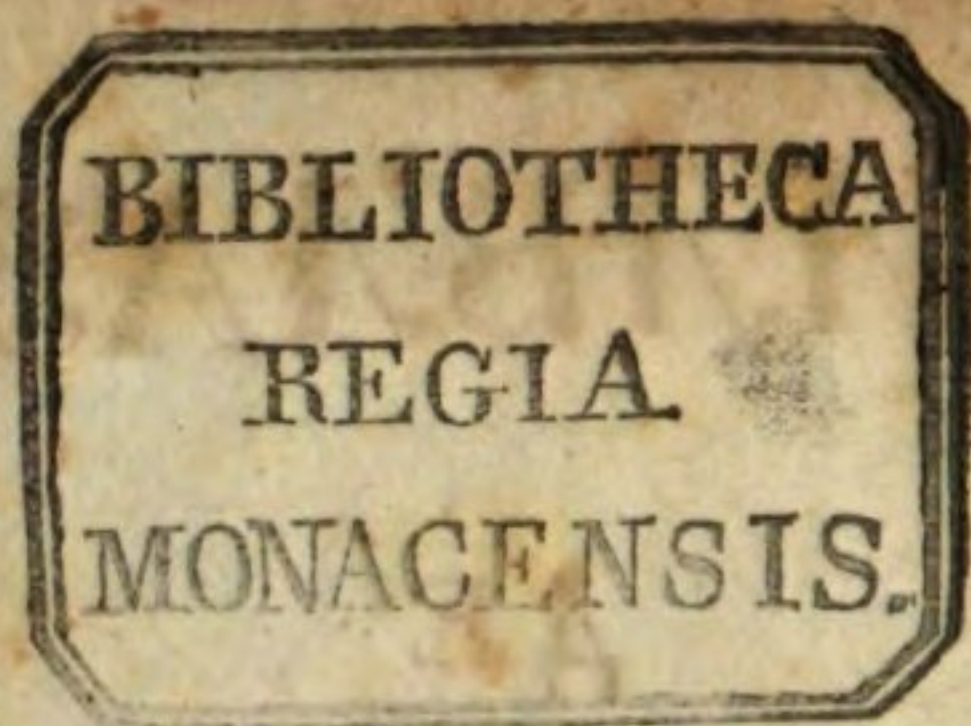
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1821 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ, для разсылки, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Маія 15 дня 1821 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.*

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Жилблазъ отправляется
въ Астурію. Пробѣзжая
Валладолидъ, посѣщаетъ
прежняго своего господи-
на, Доктора Сангеро.
Случайно встрѣчается съ
Манцелемъ Ордонесомъ,
госпитальнымъ надзира-
телемъ.

Въ то время, какъ я гото-
вился съ Сципіономъ ѣхать
въ Асшурію, Павелъ V пожа-
ловалъ Герцога Лерму Кар-
диналомъ. Эпошъ Папа, же-

Часть VII.

лая учредишь въ Неаполишанскомъ, Королевствѣ Инквизицію, почтилъ Министра Кардинальской шапкою, съ шѣмъ, чѣмъ онъ склонилъ Короля Филиппа на споль похвальное намѣреніе. Всѣ, корошко знавшіе сего новаго члена священнаго Сословія, разсуждали также, какъ и я, чѣмъ для Церкви будетъ онъ весьма полезенъ.

Сципіонъ, копорому хотѣлось лучше видѣть меня знашнымъ чловѣкомъ при Дворѣ, нежели погребеннымъ въ уединеніи, совѣщовалъ мнѣ явиться къ Кардиналу.— „Можешъ бышь, говорилъ онъ, Его Преосвященство, узнавъ, чѣмъ васъ

выпустили изъ тюрьмы по Королевскому повелѣнію, оставивъ приговорный гнѣвъ свой, и приметъ васъ по прежнему въ службу.“—Господинъ Сципіонъ, оправдалъ я, ты конечно забылъ, что я получилъ свободу съ шѣмъ только условіемъ, чтобы немедленно выѣхалъ изъ обѣихъ Каспильей. Впрочемъ, не ужъ ли ты думаешь, что, ничего не видя, наскучилъ мнѣ замокъ Лиріасъ? Я сказалъ тебѣ, и еще повторяю, что хотя бы Герцога Лерма возвратилъ мнѣ прежнія свои милости, хотя бы предлагалъ даже мѣсто Дона Родригеца Кальдерона, а и тогда бы опъ всего опъ-

казался. Мое намѣреніе принято: хочу непременно ѣхать въ Овiedo за моими родителями, и жить съ ними вмѣстѣ не далеко отъ Валенціи. Чтожь касается до тебя, мой другъ, если жалѣешь, что соединилъ участь свою съ моею, то скажи откровенно; я готовъ отдать тебѣ половину моихъ денегъ; ты можешь оспасться въ Мадридѣ и искать себѣ возможнаго счастья.—

„Ахъ, сударь!—возразилъ Секрешаръ мой съ нѣкоторымъ огорченіемъ—не ужь ли вы думаете, что я не охотно ѣду съ вами въ уединеніе? Такое подозрѣніе обидно для моей

ревностии и привязанности. Какъ! Сципіонъ, эпошъ вѣрный слуга, который для того только, чѣмъ раздѣлять съ вами горе, провель бы, не пужа, остатокъ дней своихъ въ Сеговской крѣпости, поѣдешъ съ сожалѣніемъ въ ваше убѣжище, которое обѣщаетъ ему тысячи удовольствій! Нѣтъ, нѣтъ, я не желаю отъвратишь васъ отъ вашего намѣренія. Признаюсь вамъ въ моей хитрости: явился къ Герцогу Лермъ я совѣщавалъ вамъ только для того, чѣмъ узнать, не осталось ли еще въ васъ нѣсколько сѣмянъ честнлюбія. А если уже вы такъ прези-

раете чины и знашность, по
оспавимъ скорѣе Дворъ, и
поспѣшимъ насладишся шѣми
невинными и пріятными удо-
вольствіями, копорыя напе-
редъ уже кажутся споль пре-
лестными.“

Мы и дѣйствительно ско-
ро опправились, въ коляскѣ,
заложенной двумя мулами. Ку-
черомъ былъ мальчикъ, копо-
раго наняшъ для дороги по-
челъ я за нужное. Въ первый
день ночевали мы въ Алкалъ
де Генаресь, на другой въ Се-
говіи, опкуда, не заходя по-
видашся съ великодушнымъ
Коменданшомъ Тордезилла-
сомъ, прибыли въ Пеннафіэль,
что при рѣкѣ Дуеро, а на

шрешій въ Валладолидъ. Увидѣвъ эшошъ городъ, не могъ я удержаться опъ шяжкаго вздоха. Сопушникъ мой спросилъ о причинѣ онаго. „Другъ мой, опешчалъ я, здѣсь долгое время былъ я лѣкаремъ: совѣсть возбуждаетъ во мнѣ шайныя угрызенія; мнѣ кажешся, что всѣ больные, которыхъ я уморилъ, выходятъ изъ могилъ своихъ, и гошоясь разшерзатъ меня въ куски.“—Какое воображеніе!—сказалъ Секрешаръ мой. Право, господинъ Саншиллана, вы слишкомъ совѣстны. Вы исправляли свое ремесло: къ чему же и раскаяваться? Посмотрите на самыхъ спа-

рыхъ Докшоровъ; мучашся ли они совѣстью? Ничуть не бывало; идушь себѣ своею дорогою весьма спокойно, возлагая всѣ несчастные случаи на природу, а удачныя лѣченія приписывая себѣ.—

„Правда, Докшоръ Санградо, кошораго меподѣ я слѣдовалъ въ точности, былъ шакогожь характера. Хошя каждый день человекъ двадцать опправлялось на тошъ свѣшъ по милости его, но онъ былъ шакъ увѣренъ въ превосходшеѣ кровопусканія изъ руки и обильнаго пишья воды, чшо эши два средсхва почишаль спасищельными во всякихъ болѣзняхъ, и вмѣсто шого,

чшобъ винишъ сеои лѣкар-
 сшва, думалъ, что больные
 умирали опъ недовольнаго
 упошребленія воды и опъ
 малаго пусканія крови.—Бо-
 же мой!—вскричалъ Сципіонъ,
 захохошавъ громко, бы опи-
 сываеше мнѣ человекъа безпо-
 добнаго!— „Если хочешъ его
 видѣшъ и послушашъ, то мо-
 жешъ завшра же удовлешго-
 ришъ свое любопытсшво, ко-
 гда шолько Санградо еше живъ
 и находишся въ Валладолидѣ;
 въ чемъ я сомнѣваюсь, ибо
 онъ былъ уже сшаръ въ шо
 время, какъ я съ нимъ раз-
 сшался, а эшому не мало лѣшъ
 прошло.“

Осшановившись въ прак-
 ширѣ, прежде всего спросили
 мы объ этомъ Докшорѣ. Намъ
 сказали, что онъ еще здрав-
 ствуешъ; но по старости
 лѣтъ не будучи въ состояніи
 посѣщать больныхъ и дѣлать
 сильныя движенія, осшавилъ
 поле Медицины свободнымъ
 для двухъ другихъ Докшо-
 ровъ, прославившихся новою
 практикою, которая была не
 лучше его методы. И такъ
 мы рѣшились осшаться въ
 Валладолидѣ на слѣдующій
 день, какъ для того, чтобы
 дать отдохнушь муламъ, такъ
 и для свиданія съ господи-
 номъ Санградо. Мы пришли
 къ нему въ десять часовъ

ушра, и заспали его сидяща-
 го въ креслахъ, съ книгою въ
 рукѣ. Увидѣвъ насъ, онъ пош-
 часъ вспалъ, и, подошедъ къ
 намъ довольно швердыми ша-
 гами для семидесятилѣшняго
 шарика, спросилъ, чшо намъ
 угодно?—„Господинъ Докшоръ,
 сказалъ я ему, не ужъ ли вы
 не узнаёте меня?... Я имѣлъ
 честь быть однимъ изъ уче-
 никовъ вашихъ. Не вспомни-
 те ли о Жилблазѣ, копорый
 жилъ нѣкогда у васъ въ до-
 мѣ и былъ вашимъ помощни-
 комъ?“—Какъ! эшо шы, Сан-
 пиллана? ошвѣчалъ онъ, об-
 нявъ меня. Я было не узналъ
 шебя. Очень радъ, чшо шебя
 вижу. Чшо дѣдалъ шы послѣ

шого, какъ мы разсѣлись? Конечно, занимался все Медициною.— „Я имѣлъ великую охоту; но важныя причины мнѣ въ помѣхъ воспрепятствовали.“—

—Тѣмъ хуже: съ правилами, полученными побою отъ меня, ты сдѣлался бы славнымъ медикомъ, лишь только бы Небо, по благости своей, предохранило тебя отъ опасной любви къ Химіи. Ахъ! другъ мой, продолжалъ онъ съ печальнымъ видомъ, какая перемѣна въ Медицинѣ съ нѣкотораго времени! У эшаго искусства опшнимается честь и достоинство. Эшо искусство, которое, во всѣ време-

на, охраняло жизнь человѣчес-
кую, сдѣлалось теперь до-
бычею дерзоспи, надменно-
спи и невѣжесшва; ибо дѣла
свидѣтельсшвующъ, и ско-
ро каменіе возопіютъ прошивъ
убійсшвъ новыхъ пракши-
ковъ: *lapides clamabunt*. Здѣсь
въ городѣ появились врачи,
или только самозванцы, ко-
торые приковали себя къ
поржесшвенной колесницѣ ан-
тимоніи: *ad currum triumphalem antimonii*. Бѣглецы изъ
школы Парацельса, обожашели
кѣрмеса, цѣлишели на удачу,
спавяшъ все знаніе Медицины
въ умѣньѣ пригошовляшъ хи-
мическіе медикаменшы.... Да
что шебѣ и говоришъ? все

безполково еъ ихъ методъ. Напримѣръ, пусканіе крови изъ ноги, прежде почти неслыханное, нынѣ въ общемъ употребленіи; легкія слабительныя замѣнены теперь рвотными; словомъ: ужасной хаосъ; всякъ дѣлаешъ, что ему угодно, и пресшупаешъ предѣлы порядка и благоразумія, положенныя нашими первыми наставниками. —

Слушая такую комическую декламацію, сколько ни порывался я засмѣяться, однакожъ превозмогъ себя; этого еще не довольно: я принялся ругашъ кермесъ, не зная самъ, что это такое, и проклиналъ шѣхъ, копорые его выдума-

ли. Сципіонъ, примѣтя, что
я забавляюсь на счетъ преж-
няго моего наставника, захо-
пѣлъ и опъ себя прикинушъ
словечко. — „Господинъ Док-
торъ, сказалъ онъ Санграду,
я внукъ одного медика сша-
ринной школы: позвольте и мнѣ
возстапъ съ вами прошивъ
химическихъ лѣкарствъ. По-
койный дѣдушка мой — цар-
ство ему небесное! — былъ та-
кой жаркой защишникъ Иппок-
рата, что часто дрался съ
мнимыми врачами, которые
говорили не съ довольнымъ
почщеніемъ объ эшомъ Царѣ
Медицины. Яблочко не далеко
капштся опъ яблони: я охотно
бы взялся бышъ палачемъ эшихъ

невѣждѣ — вводишелей новизны, на которыхъ вы жалуетесь съ такою справедливостью и краснорѣчіемъ. Какого безпорядка не причиняють они въ обществѣ! —

— Этошъ безпорядокъ, возразилъ Докторъ, просширается еще далѣе, нежели ты думаешь. Сочиненіе мое прошивъ убійствъ Медицины ни къ чему не послужило: день ото дня зло умножается. Просшые хирурги, имѣя страшную охоту выдавать себя за самыхъ искусныхъ Докторовъ, воображають, что дѣлають чудеса, когда дають жермесъ и рвотное, прибавляя къ тому кровопусканіе изъ ноги по

своему произволу. Они даже примѣшивающъ кермесъ и въ декокшы. Зараза сія проникла въ самыя монастыри: и у монаховъ есть брашїя апшечари и лѣкари вмѣспѣ. Эпи обезьяны упражняются въ Химїи, и дѣлающъ пагубныя составы, копорыми сокращающъ жизнь преподобныхъ опцовъ своихъ. Въ Валладолидѣ болѣе шестидесяти монашарей, какъ мужескихъ, такъ и женскихъ: суди же, какое опустошеніе производящъ кермесъ со рвопнымъ и кровопусканіе изъ ноги.—, Господинъ Санградо, сказалъ я ему, вы справедливо гнѣваешесь на эпихъ отправишелей. Я сожалью вмѣ-

спѣ съ вами и раздѣляю опасеніе ваше о жизни людей, очевидно угрожаемой меподою, споль прошивною вашей. Спрашусь, чшобъ Химія со временемъ не причинила совершеннаго упадка Медицинѣ, какъ фальшивая монета причиняетъ разореніе Государспвамъ. Дай Богъ, чшобъ эша роковая минуша была еще опъ насъ далека!“

Въ семъ мѣспѣ нашего разговора вошла спарая служанка; она поднесла къ Доктору на поднось мягкой хлѣбець, одну рюмку и два графина, одинъ съ водою, другой съ виномъ. Санградо съѣлъ кусокъ хлѣба, и наливъ въ рюмку двѣ

преша воды и одну вина, выпилъ; но это не избавило его отъ упрека, къ которому самъ подалъ мнѣ поводъ. „А! а! господинъ Докшоръ, сказалъ я, поймалъ я васъ! Вы пьете вино?... Вы всегда хулили этошъ напишокъ, и при чешверши своей жизни пили только одну воду. Давно ли вы спали сами себѣ прошиворъчишь? Вы не можете извиниться вашими лѣшами; ибо въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій называете спаросъ природною чахошкой, которая насъ изсушаетъ и разрушаетъ; основываясь на этомъ опредѣленіи, оплакиваете невѣжество людей, почишающихъ ви-

но молокомъ спариковъ. Чпо
шеперь скажете въ свое о-
правданіе?“—

—Ты нападаешь на меня очень
несправедливо, ошвѣчалъ спа-
рый медикъ. Еслибъ я пилъ
одно вино, шы имѣлъ бы при-
чину почищать меня невѣр-
нымъ наблюдашелемъ соб-
ственныхъ моихъ правилъ;
но шы видишь, чпо вино мое
довольно разведено водою.—
„Другое прошиворѣчіе, любез-
ный мой наставникъ! — под-
хвашилъ я—помните ли, чпо
вы осуждали Каноника Се-
дилло за питье вина, хошя
онъ и много примѣшивалъ въ
него воды? Скажите ошкро-
венно, чпо вы узнали свое

заблужденіе , и что вино не
есть гибельный напишокъ , какъ
вы утверждали въ своихъ со-
чиненіяхъ , лишь только бы
пить его съ умеренностью.“

Слова сіи нѣсколько сму-
тили нашего Доктора ; онъ
не могъ отрицать , чтобъ не
запрещалъ въ сочиненіяхъ сво-
ихъ употребленіе вина ; но
какъ стыдъ и щеславіе мѣ-
шали ему признавъ упрекъ
мой справедливымъ , то не
зналъ , что отвѣчать мнѣ.
Чтобы избавить его отъ за-
мѣшательства , я прервалъ
этошъ разговоръ , и черезъ ми-
нушу съ нимъ простился ,
увѣщевая его твердо стоять
противъ новыхъ практиковъ.

„Не робѣйте, господинъ Сан-градо ! не переставайте бранить кермесъ и пусканіе крови изъ ноги. Ежели, не смотря на ваше рвеніе къ медицинскому правословію, эпо сѣмя самозванцевъ успѣешъ разстроитъ врачебный порядокъ, то вы будете по крайней мѣрѣ утѣшаться тѣмъ, что упошребили всѣ мѣры къ его поддержанію.“

Когда мы, возвращаясь къ себѣ на кварширу, разговаривали о забавномъ и оригинальномъ характерѣ Докшора, прошелъ мимо насъ человекъ лѣтъ шестидесяти, который выспупалъ, пошупивъ глаза въ землю, и держа въ рукѣ

большіе чашки. Посмотрѣвъ
 на него приспально, я безъ
 труда узналъ въ немъ Мануеля
 Ордонеца, того добраго го-
 спитальнаго надзирашеля, о
 копоромъ съ похвалою гово-
 рено было въ первой часши
 моей испоріи. Я подошелъ къ
 нему съ почщеніемъ и сказалъ:
 „Слуга покорной почщенному
 и скромному господину Ма-
 нуелю Ордонецу, мужу спо-
 собнѣйшему сохранять иму-
 щество бѣдныхъ!“—При сихъ
 словахъ, онъ взглянулъ на ме-
 ня быспро, и ошвѣчалъ, что
 лице мое ему знакомо, толь-
 ко не можешь припомнишь,
 гдѣ меня видалъ.—„Я хаживалъ къ вамъ, сказалъ я, въ

то время, когда служилъ у васъ одинъ изъ моихъ пріятелей, Фабрицій Нуннецъ.“— Ахъ! теперь помню, подхва- шилъ надзиратель съ лукавой усмѣшкой; вы оба были доб- рые ребята: довольно проказъ надѣлали!.... А куда дѣвался бѣдный Фабрицій? Каждый разъ, какъ объ немъ вздумаю, всегда беспокоюсь о его дѣ- лишкахъ.—

„За шѣмъ-то я и осмѣлил- ся остано-вить васъ на ули- цѣ, чшобы объ немъ увѣдо- мишь. Фабрицій живешь въ Мадридѣ, и занимаешься раз- ными дѣлами.“— Чшо эшо за дѣла?— „Онъ пишешь стиха- ми и прозой; сочиняешь ко-

медіи и романы; словомъ: онъ малой съ дарованіями, и принявъ въ лучшихъ домахъ. — Да не нуждается ли онъ въ своемъ содержаніи? — „Не безъ того-то : сомнѣваюсь, чѣмъ у него было какое нибудь состояніе.“ — О! я вѣрю: сколько ни ласкайся онъ къ знашнымъ господамъ, подлѣя его угожденія принесутъ ему еще менѣе пользы, нежели сочиненія. Предсказываю вамъ, что, рано или поздно, не миновашъ ему богадѣльни. —

„Можешъ спашься : Поэзія завела шуда уже многихъ. Пріятель мой, Фабрицій, гораздо лучше бы сдѣлалъ, еслибъ оспался при вашей ми-

лоспи ; онъ былъ бы шеперь
 по уши въ золошѣ. — По край-
 ней мѣрѣ ни въ чемъ бы не
 нуждался. Я любилъ его , и
 хошѣлъ было дать ему при
 больницѣ хлѣбное мѣсто, какъ
 вдругъ ему вздумалось пу-
 сшишься въ ученость. Онъ
 написалъ комедію , кошорую
 сыграли на здѣшнемъ теапрѣ;
 ее похвалили, и съ эшой ми-
 нушы авшоръ пошерялъ раз-
 судокъ: почелъ себя за новаго
 Лопеца де Вегу, и, предпочи-
 тая дымъ похвалъ сущесшвен-
 нымъ выгодамъ , какія , по
 дружбѣ, я ему гошовилъ, на-
 чаль опъ меня просишься. Я
 напрасно представлялъ ему ,
 что онъ , оспавляя кость ,

бросался за тѣнью : не могъ
удержать эшаго дурака , ко-
порымъ бѣшенство писанъ
овладѣло. Онъ не зналъ сво-
его счастья : малой , взяпый
мною на его мѣсто, есть жи-
вое тому доказательство; бу-
дучи разсудительнѣе Фабри-
ція, хотя съ меньшимъ умомъ,
спарается только въ точно-
сти исправлять свое дѣло и
угождать мнѣ. За то я и на-
градилъ его по заслугамъ: по-
ручилъ ему теперь при го-
сподинахъ двѣ должности, изъ
копрыхъ послѣдняя прино-
ситъ столько, что честный
человѣкъ и съ большою семьею
можетъ безъ нужды содер-
жаться.

ГЛАВА II.

Жилблазъ продолжаетъ свое путешествіе, и благополучно прїѣзжаетъ въ Овїедо. Въ какомъ состояніи находитъ онъ своихъ родителей. Смерть отца его ; слѣдствія оной.

Изъ Валладолида въ чешыре дни поспѣли мы въ Овїедо. На дорогѣ не случилось съ нами никакого непріятнаго приключенія, не смошря на пословицу, кошорая говоришъ, чшо воры издалека по духу слышашъ деньги у путешественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ для нихъ была бы порядочная

нажиёка , и шолько двое изъ подземельныхъ жишелей могли бы безъ шруда завладѣшь нашими писполями : ибо я при Дворѣ не научился бышь храбрымъ; а Бершрандъ, мой погонщикъ, не имѣлъ, пови- димому , охоты дашь себя убишь, защищая кошелекъ своего господина. Одинъ Сципионъ былъ немного побойчѣе.

Мы пріѣхали въ городъ уже ночью , и оспановились въ шракширѣ , недалеко отъ жилища дяди моего, Каноника Жиль-Переца. Мнѣ хотѣлось навѣдаться о соспояніи моихъ родишелей прежде, нежели явлюсь къ нимъ ; сшоило шолько спросишь хозяина или

хозяйку , кошорые , какъ мнѣ
 извѣстно было , не любили
 пропускашь мимо ушей ниче-
 го , что касалось до дѣлъ со-
 сѣднихъ. Хозяинъ , посмопрѣвъ
 на меня приспально , вскри-
 чаль : „Вопъ шебъ Св: Аншо-
 ній Падуанской! эпо сынъ до-
 браго нашего сшарика Блаза
 де Саншилланы!“ — Такъ , под-
 хвашила хозяйка , почно пакъ ,
 эпо онъ , и почши ничего не
 перемѣнился ! Эпо маленькой
 забавникъ Жилблазъ , кошорый
 былъ уменъ не по лѣшамъ.
 Кажется , еще пеперь вижу ,
 какъ бѣгалъ онъ къ намъ опъ
 своего дяди за виномъ для
 ужина.—

„Вы имѣете, сударыня, прекрасную память, возразилъ я. Но сдѣлайте милость, скажите мнѣ что нибудь о родныхъ моихъ. Башюшка и машушка, конечно, находящаяся не въ самомъ лучшемъ состояніи?“—Эта сущая правда, оповѣчала хозяйка; въ какомъ бы дурномъ положеніи вы ихъ себѣ ни представляли, не можете однакожь вообразить людей, копорые были бы столько, какъ они, достойны жалости. Добрый Жиль-Перецъ разбилъ параличемъ, и, по всему видно, не долго промается; башюшка вашъ, копорый недавно перебрался жить къ этому Канонику, спраж-

дешъ простудною горячкою, или лучше сказать, находишся между живономъ и смертію; а машушка, которая также слаба здоровьемъ, принуждена теперь ходишь за шѣмъ и за другимъ.—

Послѣ эшаго извѣстія, возбудившаго во мнѣ любовь сыновнюю, оставилъ я Бертранда съ экипажемъ моимъ въ пракширѣ, и взявъ съ собою Сципіона, который не хотѣлъ опъ меня опсшать, поспѣшилъ къ моему дядѣ. Едва вошелъ я, какъ невольное душевное волненіе матери моей уже дало ей знать, что это я, хотя глаза ея не могли еще хорошенько rozpo-

знать лица моего.— „Любез-
 ный сынъ, сказала она, съ го-
 ресшью обнявъ меня, поди, по-
 смотри на умирающаго опца
 твоего; ты еще можешь быть
 свидѣтелемъ этого плачевна-
 го зрѣлища.“—При сихъ сло-
 вахъ, она ввела меня въ ка-
 морку, гдѣ несчастный Блазъ
 де Саншиллана, проспершый
 на постелѣ, которая показы-
 вала ужасную бѣдность, испу-
 скалъ почти послѣднее дыха-
 ніе. Хошя уже былъ онъ, шакъ
 сказаъ, въ объятіяхъ смер-
 ти, но не совсемъ еще ли-
 шился памяти.— „Любезный
 другъ, сказала ему мать моя,
 вошъ Жилблазъ, сынъ твой;
 онъ проситъ у тебя прощенія

за причиненныя тебѣ отъ него печали, и желаешь твоего благословенія.“ Тутъ отецъ мой открылъ глаза, которые начинали уже смыкаться на вѣки; успремилъ ихъ на меня; и, не смотря на свое изнеможеніе, примѣшилъ, что я крушусь о его упрямѣ; пронулся моею скорбію; хотѣлъ говорить, но не имѣлъ уже силы. Я взялъ его руку; и между тѣмъ, какъ обливалъ ее слезами, онъ скончался. Казалось, будто бы нарочно ожидалъ онъ моего пріѣзда, чтобъ только умереть при мнѣ.

Такъ какъ мать моя была къ этому нѣкошорымъ обра-

зомъ приготоовлена, то и печаль ея казалась умѣреннѣе; я, можешь бышь, сокрушался гораздо болѣе, чѣмъ она, хотя и не видѣлъ ошъ опца моего, во всю его жизнь, нима-лѣйшаго знака любви. Кромѣ того, чшо мнѣ, какъ сыну, должно было по немъ плакать, я упрекалъ себя еще въ томъ, чшо оспавлялъ его безъ помощи, и, предспавляя себѣ свою жестокоспъ, почишалъ себя чудовищемъ неблагодарности, даже опцеубійцею. Дядя мой, копораго увидѣлъ я въ такомъ же жалоспномъ положеніи, возбудилъ во мнѣ новыя угрызения.—,Сынъ безпушной, говорилъ я самъ себѣ,

посмошри, въ наказаніе швое,
на бѣдносшь родныхъ швоихъ!
Еслибъ шы удѣляль сколько
нибудъ ошъ избышковъ иму-
щесшва, какое было у тебя
до швоего заключенія, шо до-
спавиль бы имъ безнужное
пропишаніе, къ кошорому до-
ходовъ Каноника не доспава-
ло, и, можешъ бышь, продол-
жилъ бы жизнь ошца швоего.“

Несчастный Жиль-Перецъ
быль какъ дитя: не имѣль ни
памяши, ни разсудка. Сколь-
ко я ни обнималъ его, сколь-
ко ни оказывалъ ему знаковъ
нѣжносши, онъ быль ко все-
му нечувсшвишелень. Сколь-
ко ни швердила ему машь
моя, что я племянникъ его

Жилблазъ, онъ смотрѣлъ на меня, какъ безумный, ничего не отвѣчая. Если бы родство и благодарность уже не заставляли меня жалѣть о дядѣ, кошорому столько я обязанъ, то все не могъ бы не сокрушаться сердцемъ, видя его въ такомъ положеніи.

Во все это время Сципіонъ хранилъ глубокое молчаніе, раздѣлялъ скорбь мою, и, по дружбѣ, соединялъ вздохи свои съ моими. Полагая, что мать моя, послѣ столь долгой разлуки, захочетъ поговорить со мною, и что присутствіе незнакомаго ей человека можеть въ томъ препятствовать, я отвелъ его къ спо-

ронъ и сказалъ: „Поди, другъ мой, отдохни въ шракширъ, и оставь меня здѣсь одного съ матерью: она, можетъ быть, сочтетъ тебя лишнимъ при разговорѣ о дѣлахъ семейственныхъ.“ Сципіонъ удалился, и дѣйствительно всю ночь провелъ я съ нею во взаимныхъ разсказахъ. Мы отдали другъ другу вѣрный отчетъ о томъ, что случилось съ обоими по отъѣздѣ моемъ изъ Овідю. Она подробно описала неудовольствія, испытанныя ею въ домахъ, въ которыхъ служила Дуенною, и разсказала множество такихъ приключеній, что мнѣ не очень было бы пріятно

когда бы услышалъ ихъ Секретарь мой, ошъ кошораго, впро-
чемъ , я не скрывалъ ничего. Не нарушая почшенія, долж-
наго памяши моей машери, могу сказашь, чшо добренькая старушка любила говоришь очень проспранно ; она избавила бы меня прехъ чешвершей своей испоріи , если бы захошѣла выкинушь изъ нее всѣ ненужныя обспоя-
пельспва.

Наконецъ , выслушавъ ея повѣспь, началъ я свою. Слегка коснулся всѣхъ моихъ по-
хожденій ; но , когда дошла рѣчь до свиданія моего въ Мадридѣ съ сыномъ Бершранда Мускады, купца Овїедска-

го, то я разсказалъ объ этомъ случаѣ со всѣми подробностями. „Признаюсь вамъ, сказалъ я матери, что принялъ очень худо эшаго молодого человѣка; безъ сомнѣнія онъ, чтобы опомсшить мнѣ, описалъ меня предъ вами ужасными красками.“ — Онъ точно такъ и сдѣлалъ, оповѣчала она. Ты, какъ говорилъ онъ, столько возгордился милостію перваго Министра, что едва узналъ Мускаду и выслушалъ съ холодностію извѣстіе о нашей бѣдѣ. Но такъ какъ опцы и матери, прибавила она, всегда стараются извинять дѣшій своихъ, то мы не могли по-

вѣришь, чѣмъ у тебя было такое худое сердце. Пріѣздой твой въ Овiedo подтверждаетъ наше доброе о тебѣ мнѣніе, а печаль, въ которой тебя вижу, совершенно оправдываетъ тебя. —

„Вы судите обо мнѣ слишкомъ благосклонно; молодой Мускада сказывалъ вамъ правду: когда онъ приходилъ ко мнѣ, я занятъ былъ моимъ только счастьемъ; и обладавшее мною честолюбіе не позволяло мнѣ помышлять о моихъ родителехъ. И такъ не должно удивляться, если я, будучи въ такомъ расположеніи духа, не ласково принималъ человека, который, являсь

ко мнѣ съ грубымъ видомъ, сказалъ, что онъ, узнавъ о моемъ богатствѣ, совѣщуетъ мнѣ посласть къ вамъ сколько нибудь денегъ; что вы имѣете въ томъ крайнюю нужду, и даже упрекалъ меня колкими словами, что я такъ холоденъ къ моимъ роднымъ. Опкровенность его оскорбила меня; я пошерялъ терпѣніе и вышолкалъ его изъ моего кабинета. Признаюсь, я поступилъ дурно: мнѣ надлежало бы подумать, что вы не виноваты, когда купецъ не знаетъ вѣжливости, и что не мѣшало бы мнѣ послѣдовать его совѣту, хотя не много и грубенько предложенному.“

„Такъ разсуждалъ я мину-
 ту спустя послѣ того, какъ
 выгналъ опъ себя Мускаду.
 Голосъ родства опозвался
 въ моемъ сердцѣ; я предспа-
 вилъ себѣ обязанности къ
 моимъ родителѣмъ; и, спы-
 дясь, что такъ худо испол-
 нялъ оныя, почувствовалъ
 угрызения, которыми одна-
 кожъ не могу похвалиться
 предъ вами; ибо онѣ скоро
 заглушены были скупостью и
 честолюбіемъ. Но послѣ, бывъ
 заключенъ, по Королевскому
 повелѣнію, въ Сеговскую крѣ-
 постъ, впалъ я въ жестокую
 болѣзнь, и эта-то болѣзнь воз-
 врашила вамъ сына. Она и
 мое заключеніе снова ввели

природу во всѣ права ея, и
совсемъ опвращили меня опъ
Двора. Я помышляю теперь
единственно объ уединеніи, и
пріѣхалъ въ Астурію просить
васъ раздѣлить со мною прі-
ятности мирной жизни. Ес-
ли вы не опвергнете просьбы
моей, то повезу васъ въ де-
ревню, копорую имѣю въ Ко-
ролевствѣ Валенціи; мы бу-
демъ тамъ жить спокойно.
Вы можете себѣ представить,
что я намѣревался взять ту-
да и башюшку; но какъ Небо
расположило иначе, то буду
по крайней мѣрѣ имѣть удо-
вольствіе видѣть васъ при
себѣ, и постараюсь вознагра-
дить всѣми возможными по-

печеніями по время, которое
провелъ, не бывъ вамъ поле-
зень.“—

—Благодарю тебя за похваль-
ное намѣреніе; я поѣхала бы
съ тобою охотно, когда бы
не было къ тому препят-
ствій. Не могу оставишь
твоего дядю, а моего брата,
въ перерещеніи его состоя-
ніи; при томъ же я такъ
привыкла къ этой сторонѣ,
что мнѣ горько съ нею раз-
статься; однакожь подумаю
обо всемъ на досугъ. Теперь
надобно похлопотать о похо-
ронахъ твоего отца.—,Пору-
чимъ это молодому человѣку,
котораго вы видѣли со мною:
онъ мой Секретарь; уменъ и

услужливъ ; мы можемъ на него положишься.“

Лишь только выговорилъ я слова сіи, какъ вошелъ къ намъ Сципіонъ. Уже разсвѣло. Онъ спросилъ, не имѣемъ ли мы нужды въ его услугахъ. Я отвѣчалъ, что онъ пришелъ очень късташи; что дамъ ему важное порученіе. Узнавъ, въ чемъ состоишь дѣло, онъ сказалъ мнѣ. „Довольно: я расположилъ уже въ головѣ моей всю церемонію ; вы можете на меня положишься.“—Только, ради Бога! не дѣлай пышныхъ похоронъ—сказала мать моя:—онѣ должны быть самыя обыкновенныя : весь городъ зналъ моего покойнаго мужа

за бѣднѣйшаго человека.—,,Су-
дарыня, ошеѣчалъ Сципіонъ,
хотя бы онъ былъ и еще
бѣднѣе, и тогда не испра-
шилъ бы я ни одного мара-
ведиса больше, или меньше.
Въ этомъ случаѣ я смотрю
на состояніе моего господина;
онъ былъ любимцемъ Герцога
Лермы: опца его надобно по-
гребсти съ приличіемъ.“

Я похвалилъ намѣреніе Се-
крепаря моего, и даже нака-
залъ ему не жалѣть денегъ.
Оспашокъ щеславія подспрѣ-
калъ меня при семъ случаѣ:
я ласкался, что, когда сдѣлаю
богатыя похороны опцу, ко-
торый не оставилъ мнѣ ни-
какого наслѣдства, то застав-

лю удивляться великодушному моему поступку. Мать моя, съ своей стороны, сколько ни показывала умѣренности, однакожь не прошивилась. И такъ мы дали полную власшь Сципіону, который, не теряя времени, приступилъ къ нужнымъ пригтопвлєніямъ.

Его усердіе было уже слишкомъ велико: онъ сдѣлалъ такія богатыя похороны, что возбудилъ прошивеъ меня городъ и предмѣстїя; всѣ жители Овїедо, отъ мала до велика, охуждали мое хвасповство. „У эшаго Миниспра—скороспѣлки, говорилъ одинъ, нашлись деньги на погребеніе ошца, а прокормить его было

нечѣмъ!“—Онъ лучше бы сдѣ-
 лалъ, (разсуждалъ другой) ес-
 ли бы успокоилъ опца при
 жизни: къ чему отдавать ему
 такую честь по смерти?—
 Словомъ: злоязычники не ща-
 дили меня; всякой пускалъ
 свою стрѣлу. Это показалось
 имъ еще мало: они ругали
 Сципіона, Бершранда и меня,
 когда мы вышли изъ церкви;
 осыпали насъ бранными сло-
 вами, свиспали, и проводили
 Бершранда до прахтира, бро-
 сая въ него камнями. Что-
 бы разогнать безумную чернь,
 сбѣжавшую къ дому моего
 дяди, мать моя принуждена
 была показаться и объявить
 публично, что мною совершен-

но довольна. Нѣкоторые уда-
рились даже къ шракпиру,
гдѣ оставалась моя коляска,
съ намѣреніемъ разломать ее;
въ чемъ, безъ сомнѣнія, и у-
спѣли бы, еслибъ хозяинъ и
хозяйка не нашли средства ус-
покоить эти бѣшенныя головы.

Весь этотъ срамъ и пору-
ганіе были слѣдствіемъ раз-
сказовъ обо мнѣ въ городѣ
молодаго Мускады, и посели-
ли во мнѣ такое оповращеніе
къ моимъ соотечественни-
камъ, что я рѣшился пош-
часъ оставить Овiedo, гдѣ
безъ того, можетъ быть, о-
стался бы еще долгое время.
Я сказалъ о томъ на отпѣзъ
моей матери, которая, будучи

и сама крайне огорчена прие-
момъ , сдѣланнымъ мнѣ опъ
народа, не прошивилась болѣе
споль скорому опъѣзду. На-
добно было шолько подумашъ,
какъ поступишь съ нею. „Лю-
безная машушка , сказалъ я
ей , шакъ какъ дядя мой не
можешъ обойтись безъ вашей
помощи , шо не принуждаю
васъ ѣхашъ со мною; но , по
видимому , конецъ его не да-
лекъ: обѣщайтесь опправишь-
ся ко мнѣ въ деревню , коль
скоро опдасъ онъ Бсгу ду-
шу.“—

—Я не даю тебѣ такого обѣ-
щанія , опвѣчала машъ моя ;
мнѣ хочешся провесши оста-
шокъ дней моихъ въ Аспуріи,

въ совершенной независимости.— „Да развѣ вы не будете полною хозяйкою въ моемъ домѣ?“— Еще не извѣстно: тебѣ споишь только елюбисься въ какую нибудь дѣвушку и на ней женишься — вошь и бѣда! Невѣстка со свекровью никогда не уживутся вмѣстѣ.— „Вы предвидите несчастія слишкомъ издалека. Я не имѣю нисколько охоты женишься; а хотя бы и вздумалось мнѣ это сдѣлать, то ручаюсь вамъ, что заспаваю жену мою повиноваться слѣпо вашей волѣ.“— Обѣщаніе безразсудное! Тутъ нужна порука по порукамъ; а я полагаю еще и то,

что, въ ссорахъ нашихъ, ты скорѣе возмешь сторону жены своей, нежели мою, какъ бы она ни была виновата.—

„Вы разсуждаете, сударыня, безподобно!—вскричалъ Секретарь мой, вмѣшавшись въ наши рѣчи:—я думаю такъ же, какъ и вы, что послушныя невѣстки очень рѣдки. Однакожь надобно согласишь этакую невозможность; такъ какъ вы непременно хопите жить въ Аспуріи, а онъ въ Валенціи, то обязанность его есть опредѣлишь на ваше здѣсь содержаніе по списку пистолей ежегодно, которыя буду я приносить вамъ во всей исправности. Такимъ образомъ

мать и сынъ останутся довольными, живучи и за двѣсти миль другъ ошъ друга.“ Предложенный договоръ съ обѣихъ сторонъ одобренъ. Я заплашилъ за первый годъ впередъ, и выѣхалъ изъ Овiedo на другой же день до разсвѣта, опасаясь, чтобы чернь не посупила со мною, какъ со Св: Стефаномъ. Таковъ былъ пріемъ, сдѣланный мнѣ въ опечесшвѣ. Прекрасной урокъ для людей низкаго сослоянiя, которые, разбогатѣвши внѣ своей родины, возвращающагося шуда похващашь и повеличашься!

ГЛАВА III.

*Жилблазъ направляетъ
путь свой въ Королевство
Валенцію, и прїѣзжаетъ
наконецъ въ Лиріасъ. Опи-
саніе замка его. Какъ онъ
былъ принятъ, и какихъ
людей нашелъ тамъ.*

Мы поѣхали сперва въ Ле-
онъ, попомъ въ Паленцію, и
продолжая путь съ ошдыхомъ,
прибыли въ десятый день въ
городъ Сегорбію, откуда слѣ-
дующимъ ушромъ очутились
въ моей деревнѣ, кошорая бы-
ла только въ шрехъ миляхъ
ошъ города. Чѣмъ ближе мы
къ ней подѣзжали, шѣмъ съ

большимъ вниманіемъ Секретарь мой посмапривалъ на всѣ представлявшіеся взору его замки на право и на лѣво по дорогѣ. Когда замѣчалъ онъ какой нибудь великолѣпный домъ, то всякой разъ говорилъ мнѣ, указывая на него пальцомъ: „Какъ бы я желалъ, чшобъ здѣсь было наше убѣжище!“

— Не знаю, другъ мой, сказалъ я ему, какимъ воображаешь ты себѣ наше жилище; но если думаешь найпи великолѣпный домъ, помѣспье знашнаго господина, то говорю тебѣ напередъ, что очень ошибаешься. И такъ если не хочешь оспашься въ обманѣ

у своего воображенія, представь себѣ небольшой домикъ, какой имѣлъ Горацій, по милости Мецената, въ Сабинской землѣ, близъ Тибура. Донъ Альфонсъ сдѣлалъ мнѣ почти подобный подарокъ! — „И такъ я увижу только хижину?“ — Вспомни, что мое описаніе Лиріаса было всегда очень скромно; и сію же минушу ты самъ посудишь можешь, правду ли я говорилъ объ немъ. Оглянись къ Гвадалквивиру; видишь ли на берегу, подлѣ новой деревеньки, изъ девяти или десяти дворовъ состоящей, домъ съ чепырьмя башенками? Это мой замокъ. —

„Что за чортъ!—вскричалъ Секретарь мой съ удивленіемъ—это не домъ, а сокровище! Кромѣ благородной наружности, какую придають ему башни, онъ имѣетъ хорошее положеніе, красиво выстроено, и окружено прелестнѣйшими мѣстами, лучшими, нежели окрестности самой Севиллы, названныя земнымъ раемъ. Если бы намъ предоспавлено было выбирать себѣ жилище, то и тогда не сыскалъ бы болѣе по моему вкусу. Рѣка орошаетъ его своими водами; густая роща предлагаетъ тѣнь свою, когда захочешь прогуляться въ полдень. Прекрас-

ное уединеніе! Ахъ! любезный господинъ мой, по всему видно, что мы надолго здѣсь оста-немся!“— Очень радъ, что вы довольны нашимъ убѣжищемъ, котораго пріятности тебѣ не всѣ еще извѣстны.—

Разговаривая такимъ образомъ, подѣхали мы къ дому; ворота тотчасъ отворились, лишь только Сципіонъ сказалъ, что господинъ Жилбазъ де Саншиллана прибылъ принявъ въ свое владѣніе замокъ. При семъ имени, столь почтенномъ въ ушахъ людей, которые его слышали, впустили коляску мою на дворъ, гдѣ я и вышелъ; потомъ, опершись на Сципіона, и пред-

спавляя важную фигуру, вступилъ въ залу, куда явилось семь или восемь человѣкъ служителей. Они говорили, что пришли засвидѣтельствовать мнѣ почтеніе, какъ новому своему господину; что Донъ Цезарь и Донъ Альфонсъ де Лейвы наняли ихъ для моей прислуги, одного въ повара, другаго ему въ помощники, шрешняго въ работники, четвершаго въ приврашники, а прочихъ въ лакеи, запрешивъ имъ брать ошъ меня какую нибудь плату, пошому что оба господина намѣрены на свой счешъ содержать домъ мой. Поваръ, по имени Іоахимъ, былъ главный изъ сихъ

служишелей, и говорилъ за
 есѣхъ. Онъ донесъ мнѣ, что
 запасено имъ довольное коли-
 чество самыхъ дорогихъ Ис-
 панскихъ винъ; а что касает-
 ся до спола, то онъ, какъ
 человѣкъ, служившій шесть
 лѣтъ поваромъ у Его Высо-
 копреосвященства, Архіепис-
 копа Валенцкаго, надѣется
 приготовить кушанье совершен-
 но по моему вкусу. „Я теперь
 же постараюсь, примолвилъ
 онъ, представивъ вамъ опытъ
 моего искусства; а между тѣмъ
 не угодно ли, сударь, прогу-
 латься; извольте обойти весь
 замокъ; посмотрите, удобенъ
 ли онъ къ помѣщенію вашей
 милости.“

Легко можно предсказать,
 что я не пропустилъ сдѣлать
 эшаго обозрѣнія. Сципіонъ,
 любопытствуя еще болѣе мо-
 его, таскалъ меня изъ ком-
 нашы въ комнату. Мы про-
 бѣжали весь домъ съ верху до
 низу; ни одно мѣсто (по край-
 ней мѣрѣ, мы такъ думали)
 не укрылось отъ жадныхъ взо-
 ровъ нашихъ; повсюду имѣлъ
 я причину удивляться милос-
 шямъ, какія Донъ Цезарь и сынъ
 его мнѣ оказывали. Между
 прочимъ, привели меня въ
 изумленіе двѣ комнаты, превос-
 ходно убранныя, хошя и безъ
 дальняго великолѣпія. Въ одной
 были Голландскіе обои, бар-
 хашные спулья и постеля, еще

въ довольно чистотѣ и цѣлоспи, хотя существовали съ того времени, когда Мавры владѣли Королевствомъ Валенціею. Мебели другой компанши были въ томъ же вкусѣ: обои изъ стариннаго Генуэзскаго желшаго апласу, постеля и креслы изъ такой же матеріи, съ голубой шолковой бахрамой. Все это, если бы продавать съ аукціону, спойло бы не великихъ денегъ, а здѣсь казалось весьма дорогимъ и красивымъ.

Осмопрѣвъ всѣ вещи, возвращились мы въ залу, гдѣ накрытъ былъ столъ съ двумя приборами. Мы сѣли, и въ одну минушу подали намъ

оллу-подриду, споль вкусную, что мы не могли не пожалѣть объ Архіепископѣ Валенцкомъ, копорый лишился такого превосходнаго повара. Правда, мы очень проголодались, слѣдсшвенно не мудрено, что это кушанье показалось намъ недурно. При всякомъ почти кускѣ, новые лакеи мои подносили намъ по большой полной рюмкѣ прекраснаго Ламанхскаго вина. Сципіонъ, спыдаясь обнаружитъ передъ нами внутреннее свое удовольствіе, изъявлялъ мнѣ оное выразительными взглядами, а я давалъ ему знать своими, что сполько же былъ доволенъ, какъ и онъ. Блюдо жа-

ренаго: двѣ жирныя упки съ молодымъ зайцемъ пріятнаго запаха, опекло насъ ошъ душистой смѣси, и совершенно утолило нашъ голодъ. Наѣвшись до сыта, и попивши порядочно, встали мы изъ за стола, и пошли въ садъ отдохнуть въ какомъ нибудь прохладномъ и пріятномъ мѣстѣ.

До сихъ поръ Секретарь мой былъ весьма доволенъ шѣмъ, что видѣлъ; но вошедъ въ садъ, еще больше сбродовался: онъ сравнивалъ его съ садомъ Эскуріальскимъ. Правда, Донъ Цезарь, который пріѣзжалъ иногда въ Лиріасъ, любилъ разводить и украшать

онный. Дорожки, усыпанные пескомъ и обсаженные померанцовыми деревьями, большой бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, по срединѣ котораго бронзовый левъ выпускалъ изъ пасти пѣнящуюся воду, красота цвѣтовъ, разнообразіе плодовъ, всѣ сіи предметы очаровали Сципіона; особенно же восхищался онъ длинною пѣнисшою аллеєю, которая отлого вела къ домику откупщика. Выхваляя мѣсто, споль удобное служишь убѣжищемъ отъ солнечнаго зною, мы шутъ остановились, и сѣли подъ вязомъ. Сонъ скоро овладѣлъ двумя весельчаками, которые исправно пообѣдали.

Часа черезъ два вдругъ пробудились мы опъ многихъ ружейныхъ выстрѣловъ; они слышны были шакъ близко опъ насъ, что мы крайне испугались. Вскочивъ безъ памяти, побѣжали къ опкупщикову дому узнать о причинѣ такой стрѣльбы; нашли тамъ человѣкъ десять крестьянъ, жителей моей деревни, копорые, собравшись, палили изъ ружей въ честь моего пріѣзду. Многіе изъ нихъ знали меня, видавъ нѣсколько разъ въ замкѣ, когда я былъ управителемъ. Лишь только они примѣшили меня, какъ закричали всѣ вмѣстѣ: „Да здравсшвуешъ новый нашъ госпо-

динъ ! Добро пожаловать !"—
 Попомъ зарядили опяшь свои
 ружья, и поздравили меня ге-
 неральнымъ залпомъ. Я при-
 нялъ ихъ съ возможною ла-
 скою, однакожь и не безъ ва-
 жности, не разсудивъ обой-
 шись съ ними слишкомъ по-
 просу; увѣрялъ ихъ въ мо-
 емъ покровительствѣ; побро-
 салъ имъ десяшка два пи-
 сполей, что, думаю, больше
 всего имъ понравилось. Послѣ
 сего я оставилъ имъ на волю
 попрашишь еще нѣсколько по-
 роху, и удалился съ Секре-
 таремъ моимъ въ лѣсъ, гдѣ
 мы прогуливались до самой
 ночи, любуясь деревьями :
 сколько прелестей представ-

ляешь намъ сначала облада-
ніе вновь пріобрѣщеннымъ
имѣніемъ!

Поваръ, помощникъ его и
работникъ между тѣмъ не
были безъ дѣла; они готови-
ли для насъ ужинъ. Вошедши
въ залу, въ которой обѣдали,
мы увидѣли на столѣ блюдо
съ чепырьмя жареными ку-
ропашками, супъ изъ кро-
личьяго мяса и каплуна въ
соусѣ. Потомъ подали намъ
свинныя уши, яблоки въ саха-
рѣ вареные, и въ заключеніе
шеколадъ съ густыми слив-
ками. Мы порядочно попили
Люценскаго и другихъ винъ
самыхъ лучшихъ соршовъ.
Чувствуя наконецъ, что безъ

вреда здоровью не можемъ
 пишь болѣе, спали помыш-
 ляшь о снѣ. Лакеи проводили
 меня въ спальню, гдѣ пош-
 часъ и раздѣли. Когда они
 подали мнѣ шлафрокъ и кол-
 пакъ, я выслалъ ихъ вонъ,
 сказавъ повелишельнымъ го-
 лосомъ: „Спупайте; теперь
 мнѣ въ васъ нѣшъ надобно-
 сши.“

Я оставилъ при себѣ од-
 ного Сципіона, чшобы съ нимъ
 покалякашь. На вопросъ мой,
 каково ему кажется угоще-
 ніе, сдѣланное мнѣ по при-
 казанію господъ Лейвовъ, онъ
 ошвѣчалъ: „Лучшаго сдѣлашь
 не возможно! Желаю только,
 чшобъ оно продолжилось.“ —

А я такъ не желаю, возразилъ я, и ни за что не соглашусь, чшобъ благодѣшели мои дѣлали для меня такія издержки; эшо значило бы упошреблять во зло ихъ великодушіе. При томъ же я не въ соспо-яніи пользовапсья людьми, нанятыми для меня на чужой счешъ; мнѣ будешъ казашься, что я все еще не въ своемъ домѣ; впрочемъ, я удалился сюда не за шѣмъ, чшобъ жишь такъ пышно: на что намъ такое множесшво служишелей? Пускай останушся при насъ Бершрандъ, поваръ, работникъ и одинъ лакей.—Хошя Секретарю моему и непрошшвно было бы жишь всегда на счешъ

Валенцкаго Губернашора , одинакожь онъ не опровергалъ моею въ семъ случаѣ разборчивости ; и , сообразуясь съ моими чувствованиями , одобрилъ замышляемую мною перемѣну. Попомъ вышелъ онъ опъ меня и опправился въ свою комнапу.

~~~~~
ГЛАВА IV.

Жилблазъ ѣдетъ въ Валенцію повидаться съ господами Лейвами; о семъ онъ говорилъ съ ними, и какъ приняла его Серафина.

Раздѣвшись, легъ я въ постелю ; и , какъ спать мнѣ еще не хотѣлось, то предался

размышленіямъ. Представлялъ себѣ дружбу, кошорою господа Лейвы плашили мнѣ за мою къ нимъ привязанность; и, шронупъ будучи новыми знаками ихъ благорасположенія, вознамѣрился на другой же день къ нимъ ѣхать, неперпѣливо желая поблагодарить ихъ за всѣ милости. Я напередъ уже радовался, что опяшь увижу Серафину; но радость сія смѣшана была съ безпокойствомъ: я не могъ подумать безъ смущенія, что мнѣ надлежало также представить предъ глаза госпожи Лоренсы Сефоры, кошорая, можешъ бышь, помня еще, за что дала мнѣ пощечину, не

совсемъ будешь довольна моимъ появленіемъ. Опъ сихъ различныхъ мыслей умъ мой утомился; я заснулъ крѣпко, и на другой день пробудился уже послѣ восхожденія солнца.

Я тошчасъ вспалъ, и, помышляя о предполагаемой поѣздкѣ, одѣлся на скоро. При окончаніи моего туалета, Секретарь вошелъ ко мнѣ въ спальню. „Сципіонъ, сказалъ я ему, ты видишь человека, который гошовишся ѣхать въ Валенцію. Не думаю, чѣмъ ты спалъ охуждаешь мое намѣреніе. Мнѣ хочется какъ можно скорѣе поблагодарить господъ Лейвовъ за шепереш-

нее мое благосостояніе: каждая минуша замедлѣнія, кажепся, обвиняешъ меня въ неблагодарности. Тебѣ же, другъ мой, не зачѣмъ за мною слѣдовашь; останься здѣсь на время моего отсутствія; я ворочусь черезъ недѣлю.“ — Поѣзжайте, сударь, оповѣчалъ онъ, отдайте почтеніе Дону Альфонсу и отцу его; они, мнѣ кажепся, умѣютъ чувствовашъ изъясляемое къ нимъ усердіе, и бышъ благодарными за услуги. Знашныя господа съ такими качествами столь рѣдки, что надобно всячески дорожить ими. — Я велѣлъ Бернранду готовишъся къ отъѣзду, и пока онъ закладывалъ муловъ, я на-

пился шеколаду; попомъ сѣлъ въ коляску, приказавъ людямъ моимъ почишашь Сципіона, какъ меня самаго, и повиноваться его повелѣніямъ, какъ моимъ собственнымъ.

Въ дорогѣ пробылъ я менѣе чешырехъ часовъ; подѣхалъ прямо къ конюшнямъ Губернатора; оставилъ шамъ экипажъ свой и велѣлъ проводишь себя въ покои Дона Альфонса, который былъ тогда вмѣстѣ съ опцемъ своимъ, Дономъ Цезаремъ. Я отворилъ двери по домашнему, и, войдя къ нимъ, сказалъ: „Слуги имѣюще право входишь безъ доклада къ господамъ своимъ. Вотъ одинъ изъ старинныхъ вашихъ служише-

лей, копорый явился опдашь
 вамъ свое почшеніе.“ При сихъ
 словахъ, хотѣлъ я бросишься
 къ ногамъ ихъ, но они остано-
 вили меня, и обняли со всѣми
 знаками истинной привязан-
 ности.—„Ну что, любезный
 Саншиллана, спросилъ меня
 Донъ Альфонсъ, былъ ли ты
 въ Лиріасъ, и всступилъ ли
 во владѣніе своимъ помѣсть-
 емъ?“—Былъ, сударь, опвѣчалъ
 я, и покорно прошу взять его
 у меня обратно.—„По чему это?
 Что тебѣ тамъ не нравиш-
 ся?“—Самое помѣстье восхи-
 щаетъ меня; но мнѣ не любо
 видѣшь въ немъ поваровъ Ар-
 хіепископскихъ и впрое бо-
 лѣ слугъ, нежели сколько на-

добно : они шолько причиняюшъ вамъ значительный и без-
полезный убышокъ. —

„Еслибъ шы, сказалъ Донъ
Цезарь , принялъ ошъ насъ
предложенныя шебъ двѣ шы-
сячи червонныхъ пенсіи, мы
подарили бы шебъ шолько за-
мокъ съ мебельями ; но шы,
какъ самъ знаешь, ошъ денегъ
ошказался , и пошому почли
мы за долгъ сдѣлать шо, на
что шеперь жалуешься.“—Эта-
го слишкомъ много, ошвѣчалъ
я: ваша щедрость должна огра-
ничишься пожалованіемъ мнѣ
одного помѣстья, которое естъ
конецъ всѣхъ моихъ желаній.
Кромѣ шого, что содержатъ
шакое множество людей бу-

дешъ спойтъ вамъ очень дорого, я признаюсь откровенно предъ вами, что они мнѣ въ шягосъ; словомъ, прибавилъ я, возьмише назадъ ваше имѣніе, или оставьше меня наслаждашся имъ по моей волѣ.—Послѣднія слова произнесъ я съ такимъ жаромъ, что отецъ и сынъ, не желая ни въ чемъ спѣснять меня, позволили мнѣ жить въ замкѣ совершенно какъ я хочу.

Я благодарилъ ихъ за сіе позволеніе, безъ котораго не могъ быть счастливымъ, какъ Донъ Альфонсъ прервалъ рѣчь мою, сказавъ: „Любезный Жиллазъ, я хочу представить тебя одной дамѣ, которой

пріятно будешъ съ тобою увидѣшься.“—Тутъ взялъ онъ меня за руку, и привелъ въ покои Серафины. Взглянувъ на меня, она вскрикнула отъ радости. „Я думаю, сударыня, сказалъ ей Губернаторъ, что пріѣздъ въ Валенцію друга нашего Саншиланы вамъ не меньше пріятенъ, какъ и мнѣ.“—Въ эпомъ, отвѣчала дама, онъ долженъ быть увѣренъ; время не истребило изъ моей памяти оказанной имъ услуги; и къ благодарности за себя собственнно я присоединяю еще и ту, какою обязана человѣку, которому одолжены вы сами.—Я сказалъ госпожѣ Губернаторшѣ, что

уже слишкомъ награжденъ за опасность, копорой подвергалъ для нее жизнь мою вмѣстѣ съ прочими ея избавителями. Послѣ многихъ съшой и съ другой спороны учпшвостей, Донъ Альфонсъ вывелъ меня изъ покоевъ Се-рафины. Мы пришли къ Дону Цезарю, копорый сидѣлъ въ залѣ со многими знапными особами, прѣхавшими обѣдашь къ Губернашору.

Всѣ сіи господа поклонились мнѣ весьма учпшво; они обласкали меня еще болѣе, когда Донъ Цезарь сказалъ имъ, что я былъ однимъ изъ первыхъ Секретарей Герцога Лермы. А можешъ бышь, боль-

шая часть изъ нихъ и знали, что Донъ Альфонсъ черезъ меня пожалованъ въ Губернаторы Валенціи: въ свѣшѣ ничего не утаишся. Какъ бы то ни было, но за споломъ только и говорили о новомъ Кардиналѣ. Одни выхваляли его опъ искренняго сердца, другіе лукавили. Я видѣлъ ясно, что имъ хотѣлось шѣмъ вовлечь меня въ разговоръ о Его Преосвященствѣ и заспавишь, чшобъ я позабавилъ ихъ на его счешъ. Я охотно бы желалъ сказать объ немъ свои мысли; но удержалъ языкъ мой, и за это почли меня самымъ скромнымъ человекомъ.

Послѣ обѣда госпи разѣхались по домамъ для отдохновенія; Донъ Цезарь и сынъ его для того же удалились въ свои комнашы. А я, побуждаемъ будучи нестерпнѣемъ осмопрѣшь городъ, о красомѣ кошораго такъ много слышался, вышелъ побродить по улицамъ. У самыхъ ворошъ дома встрѣтился со мною человекъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Господинъ Саншиллана, мое почтеніе!“—Я спросилъ у него, кто онъ таковъ?—„Камердинеръ Дона Цезаря, опвѣчалъ онъ; а въ бышность вашу у него управишелемъ я служилъ при немъ лаксемъ; каждое

ушро ходилъ къ вамъ на поклонъ, и пользовался вашими милосшями. Я доносилъ вамъ обо всемъ, что дѣлалось въ домѣ. Помните ли, какъ однажды далъ вамъ знать, что деревенской лѣкаръ посѣщаетъ тайно госпожу Лоренсу Сефору?—Какъ же, очень помню; да скажи пожалуй, куда она дѣвалась?— „Ахъ! бѣдное твореніе! послѣ опѣззда вашего впала въ чахошку и умерла. Объ ней больше жалѣла Серафина, нежели Донъ Альфонсъ, копорый, кажется, мало пронупъ былъ ея смертію.“

Камердинеръ Дона Цезаря, увѣдомивъ меня такимъ об-

разомъ о плачевной кончинѣ Сефоры, извинялся, что остановилъ меня, и я пошелъ своею дорогою. Я не могъ удержаться отъ вздоху, вспомянувъ объ этой несчастной Дуеннѣ, и, сожалея объ ея участи, приписывалъ себѣ смерть ея, не разсудивъ, что причиною тому болѣе бывшій у нее ракъ, нежели личные мои достоинства.

Я смотрѣлъ съ удовольствіемъ на все, что казалось мнѣ достойнымъ замѣчанія въ городѣ. Мраморный дворецъ Архіепископа, прекрасная колоннада Биржи плѣняли взоръ мой; но огромный домъ, который увидѣлъ я издали, и

въ которъй входило множе-
ство народа, привлекъ все
мое вниманіе. Я приблизился,
чтобъ узнать, ошъ чего было
шамъ такое спеченіе муштинъ
и женщинъ, и прочишалъ над-
пись золошыми буквами на
черной мраморной доскѣ: *La
Posada de los Representantes* *).
На афишкѣ было объявлено,
что въ эпошъ день предсшав-
ляющъ въ первый разъ но-
вую трагедію Дона Габріэля
Тріакверо.

---

*) Домъ для театральныхъ пред-
сшавленій.

ГЛАВА V.

*Жилблазъ видитъ представленіе новой трагедіи.
Успѣхъ піэсы. Вкусъ жителей Валенціи.*

Я остано­вился на нѣсколь­ко минушъ у дверей, ч­тобъ поглядѣть на входящихъ; уви­дѣлъ людей всякаго разбора; примѣшилъ спашныхъ и ще­гольски разряженныхъ кавалеровъ, также множес­тво глупыхъ рожъ и дурно одѣ­тыхъ; знашныхъ дамъ, кошо­рыя, выскочивъ изъ каретъ, спѣшили въ наняшья ложи, и прелестницъ, шуда же за ними пѣснившихся замани-

вашъ простяковъ въ свои сѣ-
ши. Сіе разнообразное спече-
ніе зришелей возбудило и во
мнѣ желаніе умножитъ число
ихъ. Лишь только хопѣлъ я
взяшь билетъ, какъ пріѣхалъ
Губернаторъ съ своею супру-
гою. Они узнали меня въ на-
родѣ, и, подозвавъ къ себѣ,
взяли въ свою ложу, гдѣ сѣлъ
я позади ихъ шакъ, что удоб-
но могъ говорить съ обоими.

Въ залѣ всѣ мѣста съ вер-
ху до низу были заняты; въ
партерѣ давили другъ друга,
и шеашръ ломился подъ Ка-
валерами прехъ военныхъ ор-
деновъ. „Какое многочислен-
ное собраніе!“—сказалъ я Дону
Альфонсу.—Дивисься нечему,

отвѣчалъ онъ : трагедія , которую будутъ представлять , есть сочиненіе Дона Габріэля Тріакверо , извѣстнаго подъ именемъ моднаго поэта . Коль скоро объявится въ афишкахъ какое нибудь новинькое произведеніе пера эшаго автора , то весь городъ въ движеніи . Мущины и женщины только и говорятъ объ его піэсѣ ; всѣ ложи уже напередъ захвачены ; и въ день перваго представленія ужасная давка при входѣ , хоша за всякое мѣсто плашися вдвое , кромѣ партера , на который не смѣютъ налагать ничего лишняго . — „Что за безуміе ! — сказалъ я Губернатору . Эшо

жадное любопытство публики, эта чрезвычайная неперпѣливость слышать все, что ни выходитъ новаго ошъ Дона Габріэля, подаетъ мнѣ высокое мнѣніе о дарованіяхъ эшаго стихотворца.“

Актеры явились на сцену. Мы замолчали, чтобъ слушать ихъ со вниманіемъ. Похвалы начались при самомъ началѣ; при каждомъ стихѣ подымался шумъ, и по окончаніи каждаго дѣйствія раздавались рукоплесканія такъ, что казалось, будто все сданіе разрушается. Послѣ представленія, показали мнѣ автора, копорый ходилъ изъ ложи въ ложу, смиренно подсавляя го-

лову подъ лавры, коими готовились увѣнчать ее мушкетеры и женщины.

Мы возвратились въ домъ Губернатора, куда пріѣхали вскорѣ три или четыре кавалера. Потомъ явились двое старыхъ авторовъ, въ своемъ родѣ опличныхъ, и одинъ Мадридской дворянинъ, человекъ съ умомъ и со вкусомъ. Они всѣ были въ шапкахъ. За ужиномъ только и рѣчей было, что объ новой трагедіи. „Господа, сказалъ Кавалеръ ордена Св. Іакова, какъ думаете вы о піесѣ? Не правда ли, что это сочиненіе можно назвать совершеннымъ? Мысли высокія,

выраженія нѣжныя, версифи-
 кація плавная, нѣтъ ни въ
 чемъ недоспашка; словомъ:
 шеореніе во всѣхъ частяхъ
 превосходное! — Не думаю,
 чѣмъ кто могъ судить объ
 немъ иначе, подхвапиль Ка-
 валеръ Альканшарской. Есть
 многія мѣста, которыя, ка-
 жется, самъ Аполлонъ дикто-
 валъ сочинителю; есть поло-
 женія, выведенныя съ непод-
 ражаемымъ искусствомъ: ссы-
 лаюсь на васъ, государь мой,
 прибавилъ онъ, обращаясь къ
 Каспильскому дворянину; я
 вижу, что вы знашокъ, и
 ручаюсь, что согласны со
 мною. — „Не ручайшесь, госпо-
 динъ Кавалеръ, отвѣчалъ дво-

рянинъ съ лукавой улыбкой :
 я не здѣшній жишель; у насъ
 въ Мадридѣ не рѣшашъ такъ
 скоро. Слыша піэсу въ пер-
 вый разъ , мы не только не
 судимъ объ ней рѣшишельно,
 но еще и не довѣряемъ кра-
 сошамъ ея , пока она еъ ус-
 шахъ акшеровъ ; сколько бы
 намъ она ни нравилась , мы
 оплагаемъ приговоръ нашъ до
 того времени , какъ увидимъ
 ее въ печати; и дѣйствитель-
 но не всегда приносишь она
 намъ на бумагѣ то же удо-
 вольствіе, какое на сценѣ.“

„И такъ, продолжалъ онъ,
 всякое театральное сочиненіе
 разсмащиваемъ мы рачишель-
 но, прежде, нежели произно-

симъ о немъ судъ. Слава автора, какъ ни велика, не можешь ослѣпить насъ. Хоша бы самъ Лопецъ де Вега или Кальдеронъ издали что нибудь новое, то и они нашли бы строгихъ судей въ своихъ почишателяхъ, копорые вознесли ихъ на верхъ славы не прежде, пока почли того достойными.“ . . .

—О! государь мой, прервалъ Кавалеръ Св. Іакова, мы не такъ боязливы, какъ вы: для сужденія о піэсѣ, мы не ожидаемъ, чшобъ она была напечатана; съ перваго представленія знаемъ всю ея цѣну. Намъ нѣтъ нужды слушать ее со вниманіемъ: довольно,

если извѣстно, что она естъ произведеніе пера Габріэлева; мы увѣрены, что въ ней нѣтъ недоспашковъ. Творенія эшаго поэта послужашъ эпохою рожденія хорошаго вкуса. Лопецы и Кальдероны, въ сравненіи съ эшимъ великимъ драматическимъ авторомъ, ученики.—

Такое дерзкое сужденіе оскорбило дворянина, который почишалъ Лопеца и Кальдерона Испанскими Софоклами и Еврипидами. — „Какая несправедливостъ! — вскричалъ онъ. Если вы, господа, заставляете меня судить по первому предспавленію, какъ вы сами то дѣлаете, то объяв-

ляю вамъ , что я недоволенъ новою прагедіею вашего Дона Габріэля! Она наполнена больше блестящими, нежели истинными красотою; причеверши стиховъ въ ней слабы, или съ дурными приемами, характеры неприличны, или худо выдержаны; мысли большею частію весьма темны.“

Оба автора, которые были шутъ же за споломъ , и которые по скромности, сколько похвальной, столько и рѣдкой , ничего не говорили , опасаясь подозрѣнія въ зависти, не могли однакожь удержаться , чтобы не одобрили глазами мнѣнія дворянина. Изъ

эшаго заключилъ я, что молчаніе ихъ было слѣдствіемъ полиіики, а не превосходства трагедіи. Чшожь касается до господъ Кавалеровъ, они принялись опяшь хвалишь Дона Габріэля; помѣстили его даже между богами. Такое безразсудное богошвореніе и слѣпое идолопоклонство вывели Касшилланца изъ терпѣнія; поднявъ руки къ небу, вскричалъ онъ съ восторгомъ: „О божественный Лопецъ де Вега, великій геній, оставившій неизмѣримое пространство между собою и всѣми Габріэлями, которые хошашъ съ тобой равняться! И ты, сладкогласный Кальдеронъ, непод-

ражаемый въ эпической нѣжности и живости! не бой-
шесь, чшобъ эшопъ новый пи-
шомецъ Музъ разрушилъ ола-
ри ваши! Для него и то бу-
дешъ великое счастье, если
пошомство, котораго не пе-
респанеше вы бышь ушѣхою,
подобно, какъ нынѣ соспав-
ляеше ушѣху современниковъ,
услышишь о его имени!“

Эшо забавное, никѣмъ не-
ожиданное восклицаніе раз-
смѣшило всѣхъ госпей, ко-
порые, вспавъ изъ за спола,
скоро развѣхались. По при-
казанію Дона Альфонса про-
водили меня въ пригошвлен-
ную мнѣ комнапу. Я нашель
шамъ хорошую постель, легъ

на нее и заснулъ , оплакавъ также , какъ и Каспильской дворянинъ , несправедливостъ , оказываемую невѣждами Лопецу и Кальдерону.

ГЛАВА VI.

Жилблазъ , прогуливаясь по улицамъ Валенціи , встрѣчается съ монахомъ , который показался ему знакомымъ . Что за теловѣкъ былъ этотъ монахъ .

Такъ какъ не удалось мнѣ наканунѣ осмотрѣть всего города , то на другой день поутру пошелъ я со двора съ намѣреніемъ еще побродить по Валенціи . На улицѣ увидѣлъ

я Картезіанскаго монаха, котораго, безъ сомнѣнія, вызвали дѣла монастырскія. Онъ высшупаль, пошупивъ глаза въ землю, и имѣлъ видъ спольнабожный, что всѣ приспально на него смотрѣли. Когда онъ поровнялся очень близко со мною, я поглядѣлъ на него хорошенько, и мнѣ представилось, что вижу въ немъ Дона Рафаеля, того проказника, о которомъ съ честію говорено было въ первой и третней части моей исторіи.

Встрѣча сія такъ удивила, такъ поразила меня, что я, вмѣсто того, чтобы подойти къ монаху, стоялъ нѣсколько минушъ неподвижно; а онъ

между шѣмъ имѣлъ время ошъ
 меня удалишься.— „Праведное
 Небо!—сказалъ я — видано ли
 когда нибудь два лица болѣе
 схожихъ? Чшо мнѣ объ эшомъ
 подумаешь? Вѣришь ли, чшо эшо
 Рафаель? Да могу ли и вооб-
 разишь, чшо не онъ?“ Мнѣ
 шакъ хошѣлось удосшовѣ-
 ришься въ испинѣ, чшо я въ
 шу же минушу просилъ ука-
 зашь мнѣ дорогу къ Карше-
 зіанскому Монастырю, и по-
 шель шуда, въ надеждѣ уви-
 дѣшь шамъ попавшагося мнѣ
 на улицѣ монаха, когда онъ
 возвратишся, и непременно
 ошпановишь его для объясне-
 нія моего сомнѣнія. Однакожь
 мнѣ было не для чего долго

ожидашь его : у Монастырскихъ воровъ , другое знакомое лице обрашило мое недоумѣніе въ извѣстность : я узналъ въ брата—приврашника Амброзія Ламелу, спариннаго слугу моего.

Удивленіе наше , что сошлись другъ съ другомъ въ такомъ мѣстѣ , съ обѣихъ споронъ было равное. „ Не мечша ли это ? — сказалъ я , поклонившись ему : не ужъ ли въ самомъ дѣлѣ вижу передъ собою одного изъ друзей моихъ ? “ Сперва онъ не узналъ меня, или только пришворился ; но , видя , что пришворство было бесполезно , помчасъ принялъ на себя видъ

такого человека, который вдруг о чем нибудь вспомнилъ. „Ахъ! господинъ Жилбазъ, вскричалъ онъ, прощайте: совсемъ было не узналъ васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ живу въ этомъ святомъ мѣстѣ, и стараюсь исполнять всѣ должности, предписанныя нашимъ уставомъ, нечувствительнымъ образомъ теряю воспоминаніе о томъ, что видѣлъ въ свѣтѣ.“

—Истинно радуюсь, сказалъ я ему, что, черезъ десять лѣтъ, вижу васъ въ такой почтенной одеждѣ.—„А я спыжусь показаться въ ней предъ человекомъ, который былъ свидѣтелемъ прежней моей

порочной жизни : это плашье
 безпрестанно меня въ помъ
 укоряешъ. Увы ! — прибавилъ
 онъ съ глубокимъ вздохомъ—
 чшобъ бышь доспойнымъ но-
 сить его , надлежало бы мнѣ
 жить всегда въ невинности. —
 Изъ этихъ словъ , копорья
 восхищають меня, ясно вижу,
 что перстъ Господень коснул-
 ся вашего сердца. Повторяю
 вамъ , что очень тому раду-
 юсь, и горю желаніемъ знать,
 какимъ чудеснымъ случаемъ
 вы и Донъ Рафаель обрапи-
 лись на пушь истинный : я
 увѣренъ , что точно его въ
 Картезіанской одеждѣ вспрѣ-
 шилъ недавно въ городъ ;
 жалю , что не остановилъ

его на улицѣ и не поговорилъ съ нимъ. —

„Вы не обманулись : видѣли точно Дона Рафаеля; чтожь касается до шребуемыхъ вами свѣденій, вошъ онъ: Разспавшись съ вами близь Сегорбіи, сынъ Люцинды и я пуспились по дорогѣ въ Валенцію, съ намѣреніемъ показашъ шамъ новый опышъ нашего искуспва. Случай завель насъ однажды въ здѣшнюю церковь въ то самое время, когда монахи пѣли на хорахъ. Посмотрѣвъ на нихъ со вниманіемъ, мы почувспвовали, что и злодѣи не могушъ не почишашъ добродѣшели. Мы удивлялись благоговѣнію, съ ка-

кимъ молились они Богу; сокрушенный, презирающій земныя удовольствія видъ ихъ, и радость, блистающая у нихъ на лицахъ, доказывали спокойствіе ихъ совѣсти.“

„Смотря на сіе, предались мы размышленіямъ, которыя сдѣлались для насъ душеспасительны: мы сравнивали нравы наши со нравами благочестивыхъ монаховъ; и разность между ними произвела въ насъ смущеніе, безпокойство.— Ламела, сказалъ мнѣ Донъ Рафаель, когда вышли мы изъ церкви, какъ тебѣ показалось все видѣнное теперь нами? Что до меня касается, не могу скрыть отъ

себя, что духъ мой находиш-
 ся въ великомъ смященіи. Ме-
 ня волнуютъ неизвѣстныя до-
 селѣ движенія, и въ первый
 разъ еще въ жизни я чувствую
 раскаяніе въ грѣхахъ моихъ.—
 И со мною происходитъ то
 же самое, ошвѣчалъ я: дурныя
 дѣла мои вопіютъ теперь
 противъ меня, и сердце, ко-
 торое никогда не чувствовало
 угрызений совѣсти, шер-
 зается ими въ эту минуточку.—
 Ахъ! любезный Амброзій, под-
 хвяти мой поварищъ, мы
 почто двѣ заблудшія овцы,
 копорыхъ Отецъ Небесный,
 изъ милосердія, хочетъ опять
 приобщить къ своему стаду.
 Онъ, сынъ мой, Онъ призы-

ваемъ насъ : не преслушаемъ гласа Его ; бросимъ плушні , оставимъ распушсшво , и начнемъ съ сего же дня помышляшъ о великомъ дѣлѣ нашего спасенія. Остальную жизнь надобно провести въ этомъ Монастырѣ , и посвятить ее покаянію.“

„Я одобрилъ мысль Рафаеля , продолжалъ отецъ Амброзій ; и мы приняли великодушное намѣреніе постричься въ Картезіанскіе монахи. Для сего пошли къ ошцу Настоятелю , который лишь только узналъ о нашемъ обѣтѣ , какъ , для испытанія , приказалъ ошвеспи намъ по кельѣ , и содержашъ насъ цѣлый годъ

наровнѣ съ монахами. Мы слѣ-
 довали уставу съ такою по-
 чностію и поспоянствомъ,
 что насъ включили въ число
 послушниковъ. Соспояніемъ
 своимъ мы были очень доволь-
 ны: съ швердостію перенесли
 труды послушничества, и на-
 конецъ посприглись. Такъ
 какъ Донъ Рафаель показался
 способнымъ къ дѣламъ хозяй-
 ственнымъ, то и опредѣлили
 его помощникомъ къ одному
 старому монаху, который
 былъ тогда Экономомъ. Сынъ
 Люцинды желалъ бы лучше
 употребить все свое время
 на молитву; но принужденъ
 былъ пожертвовать благоче-
 стивымъ желаніемъ нуждѣ,

какую въ немъ имѣли. Онъ
 такъ радѣлъ о пользѣ обще-
 ли, что разсуждено было и
 совсемъ поручить ему долж-
 ность сшараго Эконома, ко-
 торый, спустя три года,
 умеръ. И такъ Донъ Рафаель
 находясь /теперь въ этомъ
 званіи, и, можно сказать,
 проходишь оное къ великому
 удовольствію всей брашніи,
 которая отдаетъ ему спра-
 ведливыя похвалы за управ-
 леніе временнымъ нашимъ на-
 слѣдіемъ. Всего удивительнѣе,
 что, не смотря на попеченіе
 свое о умноженіи нашихъ до-
 ходовъ, онъ помышляетъ, ка-
 жется, объ одной только вѣ-
 чности. Остаются ли ему ошъ

занятій хопъ минута для
опдыха, онъ углубляешся въ
размышленія; словомъ, это
одинъ изъ достойнѣйшихъ чле-
новъ нашего ордена.“

Тутъ прервалъ я Ламелу
воспоргомъ, копорый ощу-
пилъ при видѣ возвращающаго-
ся Рафаеля.—„Вопъ онъ, вскри-
чалъ я, вопъ свяшой Экономъ,
котораго ожидалъ я съ не-
терпѣніемъ!“— Съ сими сло-
вами я побѣжалъ, и бросился
къ нему на шею. Онъ отвѣ-
чалъ на мои объяпія шѣмъ же,
и, не показывая ни малѣй-
шаго изумленія опъ такой
встрѣчи, сказалъ мнѣ голо-
сомъ, исполненнымъ крошо-
щи: „Благодареніе Богу, го-

сподинъ Саншиллана, благода-
реніе Богу! Онъ услышалъ мо-
литву мою: я имѣю опять
удовольствіе васъ видѣть.“—
По истинѣ, любезный Рафаель,
(ошѣчалъ я) я принимаю жи-
вѣйшее участіе въ вашемъ
благополучіи: опецъ Амброзій
разсказалъ мнѣ исторію вашего
обращенія, и меня это порадо-
вало. Какое счастье для обоихъ
васъ, друзья мои, что можете
ласкаться бытъ сопричтен-
ными къ малому числу избран-
ныхъ, копорымъ гоповишся
вѣчное блаженство!—

„Такіе грѣшники, каковы
мы съ опцемъ Амброзіемъ —
возразилъ сынъ Люцинды съ
видомъ самымъ смиреннымъ—

не должны бы пишашъ въ себѣ подобной надежды; но раскаяніе злодѣевъ преклоняешъ милосердіе Отца Небеснаго. И вы, господинъ Жилблазъ, примолвилъ онъ, не помышляете ли также заслужить отъ Него прощеніе собственнымъ грѣхамъ вашимъ? Какія дѣла привели васъ въ Валенцію? Не имѣете ли здѣсь, по несчастію, какой нибудь опасной должності? — Нѣтъ, благодаря Бога, освѣчалъ я: съ тѣхъ поръ, какъ очутился отъ Двора, веду жизнь честнаго человека; то наслаждаюсь сельскими удовольствіями въ деревнѣ, которую имѣю въ нѣсколькихъ миляхъ отъ эша-

го города; шо прїѣзжаю сюда для прїятнаго провозденія времени съ здѣшнимъ Губернаторомъ, другомъ моимъ, котораго вы оба совершенно знаете. —

Тутъ я разсказалъ имъ исторію Дона Альфонса де Лейвы. Они слушали со вниманіемъ; а когда я объявилъ, что эшошъ господинъ опослалъ черезъ меня къ Самуелю Симону шѣ при шысячи дукашоновъ, копорые мы у него похишили, шо Ламела прервалъ рѣчь мою, и, оборотясь къ Рафаелю, сказалъ ему: „Опещъ Иларій, по эшому добрый купецъ не долженъ жаловаться на кражу, кошо-

рая возвращена ему съ избыткомъ, и мы оба можемъ быть спокойны совѣстью.“— Въ самомъ дѣлѣ, оповѣчалъ Экономъ, опецъ Амброзій и я, прежде еще вступленія нашего въ Монаштырь, опослали тайно къ Самуелю Симону тысячу пять сотъ червонныхъ. Одинъ честный Священникъ принялъ на себя трудъ сходить въ Ксельву и исполнить наше порученіе. Тѣмъ хуже для Самуеля, когда онъ не посовѣспился взявъ эти деньги, бывъ уже доволенъ творенью во всемъ чрезъ господина Саншиллану.— „Но, спросилъ я, вѣрно ли дошли къ нему ваши червонцы?“—

Нѣшъ никакого сомнѣнія ,
вскричалъ Донъ Рафаель ; за
чеспность Священника я оп-
вѣчаю, какъ за свою собствен-
ную.— „Я также за него ру-
чаюсь , подхвашилъ Ламела ;
это набожный паспырь , по-
святившій себя на исполненіе
порученій такого рода, и ко-
порый, по случаю вѣренныхъ
ему залоговъ, имѣлъ два или
три процесса , и выигралъ
ихъ съ убыткомъ просише-
лей.“

Разговоръ нашъ продолжал-
ся еще нѣсколько времени ;
попомъ мы распались ; они
увѣщевали меня имѣть все-
гда предъ глазами страхъ Го-
сподень, а я, препоручивъ се-

бя свяшымъ ихъ молишвамъ,
 пошелъ прямо къ Дону Аль-
 фонсу. „Вы никакъ не опга-
 даете, сказалъ я ему, съ кѣмъ
 я сей часъ разговаривалъ . . . .
 Съ двумя Картезіанцами, вамъ
 знакомыми: одного зовушъ
 отецъ Иларій, другаго брата
 Амброзій.“— Ты ошибаешься,
 опъѣчалъ Донъ Альфонсъ: у
 меня нѣтъ ни одного знако-
 маго Картезіанца.— „Извини-
 те, сударь; вы видѣли въ
 Ксельѣ брата Амброзія при-
 спавомъ Инквизиціи, а опца
 Иларія писаремъ.“— О Небо!—
 вскричалъ Губернаторъ съ у-
 дивленіемъ — возможно ли,
 чшобъ Рафаель и Ламела сдѣ-
 лались Картезіанскими мона-

хами?—, „Такъ почно: ужъ нѣ-
 сколько лѣтъ шому, какъ они
 посприглись; первый естъ
 Экономъ обителѣ, а другой
 приврашникъ.“

Сынъ Дона Цезаря нѣсколь-
 ко подумалъ; попомъ, пока-
 чавъ головой, сказалъ: „Мнѣ
 кажется, господинъ приславъ
 Инквизиціи и его писарь хо-
 тѣтъ сыграть здѣсь новую
 комедію.“—Вы судите объ нихъ
 по прежнимъ ихъ поступкамъ,
 ошвѣчалъ я. Чтожь касается
 до меня, то, послѣ разговора
 съ ними, я гораздо лучше объ
 нихъ думаю. Правда, не лѣзя
 проникнуть во внутренность
 сердца; но, судя по наружно-
 сти, они обратились на пущь

исстинный.—, „Можетъ спать-ся : бываешь много распуш-ныхъ , которые , послуживъ соблазномъ свѣшу, заключающъ себя въ Монашвыри для спро-гаго покаянія. Дай Богъ, чшобъ и наши два монаха принад-лежали къ числу шакихъ ра-спушниковъ!“—

—Да для чегожь имъ и не бытъ шакими? Они добро-вольно вступили въ Мона-сшырь, и уже давно живутъ добрыми монахами.—, „Что ни говори, Жилблазъ, только мнѣ не любо , что монашырская казна на рукахъ у эшаго оп-ца Иларія , къ которому не могу имѣть довѣренности: ко-гда вспомню о прекрасномъ

повѣспвованіи приключеній
его, то спрашусь за Карше-
зіанцевъ. Я охотно съ побою
вѣрю, что онъ поспригся съ
добрымъ намѣреніемъ; но
взглядъ на золото можетъ
пробудить въ немъ прежнюю
жадность. Не надобно при-
спавлять къ погребу пьяни-
цу, который опъ вина оп-
казался.“

Спустя нѣсколько дней, не-
довѣрчивость Дона Альфонса
была въ полной мѣрѣ оправ-
дана: отецъ Экономъ и братъ
приврапникъ исчезли вмѣстѣ
съ монастырскою казною. Эша
новость, разнесшаяся скоро
по всему городу, подала по-
водъ къ разнымъ забавнымъ

насмѣшкамъ ; ибо многіе , не
знаю по чему , всегда раду-
ются подобнымъ приключе-
ніямъ съ богатыми монахами.
Что касается до Губернато-
ра и меня , мы пожалѣли о
Картезіанцахъ , не хвастаясь
знакомствомъ съ бѣглецами.

ГЛАВА VII.

*Жилблазъ возвращается
въ Лиріасъ. Пріятное из-
вѣстіе, которое получаетъ
онъ отъ Сципіона. Пере-
мѣны въ домашнемъ бы-
ту ихъ.*

Восемь дней провелъ я въ
Валенціи въ самомъ большомъ
свѣшѣ. Спектакли, балы, кон-
церты, пирь, дамскія обще-

ства, всѣ сіи удовольствія были доставляемы мнѣ господиномъ Губернаторомъ и его супругою, которыми я такъ умѣлъ угодишь, что они съ сожалѣніемъ оппустили меня въ Лиріасъ; взяли даже съ меня обѣщаніе раздѣляшь время между ними и моимъ уединеніемъ. Мы положили, чшобъ зиму проводилъ я въ Валенціи, а лѣпо въ моемъ замкѣ. Послѣ такого условія, благодѣтели мои оппустили меня наслаждашь на свободѣ ихъ милостями.

Сципіонъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій моего возвращенія, очень обрадовался, увидѣвъ меня; я удвоилъ его радость

описаніємъ всѣхъ подробно-
стей моего путешествія. „А
ты, мой другъ, что дѣлалъ
здѣсь во время моего отсут-
ствія? Повеселился ли хоро-
шенько?“— Сполько, сколько
можешь слуга, копорому нѣтъ
ничего милѣе, какъ бытъ вмѣ-
стѣ съ своимъ господиномъ.
Я прогуливался вдоль и по-
перегъ въ нашихъ маленькихъ
владѣніяхъ; то, сидя въ рощѣ
близъ ручейка, любовался кра-
сою водою его, споль же
числыхъ, какъ воды священ-
наго источника, копораго
журчаніе раздавалось въ про-
спранныхъ дубравахъ Альбу-
ней; то, лежа подъ деревомъ,
слушалъ пѣніе соловья или

малиновки; то ходилъ спрѣ-
ляшь, удилъ рыбу, и, что
всего болѣе услаждало меня,
читалъ разныя книги, споль-
ко же полезныя, сколько и
забавныя.—

„Да гдѣ вы ихъ брали?“—
прервалъ я съ поспѣшностію
рѣчь Секретаря моего.— Въ
прекрасной библіотекѣ, кошо-
рая находится въ замкѣ и ко-
торую показалъ мнѣ Іоакимъ.—
„Гдѣ же видѣли вы эту мни-
мую библіотеку? Не весь ли
домъ осматрѣли мы въ са-
мый день нашего сюда при-
ѣзда?“—Вамъ такъ кажется;
но знайте, что мы были
только въ трехъ флигеляхъ,
а четвертый позабыли: тамъ-

по Донъ Цезарь, прїѣзжая въ
 Лиріасъ, проводилъ большую
 часть времени въ чшеніи. Въ
 этой библіотекѣ есть очень
 хорошія книги, копорыя оспа-
 влены вамъ, какъ вѣрное по-
 собіе прошивъ скуки, когда
 сады наши, лишенные цвѣ-
 шовъ, и обнаженные лѣса не
 будутъ уже занимать васъ.
 Господа Лейвы хотѣли довер-
 шить свои благодѣянія: они
 помышляли о пищѣ духовной
 столько же, какъ и о шѣлес-
 ной.—

Это извѣстіе произвело во
 мнѣ истинную радость. Я
 велѣлъ проводить себя въ
 четвертый флигель, и пош-
 часъ же рѣшился занять самъ

пу комнату, которую обыкновенно занималъ Донъ Цезарь. Поспеля его, со всѣми мебелями, оставалась еще шухъ; на обояхъ изображено было похищеніе Сабинянокъ. Опшуда вошелъ я въ кабинетъ, гдѣ кругомъ по спѣнамъ стояли низкіе шкафы, наполненные книгами; надъ шкафами висѣли портреты всѣхъ Королей нашихъ. У окна, изъ котораго предспавлялись взорамъ пріятнѣйшіе виды, стоялъ письменный чернаго дерева сподикъ передъ большою софою, покрышою чернымъ же сафьяномъ. Но особенное вниманіе обратилъ я на библіошеку. Въ ней были книги фи-

лософскія , спихотворныя ,
 историческія и великое мно-
 жество рыцарскихъ романовъ.
 Я заключилъ изъ эшаго, что
 Донъ Цезарь большой охоп-
 никъ до сочиненій послѣдняго
 рода. Признаюсь къ стыду
 моему, что и я не пренебре-
 галъ такими произведеніями,
 не смотря на вздоръ и не-
 лѣпость , изъ кошорыхъ онѣ
 скропаны; или я былъ тогда
 чисташель не слишкомъ раз-
 борчивый , или , какъ и всѣ
 Испанцы , ослѣпляясь чудес-
 нымъ, не строго судилъ о ихъ
 достоинствѣ. Скажу одна-
 кожъ себѣ въ оправданіе, что
 чтеніе веселыхъ моральныхъ
 книгъ доставляло мнѣ болѣе

удовольствія, и что Луканъ, Горацій, Эразмъ сдѣлались любимыми моими авторами.

„Другъ мой, сказалъ я Сципіону, окинувъ глазами библіотеку, вошъ пища для нашихъ занятій; но сперва надобно подумать о порядкѣ въ домѣ.“— Объ этомъ не извольте беспокоиться, отвѣчалъ онъ. Въ описаніе ваше я очень хорошо разсмотрѣлъ людей вашихъ, и могу похвастаться, что знаю ихъ совершенно. Начнемъ съ главнаго повара Іоахима; я почишаю его за величайшаго плута, и подозреваю, не выгнанъ ли онъ изъ Архіепископскаго дома за ариеметич-

ческія ошибки, усмошрѣнныя въ счешѣ его расходамъ. Однакожь надобно оспавишь его по двумъ причинамъ; во первыхъ, что онъ искусный поваръ; а во вторыхъ, что я буду за нимъ присмашривашъ, и онъ долженъ бытъ большой хищрецъ, если меня обманешъ. Я уже говорилъ ему, что вы намѣрены оппусшишь ошъ себя прешью часъ изъ своихъ служишелей. Эша вѣсшъ его опечалила; онъ опкрылся мнѣ, что чувсшеуя особенную склонносшъ служишь вамъ, согласишся лучше получашь половинное жалованье, чѣмъ опойши ошъ васъ. Это подаешъ мнѣ поводъ подозрѣвашъ, нѣшъ

ли въ здѣшней деревнѣ какой
 нибудь красавицы, съ копо-
 рой расстаться ему не хо-
 чется. Что касается до по-
 мощника Іоахимова, продол-
 жалъ Сципіонъ, то онъ пре-
 горькой пьяница, а приврап-
 никъ великой грубіянь; мы
 можемъ обойтись безъ нихъ,
 также какъ безъ егеря. Я
 исправлю очень хорошо долж-
 ность послѣдняго, и это до-
 кажу вамъ завтра же: у насъ
 есть ружья, порохъ и дробь.
 Между лакеями, одинъ Арра-
 гонецъ показался мнѣ парнемъ
 добрымъ; мы его и оставимъ;
 всѣ же прочіе никуда него-
 дящая: я не посовѣшовавъ бы
 вамъ держаъ ихъ у себя даже

и тогда, когда бы вамъ понадобилась слугъ цѣлая сотня. —

Довольно пошолковавъ объ этомъ, положили мы осшавить при себѣ повара, рабшника и Аррагонца, а осшальныхъ оппустишь съ честію; что и исполнено въ тошъ же день. Я приказалъ Сципіону выдать каждому изъ нихъ по нѣскольку писшолей въ награжденіе. Послѣ сего учредили мы порядокъ въ замкѣ; разпредѣлили, что кому изъ служащихъ дѣлать, и начали жйть на собсшвенный свой счетъ. Я былъ бы доволенъ и умѣреннымъ сполломъ; но Секретарь мой, боль-

шой охотникъ кушать послаще, не давалъ Іоахиму позабывать мастерства его. Онъ занималъ его такъ исправно, что наши обѣды и ужины спали походишь на пиршества Бернардинскихъ монаховъ.

ГЛАВА VIII.

Жилблазъ влюбляется въ прекрасную Антонію.

Спустя два дни по возвращеніи моемъ въ Лиріасъ, опѣкущикъ мой, Базиль, пришелъ ко мнѣ по утру, и просилъ позволенія представитъ

мнѣ Антонію, дочь свою, которая желала имѣть честь опдашь поклонъ новому господину. Я опвѣчалъ, что мнѣ будетъ это пріятно. Онъ вышелъ, и возвратился скоро съ прекрасною Антоніею. Кажется, можно такъ назвать двушку лѣтъ семнадцати, которая, при правильныхъ чертахъ лица, имѣла самый нѣжный цвѣтъ и прелестнѣйшіе глаза. Хотя на ней было шерстяное платье; но стройный станъ, благородная осанка и пріятности, которыя не всегда бывають вмѣстѣ съ юностью, возвышали простоту ея одежды. На головѣ у нее не было никакого убора;

волосы , назадь забранные по Спаршански, украшались только букетомъ цвѣтовъ.

При первомъ на нее взгля-
дѣ , я былъ пораженъ красо-
тою ея столько же, какъ ры-
цари Карла Великаго преле-
стями Ангелики. вмѣсто по-
го , чѣмъ бы принять Антонію
съ видомъ свободнымъ , ска-
завъ ей какое нибудь при-
вѣтствіе, вмѣсто того, чѣмъ бы
поздравить отца съ счасті-
емъ, что имѣетъ такую пре-
красную дочь , я стоялъ въ
изумленіи и какъ будто безъ
языка ; не могъ произнести
ни одного слова. Сципіонъ ,
замѣтивъ мое смущеніе , на-
чалъ говорить за меня и рас-

почашь похвалы, копорыми
 надлежало бы мнѣ самому о-
 сыпашь эшу милую дѣвушку.
 Она, съ своей стороны, не
 могла плѣнишья мною, видя
 меня въ плафрокѣ и колпакѣ;
 поклонилась мнѣ непринуж-
 денно, и сказала нѣсколько ком-
 плиментовъ, копорые, какъ
 ни были обыкновенны, совсемъ
 очаровали меня. Наконецъ,
 между шѣмъ, какъ Секрешарь
 мой, Базиль и дочь его зани-
 мались взаимными учшиво-
 сшями, я пришелъ въ себя,
 и, будшо бы желая вознагра-
 дишъ глупое свое молчаніе,
 вдался изъ одной крайности
 въ другую; наговорилъ Аншо-
 нїи шѣму нѣжностей; изъя-

снялся съ такимъ жаромъ ,
 что перепугалъ Базиля : онъ ,
 починая меня за человека ,
 гошоваго употребить всѣ мѣ-
 ры къ обольщенію невинной
 дѣвушки , поспѣшилъ выдши
 съ нею изъ моихъ покоевъ ,
 съ намѣреніемъ , можешь быть ,
 удалишь ее навсегда отъ глазъ
 моихъ .

Сципіонъ , оставшись со-
 мной на единѣ , сказалъ , улыба-
 ясь : „Вотъ вамъ новое сред-
 ство избавишься отъ скуки!
 Я не зналъ , что у вашего
 опкупищика есть такая пре-
 красная дочь : я не видалъ ее
 прежде , хотя былъ у нихъ два
 раза ; видно , онъ держишь ее
 взаперти ; да и умно дѣлаешь .

По чесши , эшо завидной кусочикъ ! Но нечего о шомъ и говоришь вамъ: вы плѣнились ею съ перваго взгляду. — Не запираюсь, ошвѣчалъ я. Ахъ ! другъ мой, она показалась мнѣ небеснымъ созданіемъ; въ одну минушу я влюбился въ нее до безумія ; стрѣла , ею пущенная , скорѣе молніи поразила мое сердце. —

„Наконецъ вы влюблены ! эшо восхищаетъ меня ! Чпобъ насладяшься совершеннымъ счасшіемъ въ уединеніи, вамъ недоспавало только любовницы. Слава Богу ! вы теперь все имѣете. Я очень знаю , что намъ шрудненько будетъ обмануть бдишельность Бази-

ля; но это ужь мое дѣло; на-
 дѣюсь черезъ три дни доста-
 вишь вамъ тайное свиданіе
 съ Антоніею. — Можешь быть,
 господинъ Сципіонъ, ты и не
 успѣешь сдержать своего сло-
 ва, и я не намѣренъ испы-
 тывать твое проворство въ
 этомъ случаѣ. Не хочу поку-
 шаться на добродѣтель дѣву-
 шки, которая, кажется, за-
 служиваетъ отъ меня совсемъ
 другія къ себѣ чувствованія.
 И такъ не только не пребую
 отъ твоей ревности, чѣмъ
 ты помогъ мнѣ обезславишь
 ее; но рѣшаюсь жениться на
 ней чрезъ твое посредство,
 если только сердце ея не за-
 нято другимъ. — „Я не ожи-

далъ , чшобъ вы такъ скоро
 вздумали женишься. Не мно-
 гіе помѣщики, на вашемъ мѣ-
 сѣ , поступили бы столь
 честно; они не прежде спали
 бы имѣть на Антонію закон-
 ные виды, какъ увидѣвъ уже,
 что всѣ прочіе неудачны.
 Впрочемъ, не сочтите, чшобъ
 я охуждалъ любовь вашу , и
 искалъ отвратить васъ отъ
 вашего намѣренія. Опкупщи-
 кова дочь доспойна той че-
 сти , копорую хопите ей
 сдѣлать, если только можете
 отдать вамъ сердце чистое
 и чувствительное къ вашимъ
 милостямъ. Я объ этомъ
 нынѣ же узнаю отъ отца
 ея , а можете быть и отъ
 нее самой.“

Повѣренный мой былъ человекъ исправный въ своихъ общаніяхъ. Онъ ходилъ тайно къ Базилію; а подъ вечеръ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, гдѣ я ожидалъ его съ неперпнїемъ и страхомъ. Веселый видъ его успокоилъ меня. „Судя по лицу твоему, сказалъ я, могу надѣяться, что скоро всѣ желанія мои исполнятся.“—Точно такъ, любезный мой господинъ, отвѣчалъ онъ: все благопріятствуетъ вамъ. Я говорилъ съ Базилемъ и его дочерью; объявилъ имъ о вашемъ намѣреніи. Опецъ внѣ себя отъ радости, что вы желаете быть его зятемъ; могу васъ увѣрить, что вы

и Антоніи нравишесь.— „Нравлюсь Антоніи! (прервалъ я въ восторгъ рѣчь его) О Боже мой! вѣришь ли мнѣ этому счастью?“— Не сомнѣвайшесь: она уже васъ любитъ. Правда, это признаніе получилъ я не изъ устъ ея; но заключилъ объ немъ по веселому виду, который показывала она, слушая мое предложеніе. Одна-кожь у васъ есть соперникъ.— „Соперникъ!“— вскричалъ я поблѣднѣвши.— Не безпокойтесь; этошъ соперникъ не похишитъ у васъ сердца вашей любовницы: это поваръ Іоакимъ.— „Ахъ, бездѣльникъ!“— сказалъ я съ громкимъ смѣхомъ. Вошъ для чего не хо-

пѣлъ онъ оставишь моей службы!“— Точно для эшаго. На сихъ дняхъ посватался онъ за Антонію, и получилъ учтивый отказъ.—,,Если ты ничего лучшаго не придумаешь, то непременно надобно, какъ мнѣ кажется, скорѣе сбыть съ рукъ эшаго чудака, пока не провѣдалъ онъ, что я хочу жениться на Базилевой дочери: ты знаешь, поваръ есть опасный соперникъ.“—Правда ваша: надобно опустить его. Завтра по утру, прежде, нежели примется онъ за свою работу, я отдамъ ему паспортъ, и вамъ уже нечего будетъ опасаться ни его соусовъ, ни любви его.

Хотя мнѣ и жаль лишиться
 такого хорошаго повара, но
 я жертвую обжорствомъ мо-
 имъ вашей безопасности.—
 „Не пужи по немъ; эта по-
 теря не совсемъ невозвратна:
 мы достанемъ изъ Валенціи
 повара не хуже его.“ Въ са-
 момъ дѣлѣ, я написалъ не-
 медлѣнно къ Дону Альфонсу,
 что мнѣ нуженъ поваръ; и
 на слѣдующій день прислалъ
 онъ такого, который скоро
 утѣшилъ Сципіона.

Хотя это былъ усердный Се-
 крешаръ и сказалъ мнѣ, буд-
 то бы, по замѣчанію его, Ан-
 тонія внутренно радовалась,
 что плѣнила своего помѣщи-
 ка; однакожь я не смѣлъ по-

ложись на слова его, и
 опасался, не обманула ли его
 ложная наружность. Чтобы
 удостовериться въ томъ, рѣ-
 шился я самъ поговорить съ
 прекрасною Антоніею; пошелъ
 къ Базилію, и подтвердилъ
 все сказанное ему моимъ по-
 сланникомъ. Этого честный
 поселянинъ, человекъ простой
 и опкровенный, объявилъ мнѣ
 что онъ съ величайшимъ удо-
 вольствіемъ отдастъ за меня
 дочь свою. „Не подумайте од-
 накожь, (примолвилъ онъ) что
 дѣлаю это изъ уваженія къ
 вамъ, какъ господину нашей
 деревни. Когда бы вы были
 еще только управителемъ До-
 на Цезаря и Дона Альфонса,

и тогда предпочелъ бы я васъ
 всѣмъ другимъ женихамъ: я
 всегда любилъ васъ; мнѣ жаль
 только, что у Антоніи нѣтъ
 большаго приданаго. — Я ни-
 какого не требую: она одна и—
 вошъ все мое желаніе! — „Слуга
 покорный! вскричалъ спарикъ:
 — нѣтъ, я не нищій, чшобъ
 такъ выдать дочь свою! Ба-
 зиль Буэноприго еще въ со-
 спояніи, благодаря Бога, на-
 дѣлишь ее и приданнымъ. Я хо-
 чу, чшобъ она могла поподчи-
 вать васъ ужиномъ, когда дади-
 те ей обѣдать; я снѣе сказать,
 помѣстѣе ваше приносишь до-
 ходу только пять сотъ червон-
 ныхъ, а я, по родствѣ съ вами,
 доведу его до тысячи.“ —

—Все это въ вашей волѣ, любезный мой Базиль! О деньгахъ у насъ спору не будетъ; надобно только знать, согласна ли ваша дочь?—, Когда я согласенъ, то уже и довольно.“— Не совсемъ: сколько нужно мнѣ ваше, столько же необходимо и ея собственное согласіе.—, Но ея воля зависить отъ моей. Хотѣлъ бы я посмолтрѣть, какъ она осмѣлилась мнѣ прекословишь!“— Безъ сомнѣнія, Антонія, изъ дѣтской покорности, гопова слѣпо вамъ повиноваться; но не знаю, сдѣлаетъ ли это охотно при семъ случаѣ; а иначе, весь вѣкъ сожалѣть буду, ставъ причиною ея не-

счастія; словомъ, не довольно того, что получаю отъ васъ ея руку, надобно, чшобы она безъ принужденія отдала мнѣ свое сердце.— „Ей! ей! не понимаю этой философіи. По-говорише сами съ Антоніей, и вы увидите, что я не обманываюсь; что она ничего больше не желаетъ, какъ бытъ вашею женою.“—Тутъ позвалъ онъ дочь свою, и оставилъ меня на минушу съ нею.

Желая воспользовашься драгоценнымъ временемъ, я щотчасъ приступилъ къ объясненію. „Прекрасная Антонія, сказалъ я ей, рѣшите судьбу мою. Хошя бапюшка вашъ и далъ мнѣ свое слово, но не

думайте, чѣмъ, основываясь на немъ, захошѣлъ я сдѣлать насиліе вашему сердцу. Какъ ни легко обладать вами, но я опшказываюсь, если вы скажете, что обязанъ буду за то единственно вашему послушанію.“—Этого-то я ска-
зала вамъ и не могу, опвѣ-
чала она покраснѣвши; иска-
ніе ваше мнѣ нимало непро-
шивно, и, вмѣсто того, чѣмъ
ропщала на выборъ бапюш-
ки, я благодарю его. Не знаю,
хорошо ли, худо ли дѣлаю,
что такъ говорю вамъ; но
еслибъ вы не нравились мнѣ,
то конечно я не пошла бы
того опъ васъ; для чегожъ
не признаюсь въ прошив-

номъ столь же ошкроденно?—

Послѣ такого признанія, которое не могъ я выслушать безъ восхищенія, я бросился на колѣни предъ Антоніею, и, въ сладостномъ восторгѣ, схватилъ прекрасную руку ея, покрылъ ее нѣжными, спрашными поцѣлуями. „Дражайшая Антонія! сказалъ я, чистосердечіе ваше плѣняетъ меня; продолжайте; вы говорите съ женихомъ вашимъ; пусть душа ваша ошкродится вся передъ его глазами. И такъ я могу ласкаться надеждою, что вы не безъ удовольствія соединяете судьбу свою съ моею?“. . . Базиль,

войдя въ это самое время ,
помѣшалъ мнѣ продолжашь .
Неперпѣливо желая знать ,
что отвѣчала мнѣ дочь его ,
и уже приговорясь бранишь
ее, если оказала она хоть ма-
лую ко мнѣ несклонность ,
спросилъ меня: „Что, доволь-
ны ли вы Антоніею?“— Такъ
доволенъ , отвѣчалъ я , что
сію же минушу начну дѣлать
приготовленія къ нашей свадь-
бѣ.— Туть , проспившись съ
отцемъ и дочерью, пошелъ я
совѣтоваться объ этомъ съ
Секретаремъ моимъ.

ГЛАВА IX.

Жилблазъ женится на прекрасной Антоніи; какии образои происходила свадьба; кто на ней былъ, и какими веселостями она сопровождалась.

Хотя мнѣ и не было надобности просить у господъ Лейвовъ позволенія женишься, однакожь мы разсудили съ Сципіономъ, что неловко будешъ не сообщить имъ моего намѣренія взять за себя дочь Базиля, и даже не пошребовашъ, изъ учтивости, ихъ на то согласія.

Я поѣхалъ немедленно въ Валенцію, гдѣ удивились сколько же неожиданному пріѣзду моему, сколько и причинъ онаго. Донъ Цезарь и Донъ Альфонсъ, которые довольно знали Антонію, поздравляли меня съ счастливымъ выборомъ. Особенно Донъ Цезарь сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе съ такимъ жаромъ, что если бы я не почишалъ его за человека, давно уже оставившаго извѣсшныя шалости, то могъ бы подозрѣвать, что онъ ѣздилъ иногда въ Лиріасъ не столько для осмотра своего замка, сколько для посѣщенія опшкупщиковой дочери. Серафина, съ своей стороны, увѣ-

ривъ меня , что принимаетъ участіе во всемъ до меня касающемся , сказала , что ей очень хвалили Антонію. „Но,— прибавила она съ лукавою усмѣшкою , и какъ будто въ упрекъ за холодность мою къ Сефоръ,—хотя бы я и не слышалась о красотѣ вашей невѣсты , положились бы конечно на вкусъ вашъ , котораго разборчивость мнѣ извѣстна.“

Донъ Цезарь и сынъ его не только одобрили бракъ мой, но еще объявили, что хотяшъ на свой счетъ сыграть и свадьбу. „Спупай съ Богомъ опяшъ въ Лиріасъ , сказали они , и оставайся спокойно ,

пока мы туда не приѣдемъ. Не дѣлай никакихъ пригош-
вленій; мы все принимаемъ
на себя.“ Согласно ихъ во-
лѣ, возвратился я въ свой
замокъ. Увѣдомилъ Базиля и
дочь его о намѣреніи нашихъ
покровишелей, и мы ожидали
ихъ съ величайшимъ непер-
пѣніемъ. Восемь дней прошло,
а мы объ нихъ ничего не
слыхали. За то въ девятый
увидѣли коляску, заложенную
четырьмя мулами, въ кошо-
рой сидѣли швеи съ дорожи-
ми шелковыми матеріями на
плаще невѣстѣ, и кошорую
проводжали верхомъ лакеи.
Одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ
письмо отъ Дона Альфонса.

Онъ извѣщалъ меня , что на другой день будешь въ Лиріасъ съ опцемъ своимъ и супругою , а на слѣдующій затѣмъ совершился и бракосочетаніе мое Великимъ Валенцкимъ Викаріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Донъ Цезарь, сынъ его и Серафина не приминули пріѣхать ко мнѣ въ замокъ и привезти съ собою Викарія. Они всѣ четверо сидѣли въ каретѣ въ шесть лошадей ; передъ нею въ другой каретѣ, четвернею , находились Серафинины женщины ; а позади слѣдовала Губернапорская свита.

Госпожа Губернапорша лишь только вспустила въ замокъ ,

какъ изъявила крайнюю не-
 терпѣливостъ видѣть Аншо-
 нію, кошорая, съ своей спо-
 роны, коль скоро узнала о
 пріѣздѣ Серафины, поспѣшила
 изъявити ей свое почтеніе и
 поцѣловать у нее руку. Она
 исполнила эшо съ такою прі-
 яшностію, чшо всѣ удивились.
 „Ну, сударыня, сказалъ Донъ
 Цезарь своей невѣснѣ, чшо
 думаете вы объ Аншоніи? Могъ
 ли Саншиллана сдѣлать луч-
 шій выборъ?“—Нѣшъ, ошвѣча-
 ла Серафина; они доспойны
 другъ друга, и я не сомнѣва-
 юсь, чшобъ союзъ ихъ не былъ
 очень счастливъ.— Словомъ:
 всякъ превозносилъ похвалами
 мою невѣсшу; и если нрави-

лась она въ шерстяномъ
плащѣ, то надобно предста-
вить себѣ, до какой степени
восхищались ею, когда яви-
лась она въ богатомъ нарядѣ.
Казалось, будто никогда и не
одѣвалась она иначе, шакъ
благороденъ былъ видъ ея и
непринужденны поступки.

Наконецъ настала минута,
въ которую нѣжныя узы бра-
ка должны были соединить
участъ мою съ ея участью.
Донъ Альфонсъ взялъ меня за
руку для сопровожденія къ
олшарю, а Серафина сдѣлала
ту же честь моей невѣстѣ.
Въ такомъ порядкѣ пошли мы
въ церковь, гдѣ ожидалъ насъ
Викарій. Церемонія совершена

была при радостныхъ вос-
 клицаніяхъ жишелей Лиріаса
 и всѣхъ богатыхъ поселянъ
 изъ окрестности. Они при-
 вели съ собою дочерей, копо-
 рыя украсили себя цвѣтами,
 леншамъ, и держали въ ру-
 кахъ маленькіе барабаны. По-
 томъ возвратились мы въ
 замокъ, гдѣ попеченіями Сци-
 піона, какъ распорядителя
 пиршества, накрыты были
 три стола: одинъ для господъ,
 другой для ихъ свиты, а
 третій, самый большой, для
 всѣхъ званыхъ гостей. Анто-
 нія, по волѣ Губернаторши,
 сидѣла за первымъ, я хозяй-
 ничала за вторымъ, а Базиль
 помѣстился за третьимъ.

Что касается до Сципіона, онъ совсемъ не садился; но бросался опъ одного сполѣ къ другому, и наблюдалъ, чшобъ кушанье подавали исправно, и чшобъ всѣ были довольны.

Обѣдъ гошвили повара Губернашорскіе; изъ эшаго заключишь можно, что ни въ чемъ не было недоспашка. Хорошихъ винъ не жалѣли; госпи начали уже погромче поговаривать; повсюду царшвовало веселіе, какъ вдругъ возмушилъ его одинъ случай, кошорый перепугалъ меня чрезвычайно. Въ той комнашѣ, гдѣ сидѣлъ я съ главными офиціаншами Дона Альфонса

и съ женщинами Серафины, Секретарю моему сдѣлалось дурно, и онъ упалъ безъ памяти. Я вспалъ, чшобы по-дашь ему помощь, и, между шѣмъ, какъ сшарался привесшь его въ себя, одна изъ женщинъ шакже упала безъ чувствва. Всѣ госши подумали, что эшопъ двойной обморокъ заключаешъ въ себѣ какую нибудь шайну, и дѣйсшви-шельно скрывалась въ немъ шайна, кошорую однакожь скоро узнали. Сципіонъ, пришедъ въ себя, сказалъ мнѣ шихонь-ко: „Случись же, чшобъ счастливейшій изъ дней вашихъ сдѣлался для меня самымъ непріятнымъ! Не лъзя избѣ-

жашь судьбы своей, примолвилъ онъ: въ одной изъ Серафининыхъ горничныхъ нашелъ я жену свою.“

—Что слышу? вскричалъ я; бышь не можешь! Какъ? ты мужъ той женщины, копорой сдѣлалось дурно въ одно время съ побою?—„Да, сударь, я мужъ ея; и клянусь вамъ, что судьба, предсшавивъ ее глазамъ моимъ, не могла сыграть со мною шушки досаднѣе.“—Не знаю, другъ мой, причинъ, по копорымъ ты жалуешься на свою половину; но какой бы ни подала она къ тому поводъ, прошу тебя, если ты меня любишь, преодолѣй себя, и не разспрой

нашего праздника изъявленіемъ своего гнѣва.— „Вы будете мною довольны; увидишь, умѣю ли я пришворяться.“

Выговоривъ слова сіи, подошелъ онъ къ женѣ своей, (подруги ея возвращали ей также употребленіе чувствъ) и, обнявъ ее съ горячностью, будто очень обрадовался такому свиданію, сказалъ: „Ахъ! милая Беаприкса, наконецъ, послѣ десятилѣтней разлуки, Небо опять соединяетъ насъ! Какая сладостная для меня минуша!“—Не знаю, отвѣчала жена его, точно ли ты радуешься встрѣчѣ со мною; по крайней мѣрѣ я твердо увѣрена, что не подала тебѣ

никакой справедливой причи-
 ны поступишь со мною столь
 жестокимъ образомъ. Ты за-
 сшаешь меня въ одну ночь съ
 Дономъ Фернандомъ Лейвою,
 который влюбленъ былъ въ
 Юлію, госпожу мою; я была
 ихъ повѣренною; а тебѣ по-
 мечшалось, что имѣю съ нимъ
 связь на счетъ твоей и моей
 чести; и вотъ ревность ли-
 шаетъ тебя разсудка; ты о-
 славляешь Толедо, бѣжишь
 отъ меня, какъ отъ чудови-
 ща, не удостоивъ даже объ-
 ясненія. Скажи, кто изъ насъ
 имѣетъ болѣе права жало-
 ваться?—„Безъ всякаго сомнѣ-
 нія ты“—возразилъ Сципіонъ.
 —И конечно я. Донъ Фернандъ,

вскорѣ послѣ опѣзда швоего
изъ Толедо, женился на Юліи,
при копорой я и оставалась,
пока она была жива ; а съ
шѣхъ поръ , какъ преждевре-
менная смерть ее опѣ насъ
похишила, нахожусь въ услу-
женіи у сестры ея, копорая
также , какъ и всѣ мои по-
други , можешъ опвѣчать за
непорочность моего поведе-
нія.—

Секретарь мой послѣ та-
кого опзыву , основательного
сши коего опровергнутъ былъ
не въ состояніи, охотно рѣ-
шился на все согласишься.
„Еще повпоряю, сказалъ онъ
женѣ своей , я виноватъ , и
прошу у тебя прощенія предъ

этимъ почтеннымъ собраніемъ.“ Тогда я, вступясь за него, просилъ также Беатриксу забыть прошедшее, увѣряя, что мужъ ея будетъ впредь стараться угождать ей всячески. Она склонилась на мою просьбу, и всѣ гости радовались ихъ соединенію. Для бóльшаго торжества посадили ихъ за столъ другъ подлѣ друга; пили за ихъ здоровье. Можно было подумать, что мы праздновали болѣе примиреніе ихъ, нежели мою свадьбу.

Изъ за прешьяго стола вспали прежде всѣхъ. Молодые поселяне принялись за пляску съ молодыми крестъ-

янками, которыя звукомъ ма-
 ленькихъ барабановъ своихъ
 топчасъ привлекли гостей,
 сидѣвшихъ за другими спо-
 лами, и возбудили охоту по-
 слѣдовать ихъ примѣру. Тутъ
 все пришло въ движеніе. Офи-
 ціаншы Губернаторскіе
 пошли плясать съ горничны-
 ми Губернаторши. Сами го-
 спода присоединились къ нимъ;
 Донъ Альфонсъ прощанцовалъ
 сарабанду съ Серафиною, а
 Донъ Цезарь съ Антоніею, ко-
 торая попомъ взяла меня, и
 прощанцовала довольно хоро-
 шо, хоша и немного поучи-
 лась только въ Албаразинѣ у
 одной мѣщанки изъ своихъ
 родственницъ. Что касается

до меня, я, какъ сказано выше, взявши нѣсколько уроковъ въ домѣ Маркизы Хавесъ, показался собранію великимъ танцоромъ. Беатрикса же и Сципіонъ лучше захопѣли поговорить между собою, и рассказали другъ другу о томъ, что случилось съ ними во время разлуки; но разговоръ ихъ прерванъ былъ Серафиною, которая, узнавъ о нечаянномъ ихъ свиданіи, приказала позвать къ себѣ обоихъ, чтобы изъяснить имъ свою о томъ радость. „Друзья мои, сказала она имъ, въ этотъ веселый для всѣхъ день удовольствіе мое усугубилось еще тѣмъ, что вижу васъ

змѣстѣ. Добрый Сципіонъ прибавила она, возвращаю тебѣ жену твою, ручаясь, что поведеніе ея было всегда безпорочно; живи здѣсь съ нею въ согласіи; а ты, Беаприкса, останься при Антоніи, и будь ей столько же предана, какъ мужъ твой господину Саншилланъ.“ Сципіонъ, послѣ эшаго долженъ будучи почищать жену свою не иначе, какъ за впорую Пенелопу, общался имѣть къ ней всевозможное уваженіе.

Крестьяне и крестьянки, проплясавъ весь день, разошлись по домамъ своимъ; но пиршество еще продолжалось въ замкѣ. Былъ великолѣпный

ужинъ; и когда пришло время ложиться спать, Викарій благословилъ брачное ложе; Серафина раздѣла новобрачную, а господа Лейвы оказали шу же честь мнѣ. Всего забавнѣе было то, что офиціанты Дона Альфонса и горничныя Губернашорши вздумали, для шутки, подражать этому обряду: они раздѣли Беатриксу и Сципіона, которые, чтобы сдѣлать церемонію еще смѣшнѣе, съ важностью дали снять съ себя плаще, и положили себя въ постелю.

ГЛАВА X.

*Что случилось послѣ
свадьбы. Начало Сципіо-
новой исторіи.*

На другой день свадьбы, господа Лейвы возвратились въ Валенцію, оказавъ мнѣ тысячу новыхъ знаковъ своего благорасположенія. Секретарь мой и я остались одни въ замкѣ съ нашими женами и слугами.

Старанія наши угождашь симъ дамамъ были не напрасны; я въ короткое время снискалъ ошъ моею супруги такую же любовь, какую самъ имѣлъ къ ней; а Сципіонъ

заставилъ жену свою забыть причиненныя ей опъ него печали. Беатрикса, будучи умна и услужлива, скоро пришла въ милосшъ у новой госпожи своей, и пріобрѣла всю ея довѣренность. Наконецъ, мы всѣ четверо такъ хорошо между собою поладили, что начали наслаждашья завидною учасшью. Дни проходили у насъ въ пріятныхъ забавахъ. Антонія имѣла характеръ сшепенный; за то Беатрикса и я были очень веселы; но впрочемъ достаточно было бы одного Сципіона опврашить всякую меланхолію. Эпошъ неоцѣненный въ обществѣ человекъ былъ одинъ

изъ шѣхъ забавниковъ, ко-
рымъ спойшь только пока-
заться, чѣмъ развеселишь бе-
сѣду.

Однажды послѣ обѣда взду-
малось намъ пойти отдох-
нуть въ одномъ самомъ пріят-
номъ мѣстѣ лѣса. Секретарь
мой однакожь такъ развесе-
лился, чѣмъ забавными своими
разговорами опьяля у насъ
охоту спать. „Переспань,
другъ мой, сказалъ я ему;
или когда ужъ не даешь намъ
уснуть, такъ поговори о чемъ
нибудь такомъ, чѣмъ заслужи-
вало бы наше вниманіе.“ —
Съ охотою, сударь, отвѣчалъ
онъ. Угодно ли, я расскажу
вамъ исторію Короля Пела-

гія *)?—„Я лучше бы желалъ слышать твою собственную; однако ты не разсудилъ доспавить мнѣ эшаго удовольствія, какъ давно ни живемъ мы вмѣстѣ, и, повидимому, я никогда имѣть его не буду.“— А почему? Я не рассказывалъ вамъ своей исторіи пошому, что вы не изъявляли нима-лѣйшаго желанія знать ее; и такъ не моя вина, когда по-хожденія мои вамъ неизвѣстны. Если угодно объ нихъ слышать, то сей часъ же удовлетворю ваше любопытство.—Антонія, Беатрикса и

---

*) Пелатій былъ основателемъ Королевства Асшурійскаго.

я поймали его на словѣ, и расположились слушать его повѣсть, кошорая могла произвести на насъ хорошее дѣйствіе, то есть, или позабавить, или усыпить.

Я былъ бы (такъ началъ говорить Сципіонъ) сынъ вельможи перваго класса, или по крайней мѣрѣ какого нибудь Кавалера Св. Іакова или Альканшары, если бы это зависѣло отъ меня собственно; но какъ не льзя самому выбирать себѣ отца, то вы узнаете, что батюшка мой, по имени Торрибіо Сципіонъ, былъ честный приставъ святой Германдадъ. По должности своей, бродя почти ка-

ждый день шуда и сюда по
 большимъ дорогамъ, однажды
 встрѣшился онъ, между Ку-
 энсою и Толедомъ, съ молодою
 Цыганкою, копорая показа-
 лась ему красавицею. Она шла
 одна, и несла съ собою все
 свое имущество въ кошомкѣ
 за плечами. „Куда ты идешь,
 душенька?“—спросилъ онъ ее,
 смягчивъ, сколько можно, гру-
 бый свой природный голосъ.—
 Въ Толедо, опивъчала Цыганка;
 я надѣюсь тамъ достать се-
 бѣ кусокъ хлѣба честнымъ
 образомъ.— „Намѣреніе швое
 похвально; и конечно ты не
 одно имѣешь къ тому сред-
 ство.“—Да, слава Богу, кое-
 что смышлю: умѣю соспав-

ляшь помады, духи и другія вещи, нужныя для дамскаго туалета; гадаю на рукѣ; верчу решешомъ для опысканія пропажи, и показываю все, что кому угодно видѣть въ зеркалѣ или на спеклѣ.—

Торрибіо, разсуждая, что такая дѣвушка есть паршія выгодная для человѣка, каковъ онъ, съ нуждою имѣющаго пропитаніе опъ должноти, хошя и очень хорошо имъ исполняемой, предложилъ ей выдши за него за мужъ. Предложеніе приняло, и они немедленно пошли въ Толедо, гдѣ и обвѣнчались. Достойный плодъ эшаго благороднаго брака вы видите передъ со-

бою. Они поселились въ предмѣстїи. Мать моя начала продавать духи и помаду; но, нашедъ торгъ сей не довольно прибыльнымъ, сдѣлалась ворожеею. Тогда-то посыпались къ ней червонцы и писполи. Тысяча обманушихъ проспяковъ обоего пола скоро прославили Косколину (такъ называлась Цыганка). Каждый день прибѣгали къ ея искусству: то бѣдный племянникъ — узнать, когда дядя его, котораго онъ единственный наследникъ, отправится на пошъ свѣшъ; то дѣвушка — удостовериться, сдержишь ли свое слово кавалеръ, который ее любитъ и обѣщалъ на ней жениться.

Прошу васъ замѣшить, что предсказанія моей матери были всегда благопріятны для шѣхъ, копорые имѣли въ нихъ нужду. Если же упрекали ее, что случалось совсемъ прошивное, тогда всю вину слагала она на духа, который, вопреки ея заклинаніямъ объявить будущее, иногда, по злости своей, ее обманывалъ.

Ежели мать моя, къ чести ремесла своего, почишала за нужное вывести въ дѣйствіяхъ на сцену чорша, то эту роль принималъ на себя Торрибіо Сципіонъ, и мастерски игралъ ее: грубый его голосъ и безобразное лице очень къ тому способствовали. При

малѣйшемъ легковѣріи, можно было испугаться образины отца моего. Но, по несчастію, пришелъ однажды какой - то Капишанъ—забіяка, захопѣлъ увидѣть чорша, и прокололъ его насквозь шпагою. Святая Инквизиція, извѣстясь о смерти чорша, послала къ Косколинѣ своихъ чиновниковъ, которые схватили ее со всѣми ея пожитками; а меня, шакъ какъ я былъ тогда только семи лѣтъ, отправили въ сиротской домъ (Hospedale de los Niños). При этомъ домѣ находилось нѣсколько человеколюбивыхъ монаховъ, которые, получая порядочное жалованье, имѣли смотрѣніе за воспи-

шаніемъ бѣдныхъ сиротъ , и обучали ихъ чтенію и письму. Замѣшивъ во мнѣ что-то пущное , они опличали меня ошъ прочихъ , и избрали для исправленія своихъ порученій: посылали меня въ городъ съ письмами , помыкали всюду ; я прислуживалъ даже имъ и въ церкви. Въ знакъ благодарности , хотѣли было они учишь меня по Лапынѣ ; но принялись за это шакъ круто , и поступали со мною шакъ жестоко, не смотря на небольшія мои имъ услуги , что я , не въ силахъ будучи того вытерпѣшь, убѣжалъ ошъ нихъ, когда однажды послали меня въ городъ, и не только

не возвратился въ сиротской домъ, но даже вышелъ изъ Толедо предмѣстіемъ со стороны Севиллы.

Мнѣ едва минуло тогда девять лѣтъ, но я уже чувствовалъ удовольствіе быть на свободѣ и ни ошъ кого независѣть. У меня не было ни денегъ, ни хлѣба; однако я не шужилъ; радовался только, что не спану швердишъ уроковъ и дѣлашъ задачъ. Послѣ двухъ часовъ пуши ножонки мой начали опцказы-ваться. Я никогда еще не хаживалъ шакъ много; надобно было опдохнуть. Я сѣлъ подъ деревомъ подлѣ большой дороги; вынулъ, ошъ бездѣлья,

изъ кармана Грамматику ,
сшаль переворачивашь въ ней
лишны ; попомъ , вспомнивъ
побои , копорые прешерпѣль
за нее, началъ ее рвать, при-
говаривая съ сердцемъ : „О!
проклятая книга, впередъ ты
ужь не заспавишь меня про-
ливать слезъ!“ Между тѣмъ,
какъ я удовлетворялъ своему
мщенію, успилая вокругъ се-
бя землю склоненіями и спря-
женіями, шелъ мимо пустын-
никъ съ сѣдою бородой и съ
большими на носу очками ;
видъ его былъ почтенный ;
онъ подошелъ ко мнѣ, и смош-
рѣлъ на меня со вниманіемъ;
я также успремилъ на него
глазѣнки. „Любезный мальчикъ,

сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, мы другъ другу, кажешся, понравились; намъ не дурно осшашься вмѣстѣ въ моей пусшынѣ, которая опсюда шаговъ съ двѣсши.“— Благодарю за предложеніе!— опвѣчалъ я довольно грубо: у меня нѣшъ охошы бышъ пусшынникомъ.— При эшомъ опвѣшъ, добрый спарикъ громко захохопалъ, и, обнявъ меня, сказалъ: „Одежда моя не должна пугашъ тебя, сынъ мой; она не красива, но полезна: чрезъ нее сдѣлался я господиномъ пріятнаго убѣжища; жишели окрешныхъ селеній любяшъ меня и почишаюшъ за свяшова. Пойдемъ

со мной , прибавилъ онъ ; а
тебя также одѣну. Когда те-
бѣ не полюбишься жить со
мною , не только ты воленъ
ославить меня , но еще мо-
жешь надѣясь получить ,
при прощаньи, и награду.“

Я убѣдился , и пошелъ за
старымъ пустынникомъ. Онъ
дѣлалъ мнѣ многіе вопросы ,
на копорые отвѣчалъ я съ
откровенностью , какой въ
послѣдствіи не всегда дер-
жался. Когда мы пришли въ
пустыню , онъ далъ мнѣ нѣ-
сколько плодовъ; я напалъ на
нихъ съ жадностью, не ѣвши
во весь день ничего , кромѣ
куска черстваго хлѣба , дан-
наго мнѣ на завтракъ еще въ

сиротскомъ домѣ. Пустынникъ, видя, что я убираю за обѣ щеки, сказалъ мнѣ: „Кушай на здоровье, дитя мое; не жалѣй плодовъ моихъ: у меня, слава Богу, запасено ихъ много. Я взялъ тебя сюда не для того, чтобы моришь съ голоду.“ И это была правда; ибо часъ спустя послѣ нашего прихода, развелъ онъ огонь, вошкнулъ на вершель часшъ баранины; и между тѣмъ, какъ я оборачивалъ вершель, онъ накрылъ сподикъ довольно запачканною салфеткой, и поставилъ два прибора.

Когда жаркое поспѣло, онъ снялъ его съ вершеля и опрѣзалъ нѣсколько кусковъ для

нашего ужина, который былъ совсемъ не пуспыннической ; мы пили превосходное вино , копорымъ онъ также съ избыткомъ запасся. „Ну что , малюшка , сказалъ онъ мнѣ , вспавъ изъ за спола , доволенъ ли ты моимъ кушаньемъ ? Вошь чѣмъ буду кормишь тебя всякой день , если ты у меня останешься. Впрочемъ , занимайся здѣсь , чѣмъ тебѣ будетъ угодно. Одного только опъ тебя пребую : будь всегда со мною , когда пойду въ сосѣднія деревни за милосшынею. Ты спанешь водишь моего осленка , навьюченнаго двумя корзинами , копорыя соспрадащельные кресъ-

яне наполняютъ обыкновенно
 яицами , хлѣбомъ , мясомъ и
 рыбою. Вотъ все швое дѣло!“—
 Радъ все дѣлать, отвѣчалъ я
 ему, что вамъ угодно, только
 не принуждайте меня учишь-
 ся по Лашынѣ.—Опецъ Хри-
 зостомъ (такъ назывался ста-
 рый пустынникъ) не могъ не
 посмѣяшся простиотъ моей ,
 и увѣрилъ меня снова , что
 не будешь спѣснять моихъ
 склонносшей.

На другой день пошли мы
 собирать милосшыню ; я велъ
 за узду осленка. Жашва была
 для насъ обильная : каждый
 крестьянинъ съ удовольстві-
 емъ клалъ что нибудь въ на-
 ши корзины ; кто бросалъ

шуда цѣлый хлѣбъ, кто больш-
шой кусокъ свиного сала,
кто начиненнаго гуся, или
жирнаго рябчика. Короче ска-
зашь: мы привезли домой за-
пасу больше, чѣмъ на недѣлю:
доказательство, до какой сте-
пени кресстьяне любили и по-
чишали пустынника. Правда,
и онъ былъ имъ полезенъ: да-
валъ совѣшы, когда ихъ у него
требовали; примирялъ домаш-
нія несогласія; искалъ жени-
ховъ для дѣвушекъ; зналъ лѣ-
карства отъ всякихъ болѣз-
ней, и училъ молишвамъ жен-
щинъ, которыя желали имѣть
дѣшей.

Вы можете по этому раз-
судить, что въ пустынь не

имѣлъ я недоспашка въ пищѣ;
да и постеля была у меня
порядочная: связка свѣжей со-
ломы, подъ головой суконная,
набитая шерстью, подушка,
одѣяло также суконное. Я
спалъ всю ночь безъ просыпу.
Отецъ Хризосомъ скропалъ
мнѣ изъ своей старой рясы
пустынническую одежду, и на-
рекъ меня братомъ Сципіо-
номъ. Лишь только появился
я въ деревняхъ въ этомъ на-
рядѣ, всѣ такъ полюбили ме-
ня, что осла нашего еще бо-
лѣе обременяшъ сжали. На-
перерывъ подавали милоспы-
ню маленькому пустыннику,
столько понравилась имъ его
фигура.

Роскошная и праздная жизнь, какую велъ я при сшаромъ пустынникѣ, не могла не полюбитьсѣ мальчику моихъ лѣтъ; а пошому я шакъ къ ней пристрасшилсѣ, что никогда бы ее не оставилъ, если бы судьба не расположила совсемъ иначе; по ея назначенію разшалсѣ я съ нѣгою и прошилсѣ съ опцемъ Хризостомомъ слѣдующимъ образомъ.

Я видалъ часто, что шарикъ бралъ въ руки свою подушку, то разпарывалъ, то опятъ зашивалъ ее; а однажды замѣшилъ, что онъ клалъ въ нее деньги. Это замѣчаніе возбудило во мнѣ любопытство, которое вздумалъ я

удовлешворишь при первой его оплучкѣ въ Толедо, куда обыкновенно хаживалъ онъ разъ въ недѣлю. Я ожидалъ того дня съ неперпѣніемъ, не имѣвъ еще никакого дурнаго замысла. Наконецъ спаричѣкъ ошправился въ пущь, а я разпоролъ его подушку, и нашелъ въ ней между шерстью, кошорою была она набита, около пятидесяти червонныхъ разною монешою.

Сокровище сіе, по видимо-му, накопилось опъ благодарностии поселянъ, кошорыхъ пустынникъ изцѣлялъ своими лѣкарствами, и опъ женъ ихъ, кошорыя родили дѣшей силою моливъ его. Какъ бы

то ни было, лишь только я увидѣлъ деньги, копорыя могъ присвоить безъ опасности, цыганская порода моя оказалась. Мнѣ захотѣлось украситъ ихъ, чего не лзя приписать иному, какъ свойству крови, текущей въ моихъ жилахъ. Я легко уступилъ искушенію: спряхалъ деньги въ суконную сумку, въ копорую клали мы свои гребни и ночные колпаки; попомъ, скинувъ съ себя пуспынническое плашье, и надѣвъ прежнее сиротское, удалился изъ пусыни, воображая, что въ сумкѣ своей несу всѣ богатства Индіи.

Вотъ первый опытъ моей смышлености, продолжалъ

Сципіонъ ; вы конечно ожидаете сцѣпленія подобныхъ этому дѣяній. Не обману вашего ожиданія: вы услышите о многихъ другихъ такогожь рода подвигахъ прежде, чѣмъ дойду до похвальныхъ дѣлъ моихъ; я коснусь и ихъ; изъ повѣствованія моего вы увидите, что и плутъ можешь очень легко сдѣлаться честнымъ человекомъ.

Хотя былъ я и ребенокъ, однако разсудилъ, что не лзя идши по Толедской дорогѣ. Я могъ бы шутъ вспрѣвшишься съ опцемъ Хризостомомъ, кошорый засшавилъ бы меня непріятнымъ образомъ возвращишь его добро. И такъ

пустился я въ другую сторону, и пришелъ въ деревню Гальвесь, гдѣ остановился въ трактирѣ. Хозяйка была вдова лѣтъ сорока, и имѣла всѣ пошребныя качества для своего промысла. Она лишь только на меня взглянула, то, заключивъ по моему плащю, что я бѣжалъ изъ сиротскаго дома, тотчасъ спросила, кто я таковъ и куда иду. Я отвѣчалъ, что, лишившись отца и матери, ищу для себя мѣста. „Да умѣешь ли ты читать, мой другъ?“— Не только читаю, но и пишу очень хорошо.—Въ самомъ дѣлѣ я могъ черпнуть буквы и сплести ихъ такъ, что это

походило нѣсколько на письмо ; чегожь больше для деревенскаго пракшира? „И шакъ я оставляю тебя въ моей службѣ, сказала хозяйка; ты мнѣ будешь полезенъ: станешь записывать, кому я должна и кто мнѣ долженъ. Я не дамъ тебѣ жалованья, примолвила она, пошому что ходящъ сюда многіе добрые люди, копорые и слугъ не забываютъ: ты можешь надѣяться порядочныхъ доходовъ.

Я принялъ предложеніе, предоставивъ себѣ, какъ вы вообразишь можете, право переменить воздухъ, когда пребываніе въ Гальвесѣ покажется мнѣ непріятнымъ. Та-

кимъ образомъ опредѣлясь въ службу, началъ ломать себѣ голову: мнѣ не хотѣлось, чтобъ знали, что есть у меня деньги, но придумать не могъ, куда бы ихъ спрячь. Расположеніе дому было мнѣ не извѣстно, и самыя сокровенныя въ немъ мѣста казались еще все ненадежными. Сколько хлопотъ причиняешь богатство! Я рѣшился наконецъ спрячь мою сумку въ углу сѣнника, гдѣ лежала солома; и починая, что она будетъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, успокоился, сколько было можно.

Насъ, служащихъ, въ домѣ было шрое : шучной дѣшина , завѣдывавшій конюшню , молодая дѣвка изъ Галиціи, и я. Каждый изъ насъ выманивалъ все, что смогъ, у пѣшихъ и конныхъ посшояльцевъ нашихъ. Мнѣ доспавалось всегда ошъ эшихъ господъ по нѣскольку мѣлкой монешы , когда я предспавлялъ имъ счешъ. Они не оспавляли шакже конюшеннаго служишеля , кошорый присмашпривалъ за ихъ лошадыми. Галиціанка, бывшая идоломъ всѣхъ проѣзжихъ извошниковъ, получала болѣе реаловъ , нежели мы мараведисовъ. Коль скоро доспавалъ я хошъ бедѣлку,

въ шужь минушу ошносила ея на сѣнникъ, чшобъ умножишь мое сокровище; и чѣмъ болѣе увеличивалась казна моя, шѣмъ болѣе сердчишко мое къ ней прилѣплялось. Я цѣловала иногда мои деньги, и смошрѣла на нихъ съ восхищеніемъ, которое только скупые поняшь могутъ.

Любовь, копорую имѣла я къ своему сокровищу, заспавляла меня посѣщать его разъ по шридцати на день. На лѣспницѣ часто встрѣчалась со мною хозяйка, копорая, съ природы будучи недовѣрчива, полюбопышпвовала однажды узнать, что такое заманиваетъ меня поминушно

на сѣнникѣ. Взошедъ шуда ,
 начала повсюду рышся , во-
 ображая, что я, можешъ бышь,
 прячу шамъ вещи, украденныя
 у ней. Она не забыла пере-
 прясши соломѣ ; нашла подъ
 нею сумку мою ; развязала ,
 и, увидѣвъ въ ней пистоли
 и реалы, почла себя въ пра-
 вѣ думать , будпо я у нее
 укралъ эти деньги, которыя
 и взяла, какъ свою собствен-
 ность. Попомъ, называя меня
 негоднымъ мальчишкой , плу-
 помъ, велѣла конюху своему,
 которъй былъ ей совершенно
 послушенъ , опсчиташъ мнѣ
 добрыхъ пшъдесятъ ударовъ
 плешью ; вышолкала меня за
 ворошъ , говоря , что не хо-

чешъ держашъ у себя мошенниковъ. Сколько ни клялся я, что не обкрадывалъ хозяйки, она утверждала прошивное, и ей больше вѣрили, нежели мнѣ. Такимъ-то образомъ денежки отца Хризостома перешли изъ рукъ вора въ руки воровки.

Я оплакивалъ потерю своихъ денегъ, какъ оплакивающъ смерть единственнаго сына; и если слезы мои не возвратили потеряннаго, то по крайней мѣрѣ возбудили сожалѣніе въ нѣкоторыхъ людяхъ, и между прочими въ Гальвескомъ Священникѣ, который, по случаю, шелъ мимо. Тронувшись моимъ несчаст-

нымъ положеніемъ, онъ опшелъ
 меня къ себѣ въ домъ; шамъ,
 чшобъ пріобрѣсшь мою довѣ-
 ренносшь, или лучше сказашь,
 чшобъ все изъ меня вывѣдашь,
 началъ сожалѣшь обо мнѣ.
 „Бѣдное дитя!—говорилъ онъ
 —какъ жалка его учасшь! Не
 мудрено, ежели, оставленъ бу-
 дучи безъ присмотру въ ша-
 комъ нѣжномъ возрасшѣ, по-
 кусился онъ на дурное дѣло.
 И взрослые люди, на вѣку
 своемъ, съ прудомъ опъ шо-
 го воздерживающся.“ Потомъ,
 обрашя рѣчь ко мнѣ, приба-
 виль: „Дитя мое, изъ кошо-
 раго ты мѣста въ Испаніи,
 и кто твои родишели? Ты,
 кажется, изъ порядочной фа-

миліи. Говори со мною оп-
кровенно, и вѣрь, что я те-
бя не оставлю.“

Священникъ ласками свои-
ми и учаспїемъ довелъ меня
нечувствительнѣе до того,
что я открылъ ему мои об-
стоятельства съ простоду-
шіемъ, и во всемъ признался.
Послѣ того сказалъ онъ мнѣ:
„Другъ мой, хотя и не при-
лично пустынникамъ забо-
титься о стяжаніи имѣнія,
однако это не уменьшаетъ
вины твоей: присвоивъ день-
ги отца Хризостома, ты
преступилъ Божію заповѣдь,
которая краснѣе запрещаетъ;
но я беру на себя принудить
практически отдашь деньги,

и отошлю ихъ къ пустыни-
нику. Совѣсть твоя можешь
теперь успокоиться.“ Объ-
эпомъ-шо я меньше всего
безпокоился. Священникъ,
имѣя другое намѣреніе, не удо-
вольсвовался такимъ хри-
стіанскимъ утѣшеніемъ. „Ди-
тя мое, продолжалъ онъ, я
хочу помочь тебѣ, доставивъ
хорошее мѣсто. Завтра же
пошлю тебя, съ погонщикомъ
муловъ, къ моему племяннику,
Канонику Соборной Церкви
въ Толедо. Онъ не откажется
просьбѣ моей: приметъ тебя
въ число своихъ служишелей,
кошорые живутъ у него, какъ
на пенсіи, во всякомъ изоби-
ліи; тебѣ тамъ будетъ очень
хорошо; могу поручиться.“

Такое увѣреніе было для меня столь утѣшительно, что я позабылъ и сумку свою и побои, полученные въ шпирѣ: представлялъ себѣ только удовольствіе жить на пенсіи у Каноника. На слѣдующій день, когда мнѣ дали позавтракать, явился, по приказанію Священника, погонщикъ съ двумя осѣдланными мулами. На одного изъ нихъ посадили меня, а погонщикъ вскочилъ на другаго, и мы поѣхали въ Толедо. Спутникъ мой былъ веселаго нрава, и любилъ подшучивать на счетъ ближняго. „Молодой господинъ, сказалъ онъ мнѣ, видно, что Гальвеской Священникъ вамъ

Хорошій пріятель; онъ не могъ лучше доказашъ своей къ вамъ дружбы, какъ помѣсшивъ васъ при Каноникѣ, своемъ племянникѣ, котораго я имѣю честь знашъ, и который, по истинѣ, есть краса своего Собора. Не изъ числа тѣхъ священиковъ, которыхъ постыный и блѣдный образъ проповѣдуетъ умерщвленіе плоти; у него полное и румяное лице, веселый взглядъ; словомъ, эшотъ человекъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, особенно любитъ попишъ и поѣстъ.“

Плущъ погонщикъ, видя, что я слушаю его съ великимъ удовольствіемъ, про-

должалъ превозносишь счастье, которое ожидаетъ меня у Каноника. Онъ не переставалъ говорить о томъ до самаго прибытія нашего въ деревню Обизу, гдѣ мы остановились, чѣмъ дасть немного отдохнуть нашимъ муламъ. Погонщикъ, ходя туда и сюда по двору, выронилъ какъ-то изъ кармана бумажку, которую я поднялъ такъ проворно, что онъ того не примѣтилъ; и пока былъ онъ въ конюшнѣ, я успѣлъ прочесть ее. Это было письмо къ монахамъ въ сиротскомъ домѣ, слѣдующаго содержанія:

„Честные Опцы! Я почелъ
„за долгъ Христіанской люб-

„Ви опослалъ къ вамъ одно-
 „го плутишку, ушедшаго изъ
 „вашего дому. Онъ показался
 „мнѣ не глупъ, и стоишь по-
 „го, чщобъ вы удержали его
 „у себя. Я увѣренъ, что, съ
 „помощію добраго присмотра,
 „можно сдѣлать изъ него по-
 „рядочнаго человека. Богъ да
 „сохранишь вашу святыню,
 „и благословишь душеполез-
 „ные труды ваши!“

Вашъ усердный слуга и
 богомолецъ

Священникъ Гальвеской.

Прочитавъ это письмо,
 изъ коего видно было доброе
 намѣреніе Священника, я не
 долго размышлялъ, на что
 рѣшился: уйди съ поспоя-

лаго двора, добрашся до береговъ Таго (до нихъ оставалась не съ большимъ миль отъ эшаго мѣста) было минущное дѣло. Спрахъ попасъ снова въ руки монаховъ сиротскаго дома, придалъ мнѣ крылья; я ни за что не хотѣлъ къ нимъ возвращишся, такъ не полюбился мнѣ способъ ихъ учить по Лашынѣ. Я вошелъ въ Толедо съ такою радостью, какъ будшо бы зналъ, гдѣ могу и пишь и ѣсшь. Правда, эшо благословенный городъ, въ кошоромъ умный чловѣкъ, принужденный жишь на счешъ другаго, никогда не умрешъ съ голоду. Лишь только пришелъ я на

торговую площадь, какъ одинъ
 порядочно одѣтый кавалеръ,
 копорый на дорогѣ со мной
 поравнялся, взялъ меня за ру-
 ку и сказалъ: „Мальчикъ, хо-
 чешь ли служишь у меня?
 Мнѣ бы очень хошѣлось имѣть
 такого лакея, какъ ты.“—А
 мнѣ, ошвѣчалъ я, имѣть го-
 сподина, каковы вы.—„Когда
 шакъ, подхвашилъ онъ, ты
 съ сей же минушы мой; спу-
 пай за мною.“ Я пошелъ за
 нимъ вслѣдъ непрекословно.

Этотъ кавалеръ, копорому
 было около придцати лѣтъ
 ошъ роду, назывался Дономъ
 Абелемъ, и споялъ въ прак-
 ширѣ, гдѣ занималъ довольно
 хорошіе покои. Онъ былъ за-

писной игрокъ; и вошъ какъ мы съ нимъ жили. Поушпру я крошилъ для него курительнаго шабану трубокъ на пяшь или на шестъ; чистилъ его плашь; бѣгалъ за цырюльникомъ, копорый брилъ ему бороду и завивалъ усы. Послѣ того уходилъ онъ со двора и посѣщалъ каршежные дома, откуда возвращался не раньше одиннадцати или двѣнадцати часовъ вечера; но всякое ушпро, прежде выходу, давалъ мнѣ по три реала на дневное мое содержаніе, предославляя мнѣ на волю дѣлать, что хочу, до десяти часовъ вечера, лишь только бы я былъ уже дома, когда

онъ придетъ ночевашъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ ливрею, въ которой походилъ я совершенно на маленькаго коммисіонера кокешокъ. Я былъ очень доволенъ своимъ состояніемъ, и, правду сказать, мнѣ не лъзя было найти мѣста лучшаго по моему нраву.

Уже близъ мѣсяца велъ я такую блаженную жизнь, какъ господинъ мой однажды спросилъ меня, доволенъ ли я имъ? „Чрезвычайно!“ — отвѣчалъ я. — Ну такъ поѣдемъ же завтра въ Севиллу, куда дѣла мои призывающъ меня. Ты не будешь жалѣшь, увидѣвъ эту столицу Андалузїи. Есть и пословица: кто не видалъ

Севиллы, тотъ нитого не видалъ.—Я объявилъ ему, что гошовъ повсюду за нимъ слѣдовашъ. Въ тотъ же день пришелъ въ пракширъ Севильской почпальонъ за большимъ сундукомъ, въ которомъ уложены были пожитки моего господина, а на слѣдующее утро отправились мы въ Андалузію.

Донъ Абель былъ такъ счастливъ въ игрѣ, что развѣ тогда только проигрывалъ, когда хошѣлъ; это самое и заспавляло его перемѣнявъ часто мѣстопробываніе, чтобъ укрышья отъ мщенія обманыхъ имъ людей. Это же было причиною и тогдашняго

нашего путешествія. Прі-
ѣхавъ въ Севиллу, остано-
вились мы въ пракширѣ подлѣ
Кордуанскихъ воротъ, и на-
чали жить также, какъ въ
Толедо; но господинъ мой на-
шелъ разницу между этими
двумя городами. Онъ встрѣ-
тилъ здѣсь такихъ же сча-
сливыхъ игроковъ, какимъ
самъ прослылъ въ Севиллѣ,
такъ что иногда возвращал-
ся домой очень не веселъ.

Въ одно утро, бывши еще
не въ духѣ отъ проигрыша
наканунѣ ста пистолей, онъ
спросилъ меня, для чего я не
отнесъ чернаго бѣлья его къ
прачкѣ. Я отвѣчалъ, что по-
забылъ объ этомъ. Онъ взбѣ-

сился и опсчиталъ мнѣ съ полдюжины споль сильныхъ пощечинъ, что въ глазахъ у меня показалось больше свѣчекъ, нежели въ храмѣ Соломоновомъ. „Вопъ шебъ, негодай! — примолвилъ онъ. Впередъ не забывай своей должности. Не ужь ли надобно не опходишь опъ тебя, и толковашь, что шебъ дѣлашь? Для чего не умѣешь служишь такъ, какъ умѣешь ѣсть хлѣбъ? Ты не скопина: почему шебъ не догадашься, что мнѣ нужно?“ При сихъ словахъ онъ вышелъ; а я остался въ крайней досадѣ, получивъ пощечины за такой малой просупокъ.

Не знаю, что съ нимъ случилось, спустя послѣ того нѣсколько дней, въ одномъ каршочномъ домѣ; только пришелъ онъ однажды вечеромъ домой очень разгорячившись. „Сципіонъ, сказалъ онъ мнѣ, я намѣренъ ѣхать въ Италію, и послѣ завтра сажусь на корабль, который возвращается въ Геную. У меня есть свои причины шуда отпра- виться; надѣюсь, что и ты поѣдешь со мною, и воспользо- зуешься случаемъ увидѣть прекраснѣйшую страну въ свѣтѣ.“ Я отвѣчалъ, что согласенъ, а между тѣмъ по- ложилъ, во что бы то ни спало, ускользнуть отъ него

при самомъ ошѣздѣ, и думалъ
эшимъ опомсшишь ему. Умы-
сель мой такъ понравился
мнѣ, что я не могъ удер-
жашься, чтобъ не сообщишь
его одному записному забіякѣ,
который попался мнѣ на
улицѣ. Со времени пребыванія
моего въ Севиллѣ, завелъ я
знакомство съ разными бро-
дягами и бездѣльниками, а
въ томъ числѣ и съ эшимъ
человѣкомъ. Я рассказалъ ему,
какъ и за что достались мнѣ
пощечины; пошомъ открылъ
свое намѣреніе оставишь Дона
Абеля въ то самое время,
какъ онъ будетъ садиться на
корабль, и спрашивалъ, каково
ему кажется мое предпріятіе.

Удалецъ, почесавъ брови и погладивъ усы свои, съ важностью началъ охуждать моего господина, а попомъ сказалъ мнѣ: „Глупенькой, ны на вѣкъ оспанешься обруганнымъ человѣкомъ, если удовлетворишься такимъ бездѣльнымъ мщеніемъ. Оспавишь Дона Абея въхашъ одного, эшаго мало; наказаніе ничего для него незначущее: надобно, чшобъ оно соразмѣрно было оскорбленію. Оберемъ его дочисша, и послѣ раздѣлимъ все побрашски. Хошя во мнѣ была природная склонность къ воровству, однакожь опъ предложенія такой важной кражи я ужаснулся.

Не смотря на то, эшотъ
 архи-плушъ умѣлъ уговоришь
 меня; и вошъ какой былъ у-
 спѣхъ нашего предпріятія. На-
 спавникъ мой, человекъ рос-
 лый и сильный, пришелъ на
 другой день подъ вечеръ ко
 мнѣ въ шракширъ. Показавъ
 ему сундукъ, въ кошоромъ
 господинъ мой уложилъ свои
 вещи, я спросилъ, можешъ ли
 онъ одинъ снесши такую пя-
 желую ношу. „Тяжелую! ска-
 залъ онъ; знай, что когда дѣ-
 ло идешъ о похищеніи чужаго
 добра, то я въ соспояніи уне-
 сши даже Ноевъ ковчегъ.“
 Выговоривъ сіи слова, подо-
 шелъ онъ къ сундуку, безъ
 шруда поднялъ его на плеча,

и пошелъ съ лѣсшницы съ удивительною легкостью. Я послѣдовалъ за нимъ также поспѣшно, и мы уже хопѣли выдши изъ дверей на улицу, какъ Донъ Абель, котораго судьба привела очень къшаши, явился вдругъ передъ нашими глазами.

„Куда ты идешь съ сундукомъ?“—сказалъ онъ мнѣ. Я такъ смутился, что не могъ промолвить ни слова; а удалецъ мой, видя неудачу, бросилъ сундукъ на землю, и убѣжалъ, опасаясь непріятныхъ объясненій. „Кудажь ты идешь съ сундукомъ?“—повторилъ еще господинъ мой.—На корабль, сударь, ошевчалъ я,

будучи ни живъ, ни мершвъ.
— „Да знаешь ли ты, на ка-
комъ кораблѣ я поѣду?“—
Нѣтъ, сударь; но у меня есть
языкъ: я спросилъ бы на при-
спани, и мнѣ указали бы его.—
Такое объясненіе показалось
ему сомнительно. Онъ взгля-
нулъ на меня съ яростью. Я
думалъ, что опять щекамъ
моимъ доспанется. „Кто при-
казалъ тебѣ, вскричалъ онъ,
выносишь сундукъ мой оп-
сюда?“—Вы сами, сударь, ска-
залъ я: не ужь ли вы забыли,
за что недавно на меня гнѣ-
вались? Не вы ли наказывали
мнѣ, чшобъ я самъ угадывалъ
ваши повелѣнія, и дѣлалъ,
что для васъ нужно? Попро-

му-то я и велѣлъ было оп-
 нести сундукъ вашъ на ко-
 рабль.—Тогда игрокъ, нашедъ
 меня плушовавшѣе, нежели ду-
 малъ прежде, сказалъ мнѣ
 хладнокровно: „Спупай опъ
 меня, господинъ Сципіонъ, ку-
 да хочешь; Богъ съ тобой! Я
 не люблю играшь съ такими
 людьми, у копорыхъ то кар-
 ша лишняя, то недосшаепъ
 одной. Убирайся съ глазъ мо-
 ихъ, прибавилъ онъ, перемѣ-
 нивъ голосъ; а не то заспав-
 лю шебя панцовать безъ му-
 зыки.“

Я избавилъ его опъ шруда
 повшоряшь еще о моей оп-
 сшавкѣ. Тотчасъ убрался опъ
 него, дрожа со спраху, чшобъ

онъ не велѣлъ мнѣ скинуть
 ливреи; по счастію онъ эшаго
 не сдѣлалъ. Я бродилъ по
 улицамъ, размышляя, гдѣ бы
 мнѣ, съ оставшимися у меня
 только двумя реалами, при-
 клонить голову. Остановился
 наконецъ у воротъ Архіепископскаго замка; въ то вре-
 мя готовили для Его Высоко-
 преосвященства ужинъ: изъ
 кухонь выходилъ пріятный
 запахъ и разносился по воз-
 духу на цѣлую милю въ о-
 кружности. „Какъ бы мнѣ
 хошѣлось, сказалъ я самъ се-
 бѣ, хошѣ ошвѣдать эшаго ку-
 шанья, кошорое въ носъ такъ
 бросается; съ меня довольно
 было бы обмакнуть въ него

всѣ пять пальцевъ. Да чшожь? развѣ нельзя найши средства полакомиться хоть изъ одной кострули вмѣсто того, чшобъ только нюхать паръ? Почему же и нѣтъ? Это, кажется, дѣло возможное.“ Тушъ воображеніе мое разгорячилось; и, по долгомъ размышленіи, пришла мнѣ въ голову хитрость, которую и употребилъ я съ удачею. Я вошелъ на Архіепіскопской дворъ, и побѣжалъ къ кухнямъ, крича изо всей мочи: *помогите, помогите!* какъ будто бы кто гнался за мною съ ножемъ.

На крикъ мой прибѣжалъ Діего, главный поваръ Его Высокопреосвященства,

съ прѣмя или чешырьмя изъ своихъ помощниковъ; и, не видя, кромѣ меня, никого, спросилъ, за чѣмъ я кричалъ такъ громко. „Ахъ! сударь, опшеѣчалъ я, принявъ на себя видъ испугавшагося человѣка, ради свяшаго Поликарпа! избавыше меня опъ бѣшенствѣ одного забіяки, копорый хочешъ убишь меня.“—Да гдѣжь онъ? вскричалъ Діего. Ты одинъ одинѣшенекъ; я и кошки за тобой не вижу. Поди, другъ мой, не бойся; конечно, кшо нибудъ въ шупку хошѣлъ попугашъ шебя, и хорошо сдѣлалъ, чшо далѣе не погнался за тобою; а шо, по крайней мѣрѣ, вышелъ бы опсюда безъ

ушей.—,,Нѣшъ , нѣшъ: онъ не въ шупку гнался за мною ; эшо былъ спрашной мужичина, копорый хошѣлъ меня ограбишь, и вѣрно ждешъ на улицѣ.“—Долго же ему шамъ ждашь тебя; шы не выйдешъ до завтра: поужинаешъ здѣсь и ночуешь.—

Услышавъ сіи послѣднія слова, я пришелъ внѣ себя опъ радосши ; и какое восхищительное предсшавилось мнѣ зрѣлище , когда Діего ввелъ меня въ кухню , гдѣ увидѣлъ я пригошвленія для вечерняго стола Его Высокопреосвященства. Я насчиталъ чловѣкъ до пшнадцаши , заляшыхъ эшимъ дѣломъ; всего же

видѣннаго мною кушанья и
 перечесать не могъ; шакъ щедро
 Небесный Промыслъ благословлялъ
 домъ Архіепископской! Тогда-то,
 вдыхая полнымъ носомъ пріятный
 запахъ, который чувствовалъ
 прежде только издали, узналъ
 я, что такое чувственное
 услаждение. Я имѣлъ честь
 ужинашь и спать съ кухонными
 служителями, которые шакъ
 полюбили меня, что когда на
 другой день пришелъ я благодарить
 Діега за данное мнѣ убежище,
 онъ сказалъ мнѣ: „Наши
 молодцы объявили мнѣ, что
 они были бы очень рады имѣть
 тебя своимъ поварищемъ, шакъ по

нравился имъ швой харак-
теръ. Хочешь ли съ ними
остаться?—Ничего не желалъ
бы болѣе!—опвѣчалъ я.—„Ко-
гда такъ, мой другъ, то съ
этой же минуты почидай
себя служилелемъ Архіе-
скопскаго дому.“ Съ сими
словами, онъ представилъ ме-
ня дворецкому, который, по
веселому виду моему, почелъ
меня достойнымъ принятія
въ число судомоевъ.

Лишь только я вступилъ
въ эту почешную должность,
какъ Діего, по обычаю, заве-
денному въ знашныхъ домахъ
поварами, которые тайно
снабжаютъ любовницъ своихъ
кушаньемъ, избралъ меня для

доспавленія къ одной вдовушкѣ, жившей въ сосѣдствѣ, по жареной шеляпины; по дичи и другихъ птицъ. Эта честная дама была не старѣе тридцати лѣтъ, очень не дурна собою, жива, и, казалось, не совсемъ - по вѣрна своему повару. Онъ посылалъ къ ней не только мясо, хлѣбъ, сахаръ, масло, но надѣлялъ ее и винами, и все на счетъ Его Высокопреосвященства.

Въ этомъ домѣ я еще болѣе навострился, и сыгралъ наконецъ довольно забавную шутку, о кошорой говоряшъ и понынѣ въ Севиллѣ. Пажи и нѣкоторые другіе служители, въ день рожденія своего

Владыки, вздумали предс-
 вишъ комедію; выбрали піэсу
 подъ заглавіемъ: *Бенавидесъ*,
 и какъ для роли молодого
 Короля Леонскаго понадобился
 имъ мальчикъ моихъ лѣтъ,
 то меня къ тому и назначи-
 ли. Дворецкой, починая себя
 за искуснаго декламатора,
 взялся учить меня произно-
 шенію; и, давъ мнѣ нѣсколько
 уроковъ, увѣрялъ всѣхъ, что
 я буду изъ лучшихъ. Какъ
 все эшо производилось на иж-
 дивеніи господина, то и не
 жалѣли ничего, лишь только
 бы сдѣлать праздникъ велико-
 лѣпнѣе. Въ самой обширной
 залѣ построили театръ, и
 богато его украсили. На од-

ной сторонѣ посѣавили дерев-
новое ложе, на кошоромъ я
долженъ былъ пришворишья
спящимъ, когда придуть Ма-
вры брашь меня въ плѣнъ.
Коль скоро было все изго-
шовлено, Архіепископъ назна-
чилъ день для представленія,
и пригласилъ знашнѣйшихъ
господъ и дамъ въ городъ.

Въ день представленія каж-
дый актеръ началъ заботишья
о своемъ нарядѣ. Мнѣ при-
несъ плашье поршной, а съ
нимъ вмѣстѣ пришелъ и дво-
рецкой, кошорый, заставивъ
меня повшорить мою ролю,
любовался, смотря, какъ ме-
ня наряжали. Поршной надѣлъ
на меня богатой изъ голубаго

бархашу кафшанъ съ золо-
тымъ позументомъ и шаки-
ми же пуговицами, съ висся-
чими рукавами, украшен-
ными бахрамою изъ того же
металла; а дворецкой самъ
наложилъ мнѣ на голову вѣ-
нецъ изъ толстой бумаги,
усыпанный мѣлкимъ жемчу-
гомъ и поддѣльными бриль-
яншами. Сверхъ того, опоя-
сали меня шелковымъ куша-
комъ розоваго цвѣта съ се-
ребренными разводами; и при
каждой вещи, коцорую на
меня надѣвали, я воображалъ,
что привязываютъ мнѣ
крылья. Наконецъ, при на-
ступленіи ночи, комедія на-
чалась. Я открылъ сцену ши-

радою стиховъ , копорые о-
канчивались такъ : не могу
долѣе противиться сладостямъ
Морфея ; въ то же время у-
шелъ за кулисы, бросился на
дерновое ложе, шамъ для ме-
ня пригошовленное; но, вмѣ-
сто того , чшобъ заснуть ,
спалъ размышлять, какъ бы
мнѣ пробраться на улицу и
скрышся съ Королевскимъ
моимъ одѣянiемъ. Маленькая
пошаенная лѣспница, копорая
вела' подъ театръ и въ са-
мую залу , показала мнѣ
удобною для исполненiя моего
предпрiятiя. Вспавъ попи-
хоньку , и видя , что никто
на меня не смотришъ , спу-
стился я по лѣспницѣ въ залу,

гдѣ пробирался къ дверямъ ,
крича: *пропустите, пропусти-*
те! *иду переодѣться!* Всякъ
споронился и давалъ мнѣ до-
рогу, такъ что менѣе , чѣмъ
въ двѣ минушы, при помощи
темношы нѣчной, я выбѣжалъ
со двора, и явился къ удаль-
цу, моему пріятелю.

Онъ чрезвычайно изумился,
увидѣвъ меня въ такомъ на-
рядѣ. Я пошчасъ объяснилъ
дѣло, и онъ смѣялся ошъ все-
го сердца. Пошомъ , обнимая
шѣмъ съ бѣльшею радостью ,
что надѣялся получишь уча-
стіе въ богашой одеждѣ Ко-
роля Леонскаго , поздравлялъ
меня съ такимъ славнымъ
подвигомъ , и говорилъ , что

если не перемѣнюсь въ послѣдствіи, то умомъ своимъ надѣлаю со временемъ много шуму въ свѣтѣ. Когда мы пошушили и посмѣялись довольно, я спросилъ удалца моего, куда дѣвать намъ такое богатое платье? „Объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ онъ: мнѣ знакомъ одинъ честный вещошникъ, копорый, безъ всякихъ спросовъ, покупаетъ все, что ни продаютъ ему, лишь бы для него сходно было. Я завтра схожу за нимъ. И дѣйствительно, на другой день ранѣшенько пріятель мой вышелъ со двора, оставя меня еще въ постелѣ, и часа черезъ два

возвратился съ вешошникомъ,
 который принесъ съ собою
 связку въ желтой холстинѣ.
 „Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ,
 рекомендую тебѣ господина
 Ибанеца изъ Сеговіи, человѣ-
 ка самаго честнаго и прямаго,
 который, не смотря на дур-
 ные примѣры своихъ собра-
 тій, держится безкорыстія
 со всею почтностью. Онъ пош-
 часъ скажетъ тебѣ, чего спо-
 ишь плашь, которое ты про-
 даешь, и ты можешь поло-
 жишься на его оцѣнку.“— О!
 безъ сомнѣнія, отвѣчалъ ве-
 шошникъ; я былъ бы великой
 бездѣльникъ, еслибъ захопѣлъ
 цѣнить вещь ниже того, че-
 го она стоитъ; въ эшомъ,

слава Богу, никто не обличалъ и не обличилъ Сеговскаго Ибанеца. Посмотримъ, примолвилъ онъ, вещи, копорыя продаете; я скажу вамъ по совѣсти цѣну.—, Вошъ онъ, сказалъ мой удалецъ, указывая на нихъ; признайся, что нѣтъ ничего великолѣпнѣе; посмотри, какъ доброшенъ Генуэзской бархашъ, какъ богатъ весь приборъ.—Прекрасно, прекрасно!—ошеѣчалъ вешпошникъ, осматрѣвъ все съ великимъ вниманіемъ.—, А каковъ тебѣ кажется жемчугъ на коронѣ?—Еслибъ онъ былъ покрупнѣе, то и цѣны бы ему не было; однакожь онъ и такъ очень хорошъ; да и

прочій приборъ мнѣ весьма нравишся. Я люблю говоришь правду; иной безсовѣстный вешошникъ, на моемъ мѣстѣ, показалъ бы нарочно презрѣніе къ товару, чшобъ купишь его подешевлѣ, и не постыдился бы давать за него пистолей двадцать, а я заплашилъ бы и сорокъ.—

Когда бы Ибанецъ предложилъ спо пистолей, то все еще оцѣнилъ бы дешево: одинъ жемчугъ споилъ больше двухъ сомъ. Удалецъ мой, копорый съ нимъ стговорился, сказалъ мнѣ: „Видишь ли? Счастіе мое, что попался въ руки честному человѣку. Господинъ Ибанецъ цѣнишь вещи, какъ

при часѣ смершномъ.“—Правда, почная правда, подхва-
шилъ вепошникъ; ни одного
обола не лъзя мнѣ ни уба-
вишь, ни прибавишь. Ну,
примолвилъ онъ, такъ дѣло
кончено? Опсчиташъ вамъ
деньги?—„Погоди; пусть ма-
ленькой пріятель мой примѣ-
ряешъ прежде плашье, копо-
рое велѣлъ я тебѣ принести
для него. Думаю, что оно
будешъ ему впору.“ Тупъ ве-
пошникъ, развязавъ свой у-
зелъ, показалъ мнѣ камзолъ и
нижнее плашье изъ темнаго
тонкаго сукна съ серебряны-
ми пуговицами, все довольно
понощенное. Я вспалъ, и на-
чалъ примѣривать плашье,

которое хопя было слишкомъ длинно и широко, но эшимъ господамъ показалось, будпо оно нарочно для меня сшипо. Ибанецъ требовалъ за него десять писполей, и никакъ не хопѣлъ взять меньше; надобно было согласишься. Онъ вынулъ изъ кошелька своего шридцашъ, и положилъ на споль; пошомъ, завернувъ Королевское мое одѣяніе и корону въ узелъ, унесъ съ собою.

По выходѣ вешошника, пріашель мой сказалъ мнѣ, что онъ очень имъ доволенъ. Да какъ и не бышь ему довольнымъ? Я увѣренъ, что онъ взялъ съ него по крайней

мѣръ сто пистолей за сею
услугу. Но эшаго еще мало :
онъ , безъ церемоніи , опсчи-
палъ себѣ половину лежав-
шихъ на столѣ денегъ, а дру-
гую оставилъ мнѣ , сказавъ :
„Любезный Сципіонъ, совѣшую
тебѣ поскорѣе убраться изъ
города; ты можешь себѣ пред-
савишь, что по приказанію
Архіепископа здѣсь непремѣн-
но будутъ искашь тебя. Мнѣ
было бы очень жаль, когда бы
ты , опличившись такимъ
дѣяніемъ , которое принесешь
немалую честь твоей испо-
ріи, попался въ пюрьму опъ
собспвенной оплошности.“ Я
опвѣчалъ, что у меня самаго
на умѣ ускользнуъ изъ Се-

виллы; и дѣйствительно, купивъ себѣ шляпу и нѣсколько рубашекъ, выбрался я на пространную долину, кошорая, между виноградными и оливковыми деревьями, вела къ древнему городу Кармону, и чрезъ три дня пришелъ въ Кордую.

Я остановился въ ширѣ близъ главной площади, гдѣ обыкновенно живутъ купцы, и сказался сыномъ Толедскаго дворянина, путешествующимъ для своего удовольствія. Такъ какъ я былъ одѣтъ довольно чисто, то мнѣ легко повѣрили; а нѣсколько пистолей, будто не нарочно выказанныхъ передъ

хозяиномъ, совершенно утвер-
дили его въ этомъ мнѣніи.
Можешь быть также, судя
по лѣтамъ моимъ, онъ почелъ
меня за какого нибудь повѣсу,
кошорый, обокравъ своихъ ро-
дищелей, шашался по ближ-
нимъ городамъ. Какъ бы по
ни было, только онъ не вы-
спрашивалъ меня ни о чемъ,
опасаясь, по видимому, чшобъ
я не перемѣнилъ кварширу.
Шестью реалами въ день мо-
жно было хорошо содержать-
ся въ этомъ шракширѣ. Тамъ
собиралось всегда множество
посѣщителей. Вечеромъ насчи-
талъ я за ужиномъ человѣкъ
до двѣнадцати. Забавнѣе всего
было то, что каждый ѣлъ

свою порцію , не произнося ни слова; одинъ только госпъ говорилъ безпрестанно, ксташи и не ксташи, и болшаньемъ своимъ вознаграждалъ молчаніе прочихъ. Онъ игралъ ролю осшряка , рассказывалъ всякія повѣсши , и старался развеселишь своихъ собесѣдниковъ, кошорые, опъ времени до времени, поднимали хохопъ не сполько въ одобреніе шутокъ его , сколько ему же въ насмѣшку.

Чшо касаетсѣ до меня , я шакъ мало обращалъ вниманія на рѣчи эшаго чудака , чшо , вставши изъ за стола , не могъ бы вспомнишь ни слова изо всѣхъ его рассказовъ ,

если бы не удалось ему найти другаго средства возбудить мое вниманіе. „Господа, сказалъ онъ при концѣ ужина, я берегъ вамъ на закуску самую забавную исторію, происшествіе, случившееся на сихъ дняхъ въ домѣ Архіепископа Севильскаго. Я слышалъ объ немъ отъ знакомаго мнѣ Баккалавра, который былъ того очевидецъ.“ Слова сіи привели меня въ нѣкоторое смущеніе; я не сомнѣвался, чшобъ это приключеніе касалось не до меня, и не обманулся. Говорунъ разсказалъ все обстоятельно, даже и то, чего я самъ не зналъ, то есть, что дѣлалось въ залѣ послѣ

моего побѣга. Я вамъ теперь перескажу это.

Лишь только я убѣжалъ, какъ Мавры, копорымъ, сообразно съ содержаніемъ піэсы, надлежало взять меня въ плѣнъ, явились на сцену, чѣмъ схватили меня уснувшаго на деревянной скамьѣ; но, когда хотѣли броситься на Леонскаго Короля, къ крайнему удивленію своему, нашли пустое мѣсто. Комедія пошчасъ прекратилась. Всѣ актеры спали въ шупикъ. Одни кличутъ меня, другіе ищутъ, прѣшья проклинаяютъ. Архіепископъ, примѣшивъ безпорядокъ и суматоху за кулисами, спрашиваетъ о причинѣ. На голосъ

Прелапа прибѣгаетъ пажъ ,
 копорый игралъ въ комедіи
 ролю *Граціозо* *), и говоришь
 Владыкѣ: „Не опасайтесь, Ва-
 ше Высокопреосвященство ,
 Мавры не возьмутъ въ плѣнъ
 Короля Леонскаго: онъ скрыл-
 ся во всемъ своемъ нарядѣ.“—
 Благодареніе Богу !— восклик-
 нуль Архіепископъ; онъ очень
 хорошо сдѣлалъ, что убѣжалъ
 отъ враговъ нашей святой вѣ-
 ры, и избавился отъ узъ, ему
 уготованныхъ. Онъ , безъ со-
 мнѣнія, изволилъ возвращишь-
 ся въ Леонъ, столицу своего
 Государства; душевно желаю,
 чшобъ прибылъ шуда благо-

---

*) См. Ч. V. стр. 102. примѣт.

получно. Впрочемъ, я запрещаю
его преслѣдоваць : не хочу
причиняць Его Величеству
никакого оскорбленія.— Ска-
завши это, Архіерей велѣлъ
другому чинить мою роль, и
кончить комедію.

ГЛАВА ХІ.

Продолженіе Циціонъ-эвой исторіи.

Пока были у меня деньги,
хозяинъ мой оказывалъ ко мнѣ
великое уваженіе; но коль ско-
ро примѣшилъ, что у меня
ихъ не стало, то началъ об-
ращаться со мною грубо,

вздоришь, какъ Нѣмецъ, а однимъ ушромъ попросилъ меня даже очистишь кварширу. Оспавя его съ гордостью, зашелъ я въ Доминиканскую церковь. Тамъ, во время служенія, какой-то старый нищій подошелъ ко мнѣ просить милоспыни. Я вынулъ изъ кармана два или три мараведиса, подалъ ему и сказалъ: „Другъ мой, помолись Богу, чшобъ я нашелъ скорѣ хорошенькое мѣсто; когда молитва твоя будетъ услышана, ты не раскаешься; положишь на мою благодарность.“

Нищій, посмопрѣвъ на меня очень приспально, спросилъ съ важнымъ видомъ :

„Какого желаете вы мѣста?“ —

Мнѣ хотѣлось бы опредѣлишь-
ся въ хорошій домъ лакеемъ. —

„Къ спѣху ли это дѣло?“ —

Очень къ спѣху: если не ско-
ро попадется мнѣ мѣсто, то
принужденъ буду или уме-
реть съ голоду, или принять-
ся за промыслъ вашей братьи.

— „Жаль будетъ, если дойде-
те до этой крайности: вы
не знаете нашихъ уловокъ;
но когда переймете ихъ, то
конечно предпочтете состоя-
ніе наше рабству, которое
несравненно хуже нищенства.
Однакожь, такъ какъ вамъ
хочется лучше служить, не-
жели вести, по моему, жизнь
свободную и независимую, то

вы не останешесь безъ господина. Не смотря на мое рубище, я могу быть вамъ полезенъ. Приходите сюда завтра въ эту же пору.“

Я не пропустилъ времени: на слѣдующій день явился на условленное мѣсто, и недолго ждалъ нищаго, который, подошедъ ко мнѣ, велѣлъ за собою слѣдовать. Я повиновался. Онъ привелъ меня къ одному подвалу, недалеко отъ церкви, служившему обыкновеннымъ для него мѣстопребываніемъ. Мы оба спустились туда, и сѣли на длинную скамейку, которая по крайней мѣрѣ лѣтъ сто была въ употребленіи. Старикъ сказалъ :

„Доброе дѣло никогда не о-
сщается безъ награды; вы
вчера подали мнѣ милосшину;
а это побудило меня искашь
для васъ мѣста, которое, съ
помощію Божіею, и получише
скоро. Мнѣ знакомъ старой
Доминиканецъ, по имени отецъ
Алексѣй, мужъ сѣяшой и не-
усыпный попечитель о спасе-
ніи душъ Христіянскихъ. Онъ
употребляетъ меня для раз-
ныхъ порученій, и будучи
весьма доволенъ моимъ усер-
діемъ и вѣрностію, охотно
дѣлаетъ все для меня и для
моихъ пріятелей. Я уже го-
ворилъ ему объ васъ; онъ обѣ-
щался мнѣ постараться о ва-
шей учаспи, и если вамъ

угодно, я представляю васъ
Его Преподобію.“

— Не надобно перяшь ни минушны, ошвѣчалъ я; пойдѣмъ шеперь же къ этому доброму монаху. — Нищій согласился, и шопчасъ повелъ меня къ опцу Алексѣю, кошораго заспали мы въ кельѣ шрудящагоса надъ сочиненіемъ душеспасительныхъ посланій. Онъ оспавилъ свое заняшіе, чшобъ поговорить со мною, и сказалъ, чшо по просьбѣ нищаго готовъ обо мнѣ посшараться. „Услышавъ, продолжалъ онъ, чшо господину Балшазару Веласкецу нуженъ слуга, я писалъ къ нему объ васъ, и онъ ошвѣчалъ мнѣ, чшо по моей

рекомендаціи принимаесть васъ съ радостью. Вы можете сегодня же явиться къ нему опъ моего имени : онъ мой духовной сынъ , и припомъ хорошій пріятель.“ Тутъ монахъ цѣлыя при четверши часа увѣщевалъ меня исправлять должность мою какъ можно лучше ; особенно распроспранялся о обязанности служишь Веласкецу со всякимъ усердіемъ ; послѣ чего обнадежилъ меня своимъ покровишельствомъ, только бы господинъ былъ мною доволенъ.

Поблагодаривъ монаха за милосптивное обо мнѣ попеченіе, вышелъ я изъ монастыря

съ нищимъ, который сказалъ мнѣ : „ Господинъ Балпазаръ Веласкецъ есть богатый продавецъ сукна , человекъ уже въ лѣтахъ, и пречестной души. Я увѣренъ, что вамъ будетъ очень хорошо жить у него.“ Навѣдавшись, гдѣ домъ эшаго купца , я потчасъ пустился шуда, обѣщавъ нищему быть благодарнымъ за его услугу, коль скоро укоренюсь на своемъ мѣстѣ. Я вошелъ въ лавку; двое молодыхъ, чисто одѣтыхъ, сидѣльцовъ прохаживались вдоль и поперекъ съ важностью , въ ожиданіи покупателей. Спросивши , у себя ли хозяинъ , я объявилъ имъ, что присланъ отъ опца

Алексѣя. При эпомъ почщен-
номъ имени, проводили меня
въ коншору, гдѣ купецъ пе-
ресмашривалъ толсшую шну-
ровую книгу, лежавшую пе-
редъ нимъ на сшолѣ. Я по-
клонился ему съ почщеніемъ
и сказалъ: „Милосшивый Го-
сударь, вы видише шого мо-
лодаго челоувѣка, кошораго
преподобный ошецъ Алексѣй
рекомендовалъ вамъ въ услу-
женіе.“—Ахъ! другъ мой, ош-
вѣчалъ онъ; добро пожаловашъ!
Ко мнѣ предсшавляли прехъ
или чешырехъ лакеевъ; но я
принимаю шебя, пошому чшо
шы присланъ ошъ эшаго свя-
шаго челоувѣка. Дѣло кончено;
жалованье шебѣ пойдешъ съ
сего же дня.—

Съ первыхъ дней могъ я уже примѣшивъ, что хозяинъ мой былъ точно таковъ, какимъ мнѣ его описали, по естѣ, простѣ до такой степени, что я невольно признался себѣ, какъ трудно мнѣ будетъ удержаться, чтобъ не сыграть съ нимъ какойнибудь шушки. Онъ овдовѣлъ за чешыре предъ шѣмъ года; имѣлъ сына лѣтъ двадцати пяти и дочь принаѣцати. Дѣвушка, подъ надзоромъ строгой Дуенны, и при наставленіяхъ отца Алексѣя, шла спезею добродѣтели; но Гаспаръ Веласкецъ, братъ ея, какъ ни старались сдѣлать его честнымъ человекомъ,

имѣлъ всѣ пороки молодого
повѣсы; дня по два и по три
не ночевывалъ дома, и когда
отецъ принимался за то ему
выговаривать, Гаспаръ дерз-
кими отвѣтами своими за-
снѣвлялъ его молчать.

„Сципіонъ, сказалъ мнѣ од-
нажды старый Веласкецъ, я
имѣю сына, который крайне
сокрушаетъ меня. Онъ пре-
дался распущенству всякаго
рода. Это удивляетъ меня:
для воспитанія его, кажется,
не было ничего опущено. Я
далъ ему хорошихъ учителей;
а отецъ Алексѣй, мой пріятель,
всячески старался ве-
сти его путемъ истины; но
все напрасно: Гаспаръ погрязъ

въ развращѣ. Ты, можешь
 бышь, скажешь, что я слиш-
 комъ баловалъ его въ мало-
 лѣтствѣ, а это и обрати-
 лось ему въ гибель; нѣтъ,
 я наказывалъ его, когда нуж-
 на была строгость; ибо, при
 всей моей крошечности, бываю
 твердъ въ потребныхъ слу-
 чаяхъ. Я сажалъ его даже въ
 смиреннѣйшій домъ; онъ сдѣ-
 лался отъ того еще хуже.
 Словомъ: этого негодяя не
 могли исправить ни добрые
 примѣры, ни увѣщанія, ни же
 самыя наказанія; развѣ одинъ
 Богъ сдѣлаетъ такое чудо.“

Хотя печаль несчастнаго
 отца и не слишкомъ поше-
 велила мое сердце, однакожь

я пришворился распроган-
нымъ. „Какъ вы жалки, су-
дарь!—сказалъ я ему. Такой
чесшной человѣкъ заслуживалъ
бы имѣть лучшаго сына.“—
Чшо дѣлашь, другъ мой? оп-
вѣчалъ онъ. Богу угодно ли-
шишь меня эшаго успѣшенія.
Гаспаръ причиняетъ мнѣ мно-
жесшво горесшей; а чшо всего
болѣе сокрушаетъ меня, ска-
жу тебѣ за шайну: у него
шолько и на умѣ, чшобъ меня
обкрадывать, и, не смопря
на всю оспорожностъ, онъ
очень часшо въ шомъ успѣ-
ваетъ. Слуга, кошораго мѣсто
ты засшупилъ, былъ съ нимъ
за-одно, для того-шо я и со-
гналъ его со двора. Въ тебѣ же

я совершенно увѣренъ; ты не передашься на сторону моего сына, и будешь наблюдать мою пользу. Не сомнѣваюсь, чшобъ отецъ Алексѣй не наспавиль себя, въ разсужденіи эшаго, своимъ благимъ совѣшомъ. — „Вы можете швердо на меня положишься. Его Преподобіе цѣлый часъ увѣщеваль меня радѣть единшвенно о вашемъ добрѣ; но смѣю васъ увѣришь, что мнѣ не было надобности въ его увѣщаніи: я чувствую себя расположеннымъ служить вамъ вѣрой и правдой; словомъ, обѣщаю вамъ неизмѣнную приверженность.“

Выслушавъ одну спорону ,
еще ничего не узнаешь. Молодой Веласкецъ, судя по моей физиогноміи, что согласишь со мною не труднѣе будешь, какъ и съ моимъ предмѣстникомъ, завелъ меня въ уединенное мѣсто, и сказалъ: „Послушай, мой другъ, я увѣренъ, что отецъ мой поручилъ тебѣ за мною присматривать. Поберегись, сказываю тебѣ напередъ; эта должность не безъ непріятностей. Если увижу, что ты примѣчаешь за мною, то уморю тебя подъ палками; напрошивъ, если спавешь помогать мнѣ обманывать отца, то можешь надѣяться всего опъ моей благодарно-

спи, яснѣе скажашь: мы съ побой будемъ дѣлиться. Выбирай любое: говори теперь же, чьей спороны намѣренъ ты держаться; здѣсь нѣтъ неуспралишеша.“—

—Вы такъ сильно ко мнѣ приступаете, сударь, оповѣчалъ я, что мнѣ не лзя, какъ вижу, не взявъ спороны вашей, хотя бы и не хотѣлось, по правдѣ скажашь, измѣнишь вашему бапюшкѣ.— „Ты не долженъ нимало совѣснисься. Этошь сшарый скупяга хочешъ все еще водить меня на помочахъ; опказываетъ мнѣ въ самомъ необходимомъ: не даетъ ничего на мои удовольствія; а удовольствія для че-

ловѣка двадцапи пяти лѣтъ
наспоящія нужды. По этому
пы можешь судить объ опцѣ
моемъ. — Дѣло кончено: не лѣзя
усшояшь прошивъ такой спра-
ведливой жалобы. Я гошовъ
помогашь вамъ въ похваль-
ныхъ вашихъ предпріятіяхъ;
надобно только всячески скры-
вашъ взаимное наше согласіе,
а не то вѣрному вашему по-
мощнику не удержашься въ
домѣ. Не дурно, кажется,
сдѣлаете, если пришворишесь,
будто меня не шерпише; при
людяхъ говорите со мною
грубо; бранише; даже нѣсколь-
ко пощечинъ и пинковъ но-
гою не испоршашъ дѣла; на-
прошивъ, чѣмъ болѣе покажете

ко мнѣ опшвращенія, шѣмъ бо-
лѣе господинъ Балпазаръ бу-
дешъ довѣряшь мнѣ. Я, съ
моей спороны, сдѣлаю видъ,
будшо васъ убѣгаю. Во время
спола спану показываешь, буд-
шо прислуживаю вамъ не-
охопно; и когда зайдешъ рѣчь
о вашей милоспи съ сидѣль-
цами, шо не погнѣвайшесь,
если въ разговорахъ удоспою
васъ и висѣлицы.—

„Ай молодець! вскричалъ
сынъ Балпазара. Удивляюсь,
чшо у тебя за голова въ ша-
кія лѣша! Эшо предвѣщаетъ
мнѣ счаспливый успѣхъ. При
помощи швоего разума надѣ-
юсь не оспавишь у опца мо-
его ни одной писполи.“—Мно-

го чесши мнѣ дѣлаете, полагаясь сполько на мою смышленность. Всѣми силами постараюсь оправдать ваше хорошее мнѣніе; если же не успѣю, по крайней мѣрѣ это будетъ не моя вина.—

Я скоро доказалъ Гаспару, что дѣйствительно имѣешь онъ во мнѣ такого человека, какой ему былъ надобенъ; и вошъ первая моя услуга. Сундукъ съ деньгами споялъ у Балпазара въ спальнѣ, между стѣною и постелью, и служилъ ему во время моливъ наложень. Всякой разъ, когда взглядывалъ я на сундукъ, сердце у меня билось отъ радости; я говорилъ самъ въ

себѣ : „Любезный сундучокъ ,
 не ужь ли ты будешь вѣкъ
 для меня запертъ? Не ужь ли
 никогда не увижу сокровища,
 въ тебѣ заключеннаго?“ Хо-
 дишь въ спальню Балшазаро-
 ву позволялось всѣмъ въ до-
 мѣ, кромѣ Гаспара. Однажды
 случилось мнѣ подстеречь спа-
 рика, когда онъ, думая, что
 никто его не видитъ, схо-
 дивъ въ свой сундукъ, заперъ
 его, а ключъ спрячалъ за
 обои. Я очень хорошо замѣ-
 тилъ мѣсто, и сообщилъ объ
 этомъ открытіи молодому
 своему господину, который,
 обнявъ меня, сказалъ : „Ахъ !
 любезный Сципіонъ, что я
 ось тебѣ слышу? Счасіе

наше совершилось, мой другъ. Теперь же дамъ тебѣ воску; сними съ ключа форму, и отдай ее мнѣ. Услужливаго слѣсаря найши не трудно: Кордуя не такой городъ въ Испаніи, гдѣ бы меньше было плутовъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.“—

—А для чего вамъ поддѣльный ключъ? спросилъ я. Мы можемъ пользоваться и настоящимъ.— „Правда твоя; но я боюсь, что отецъ мой, по недовѣрчивости, или по другимъ причинамъ, не вздумалъ класъ ключа въ иномъ мѣстѣ; всего надежнѣе, когда будешь у насъ свой.“ Я одобрилъ его предосторожность,

и, по желанію его, готовился
 снять съ ключа слѣпокъ. Это
 удалось мнѣ сдѣлать однимъ
 ушромъ, когда старый Вела-
 скецъ пошелъ навѣсшить опца
 Алексѣя, у котораго обыкно-
 венно просиживалъ очень дол-
 го. Я тѣмъ еще не удоволь-
 ствовался: опомкнулъ сун-
 дукъ; онъ былъ набишъ боль-
 шими и маленькими мѣшка-
 ми. Такое зрѣлище привело
 меня въ пріятное недоумѣніе;
 я не зналъ, что выбрать: и
 маленькіе и большіе мѣшки
 мнѣ равно полюбились. Но
 спрахъ, чшобъ меня шущъ не
 застали, не позволялъ размы-
 шляшъ долѣе; я вынулъ на
 удачу самой большой; заперъ

сундукъ , и , положивъ ключъ
опяшъ за обои , вышелъ изъ
комнашы съ своею добычею ,
кошорую спряшалъ подъ по-
спель въ маленькой своей ка-
моркѣ.

Окончивъ такъ счастливо
эшо дѣло , пошчасъ побѣжалъ
я къ молодому Веласкецу , ко-
шорый ждалъ меня въ одномъ
домѣ , гдѣ видѣшся мы усло-
вились . Онъ пришелъ въ вос-
хищеніе , услышавъ объ успѣ-
хѣ ; осыпалъ меня ласками и
великодушно предлагалъ мнѣ
половину находившихся въ
мѣшкѣ денегъ ; чего однакожь
я не принялъ . „Нѣшъ , сударь ,
сказалъ я , эшошъ первый мѣ-
шокъ пустьъ будетъ для васъ

однихъ ; употребите его на ваши нужды. Я скоро опяшъ навѣщу сундукъ, въ копоромъ, благодаря Бога , довольно денегъ для насъ обоихъ.“ И дѣйствительно, спустя при дни, вынулъ я другой мѣшокъ , гдѣ было, какъ и въ первомъ, пять сотъ писпелей. Но какъ ни уговаривалъ меня Гаспаръ раздѣлиться побратски , я взялъ изъ нихъ только четвертую долю.

Коль скоро молодой человекъ увидѣлъ себя при деньгахъ, и счастливо въ соспояніи удовлетворяшъ страхъ свою къ игрѣ и прелестному полу, то и пустился на все съ завязанными глазами. Къ

несчастію , влюбился онъ въ одну изъ тѣхъ славныхъ кокетокъ , которыя въ короткое время поглощаютъ самыя большія наслѣдства ; спалъ дѣлашь для нее ужасные расходы; а это и понудило меня посѣщать сундукъ такъ часто, что старый Веласкецъ примѣшилъ наконецъ недоспашокъ въ казнѣ своей. „Сципіонъ , сказалъ онъ мнѣ въ одно утро, я долженъ съ тобой объясниться : меня кшо нибудь обкрадываетъ; сундукъ мой отворяли ; изъ него вынуто много мѣшковъ; это дѣло видимое. Кого обвиняешь мнѣ въ воровствѣ , или лучше сказать , кшо могъ поку-

сипься на такую шалость, кроме моего сына? Гаспаръ вѣрно украдкою входилъ въ мою спальню, или ты самъ вводилъ его туда; ибо я почти подозрѣваю, что ты съ нимъ за-одно, хошя и кажешься оба между собой врагами. Однакожь не хочу совершенно утвердисья въ этомъ подозрѣніи, когда опецъ Алексѣй ручался за твою вѣрность.“ Я отвѣчалъ, что, благодаря Бога, чужое добро меня не искушаетъ, и ложь сію произнесъ съ такой лицемѣрной рожей, что не лъзя было ничего худаго на меня подумашь.

Въ самомъ дѣлѣ, сшарикъ не говорилъ со мной о томъ болѣе, но спалъ уже нѣсколько недовѣряшь мнѣ, и, взявъ нужныя предосторожности прошивъ нашихъ покушеній, придѣлалъ къ сундуку своему новый замокъ, опъ котораго ключъ всегда носилъ въ карманѣ. Такимъ образомъ всякое сообщеніе между нами и мѣшками прекратилось, и мы оспались, какъ раки на мѣли, особливо Гаспаръ, который, приведенъ будучи въ несостояніе прашиться для своей нимфы по прежнему, боялся, что она его кинетъ. У него достало однакожь столько разума, чтобъ найши средство

продолжитъ еще нѣсколько дней свои расходы ; вошъ въ въ чемъ состояло это замысловатое средство: подъ видомъ займа , присвоилъ онъ все, что ни досталось на мою долю отъ кровопусканія, которое производилъ я надъ бѣднымъ сундукомъ. Я передалъ ему все до послѣдняго мараведиса , и думалъ , что совсемъ разквитался со шарикомъ, вручивъ принадлежащія ему деньги его наследнику.

Когда молодой повѣса испортилъ и это пособіе , то , не предвидя уже никакого другаго , впалъ въ глубокую , мрачную задумчивость , отъ

которой мало по малу помѣшался въ разсудкѣ: началъ почитать отца своего человекомъ, причиняющимъ все несчастіе его жизни, и пришелъ въ сильное ослѣпленіе. Не внимая гласу природы, безумецъ принялъ ужасное намѣреніе оправить сшарика ядомъ. Не довольно того, что онъ открылся мнѣ въ споль ненавистномъ умыслѣ, даже предложилъ быть орудіемъ его мщенія. Меня объялъ ужасъ. „Возможно ли, сударь, сказалъ я ему, чтобы вы, забывъ совершенно Бога, покусились на такое гнусное предпріятіе? Какъ! вы въ состояніи умерщвить виновника вашей жизни?

Въ Испаніи, въ нѣдрахъ самаго Хриспіянства, совершился злодѣяніе, о кошоромъ одна мысль приводитъ въ шрепешъ самыхъ грубѣйшихъ варваровъ! Нѣшъ, любезный мой господинъ—прибавиль я, бросившись къ ногамъ его—нѣшъ, вы не сдѣлаете такого дѣла, кошорое вооружаетъ прошивъ васъ цѣлый свѣшъ и повлечетъ за собою посшудное наказаніе.“

Я говорилъ Гаспару и еще много подобнаго, чшобъ опврашишъ его опъ сшоль гнуснаго предпріятія. Не знаю, опкуда взялъ я такіа убѣжденія, болѣе приличныя ушамъ честнаго человека; но

только орапорспововалъ не
хуже какого нибудь Саламан-
скаго Доктора, при всей моей
молодоспи и при томъ, что
обязанъ жизни Косколинъ.
Однакожь, сколько ни пред-
спавлялъ ему, что онъ дол-
женъ войти въ самага себя
и мужеспвенно опвергнуть
пагубныя мысли, овладѣвшія
умомъ его, краснорѣчїе мое
было бесполезно. Онъ опуспилъ
голову на грудь, хранилъ глу-
бокое молчаніе и заспавилъ
меня думаешь, что образумишь
его было неозможно.

Тогда я принялъ свои мѣ-
ры: поспросилъ спараго госпо-
дина выслушать меня наеди-
нѣ. Мы заперлись съ нимъ.

„Позвольте, сударь, сказалъ я, упасшь къ ногамъ вашимъ, и молишь васъ о милосердіи!“ Попомъ, въ сильномъ волненіи духа и обливаясь слезами, я бросился предъ нимъ на колѣни. Изумленный купецъ спросилъ, что такое я сдѣлалъ? „Просшупокъ, въ кошоромъ раскаиваюсь и за который во всю жизнь упрекашь себя буду. Я былъ сполько слабъ, что послушался вашего сына, и помогаль ему васъ обкрадывать.“ Въ шужь минушу я чистосердечно признался во всемъ; увѣдомилъ о разговорѣ моемъ съ Гаспаромъ; открылъ его намѣреніе, не пропусшивъ нималѣйшаго обстоятельство.

Сколь ни худого мнѣнія
 былъ старый Веласкецъ о
 своемъ сынѣ, но едва могъ
 повѣришь словамъ моимъ; од-
 накожь, не сомнѣваясь въ
 справедливости оныхъ, под-
 нялъ меня и сказалъ: „Я
 прощаю тебя, Сципіонъ, въ
 уваженіе такого извѣстія.
 Гаспаръ, продолжалъ онъ, воз-
 высивъ голосъ, Гаспаръ хо-
 чешь лишить меня жизни!
 Ахъ! сынъ неблагодарный! Чу-
 довище, котораго лучше было
 бы задушить при самомъ ро-
 жденіи, нежели оставишь жи-
 вымъ для того, чтобъ сдѣ-
 лался опцеубійцею! Гаспаръ,
 Гаспаръ! какую причину и-
 мѣешь ты покушаться на

жизнь мою? Каждый годъ даю тебѣ значительную сумму на приходы, и ты еще недоволенъ. Не хочешь ли, чтобы я позволилъ тебѣ промотать все мое имѣніе и пускать меня по міру?“ Послѣ этого горестнаго обращенія къ сыну, онъ велѣлъ мнѣ содержать дѣло въ тайнѣ, предоставивъ себѣ одному подумать о семействѣ.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на что рѣшившись несчастный отецъ, какъ въ тотъ же день позвалъ онъ къ себѣ Гаспара, и, ни мало не показывая, что было у него на сердцѣ, сказалъ: „Сынъ мой, я получилъ

письмо изъ Мерида; меня извѣщающъ, что, ежели ты думаешь женишься, то для тебя есть тамъ прекрасная партія: дѣвушка лѣтъ пятнадцати, очень милая собою, и съ богатымъ приданымъ. Если ты не имѣешь отвращенія отъ женитьбы, такъ поѣдемъ завтра поутру въ Мерида; посмотримъ невѣсту; можешь быть она тебѣ понравится.“ Гаспаръ, услышавъ о богатомъ приданомъ, и воображая, что оно уже въ рукахъ его, отвѣчалъ, не задумываясь, что готовъ туда ѣхать. И такъ на другой день съ разсвѣтомъ они оба отправились на добрыхъ му-

лахъ , не взявъ съ собой и провожащаго.

Когда въѣхали они въ горы Фезиры, мѣста, пріятныя разбойникамъ и спрашныя путешественникамъ, Балпазаръ слѣзъ съ мула, приказавъ сыну сдѣлать поже. Молодой человекъ повиновался, и только спросилъ , для чего имъ останавливаться въ этомъ мѣстѣ? „Топчасъ скажу тебѣ, ошѣчалъ сшарикъ, сморя на него глазами, въ кошорыхъ изображались гнѣвъ и горесѣ. Мы не поѣдемъ въ Мериду. Женидѣба, о кошорой я говорилъ тебѣ , есѣ одна только басня, выдуманная для того , чшобъ тебя заманишѣ

сюда. Сынъ неблагодарный и жестокосердый! мнѣ извѣстно, какое злодѣяніе ты замышляешь. Я знаю, что ядъ, приготовленный побою, мнѣ поднесенъ будетъ; но, безумецъ, можешь ли надѣяться, что опнимешь у меня жизнь не наказанно? Какъ ты ошибаешься! Пресупленіе твое скоро откроется, и ты погибнешь отъ руки палача. Есть, продолжалъ онъ, средство безопаснѣйшее удовлетворить твое неисповсю. Мы здѣсь безъ свидѣтелей, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти каждый день смертоубійства случаются. Когда ты сколько жаждешь моей крови, вонзи

кинжалъ въ мое сердце, и душегубство падешъ на разбойниковъ.“ При сихъ словахъ, Балшазаръ, открывъ грудь свою и показывая на сердце, сказалъ: „Сюда, Гаспаръ, сюда нанеси смертельный ударъ и накажи меня за то, что я произвелъ на свѣтъ такого злодѣя, каковъ ты!“

Слова сіи поразили, какъ громомъ, молодаго Веласкеца. Не стараясь оправдываться, вдругъ упалъ онъ безъ чувствъ къ ногамъ отца своего. Добрый старикъ, увидя его въ такомъ состояніи, которое показалось ему началомъ раскаянія, не могъ вопрошившись гласу любви роди-

пельской, бросился къ нему на помощь; но Гаспаръ, пришедъ въ себя, не могши снести присущствія опца, споль жестоко оскорбленнаго, собрался понемногу съ силами, вспалъ, сѣлъ опять на мула и удалился, не говоря ни слова. Балпазаръ не разсудилъ удерживать сына, и, предоспавя его угрызеніямъ собственной совѣсши, возвратился въ Кордую, гдѣ, полгода спустя, узналъ, что сынъ его заключилъ себя въ Карпезіанской Монаштырь въ Севиллѣ, дабы провести тамъ остатокъ дней своихъ въ покаяніи.

ГЛАВА XII.

*Конецъ Циціоновой
исторіи.*

Иногда и худой примѣръ производишь весьма хорошія дѣйствія. Поведеніе молодаго Веласкеца заспавило меня подумать и о моемъ собственномъ. Я началъ преодолевать склонность мою къ воровству, и рѣшился быть честнымъ человекомъ. Привычка присваивать чужое такъ укоренилась во мнѣ отъ частыхъ повтореній, что не легко было побѣдить ее. Однако я не опчаялся, воображая, что сдѣлаюсь добродѣтельнымъ

ВОЗМОЖНО ВСЯКОМУ, СПОИШЬ
 ТОЛЬКО ПОЖЕЛАШЬ ТОГО ОШЬ
 ЧИСТАГО СЕРДЦА. И ТАКЪ Я
 ПРЕДПРИНЯЛЪ ЭПОШЬ ВЕЛИКОЙ
 ПОДВИГЪ, И НЕБО, КАЖЕТСЯ,
 БЛАГОСЛОВИЛО МОИ УСИЛІЯ; Я
 ПЕРЕСШАЛЪ УЖЕ СМОПРѢШЬ ЖАД-
 НЫМИ ГЛАЗАМИ НА СУНДУКЪ СПА-
 РАГО КУПЦА, И ДУМАЮ, ЧТО
 ХОПЯ БЫ СОВЕРШЕННО ОШЬ МЕ-
 НЯ ЗАВИСѢЛО ПАСКАШЬ ОШШУ-
 ДА МѢШКИ, Я НИКАКЪ БЫ ТОГО
 НЕ СДѢЛАЛЪ. ПРИ ВСЕМЪ ШОМЪ,
 НАДОБНО ПРИЗНАПЬСЯ, ЧТО НЕ-
 ПРОСШИТЕЛЬНО БЫЛО БЫ СО
 СПОРОНЫ ВЕЛАСКЕЦА ПОДВЕР-
 ГАШЬ РАЖДАЮЩЕЕСЯ ВО МНѢ
 БЕЗКОРЫСШІЕ ТАКОМУ ИСКУШЕ-
 НІЮ; ПО СЧАСТІЮ ОНЪ ОШЬ
 ЭШАГО И ОСПЕРЕГСА.

Донъ Манрикецъ де Мед-
 рано , молодой дворянинъ и
 Кавалеръ Алькантарскаго ор-
 дена , часто къ намъ приха-
 живалъ. Онъ забиралъ у насъ
 товары, и былъ, если не са-
 мый выгодный, то по крайней
 мѣрѣ самый благородный изъ
 нашихъ покупателей. Я имѣлъ
 счастіе ему понравиться; вся-
 кой разъ , когда мы встрѣ-
 чались, онъ заводилъ со мною
 разговоръ , и , казалось , слу-
 шалъ меня съ удовольствіемъ.
 „Сципіонъ , сказалъ онъ мнѣ
 однажды, еслибъ удалось мнѣ
 сыскать слугу своего нрава,
 я почелъ бы это за великую
 находку; и еслибъ ты не при-
 надлежалъ такому человѣку ,

котораго почишаю , то всячески спарался бы сманишь тебя.“—Вамъ , сударь , опвѣчалъ я , не мудрено было бы успѣть въ томъ : у меня особенно лежишь сердце къ людямъ благороднаго соспоянiя; это моя слабость. Ихъ непринужденное обращенiе восхищаетъ меня.—, Когда такъ, подхвапиль Донъ Манрикецъ, я попрошу господина Балшазара уступить тебя мнѣ: надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ для меня такое одолженiе.“ И подлинно Веласкецъ согласился на это шѣмъ охопнѣе , что пошерю слуги—плуша не считалъ невозвратною. Съ моей стороны , я былъ очень радъ

эшой переменѣ : лакей мѣщанина казался мнѣ жалкимъ швиреніемъ предъ лакеемъ Алканшарскаго Кавалера.

Чшобъ вѣрнѣе описать новаго моего господина , скажу вамъ, чшо онъ имѣлъ наружность весьма пріятную , а крошостью нрава и оспрошюю разума плѣнялъ всякаго; при шомъ же былъ очень храбръ и чеспенъ; ему недоставало только богатства. Происходя ошъ знаменишой , но бѣдной фамиліи, онъ принужденъ былъ жишъ на счешъ шарой шешки , кошорая имѣла домъ въ Толедо , и любила его, какъ сына. Онъ всегда былъ одѣшъ чисшо; вездѣ

хорошо принялъ; вхожъ къ
 знашнѣйшимъ дамамъ въ го-
 родъ, и между прочими къ
 Маркизѣ Альменарѣ, вдовѣ се-
 мидесяти двухъ лѣтъ, кошо-
 рая ласковымъ своимъ обра-
 щеніемъ и пріятностію разума
 привлекала къ себѣ все Кор-
 дуанское дворянство. Какъ
 мужчины, такъ и женщины
 любили бесѣдовать съ нею,
 и домъ ея называли *избран-
 нымъ обществомъ*.

Господинъ мой былъ изъ
 ревностнѣйшихъ почитателей
 этой дамы. Въ одинъ вечеръ,
 возвращаясь отъ нее, онъ пока-
 зался мнѣ необыкновенно сму-
 шнымъ. „Вы, сударь, что-то
 разспроены? сказалъ я ему.

Смѣешь ли вѣрный слуга вашъ спросить о причинѣ? Не случилось ли съ вами чегонибудь чрезвычайнаго?“ Кавалеръ улыбнулся, и признался, что дѣйствительно занявъ важнымъ разговоромъ, копорый имѣлъ съ Маркизою Альменарою. „Мнѣ очень бы хотѣлось, сказалъ я смѣючись, чшобъ эша семидесятилѣтняя красотка сдѣлала вамъ любовное объясненіе.“— Шутки въ сторону!— отвѣчалъ онъ; знай, мой другъ, что Маркиза меня любитъ.—Кавалеръ, сказала она мнѣ, недостаточное состояніе ваше и знашность рода мнѣ извѣстны. Я люблю васъ и вознамѣрилась предъ-

ложишь вамъ свою руку, не имѣя возможности безъ нарушенія чести обогатить васъ инымъ образомъ. Очень знаю, что такой бракъ сдѣлаетъ меня смѣшною въ свѣтъ; что станутъ меня злословишь, и почтутъ за сумасшедшую; мнѣ до того нѣтъ нужды: я презрю всѣ обидные пересуды, лишь только бы привести васъ въ лучшее состояніе. Одно устрашаетъ меня, примолвила она, не прощено ли вамъ мое намѣреніе?—

—Вошъ что, продолжалъ Кавалеръ, услышалъ я ошъ Маркизы; она удивила меня шѣмъ болѣе, что почиалась въ Кор-

дуѣ за самую скромную и
 разсудительную женщину. Я
 опвѣчалъ ей, что предложе-
 ніе руки ея кажется для ме-
 ня нѣсколько спраннымъ; ибо
 она хошѣла навсегда оста-
 ваться вдовою. Но она воз-
 разила, что, имѣя богатое
 состояніе, почитаетъ за удо-
 вольствіе подѣлиться имъ съ
 честнымъ человекомъ, копо-
 рый любезенъ ея сердцу.—И
 вы вѣрно опъ эшаго не прочь?
 — сказалъ я Кавалеру.— Не
 ужь ли ты можешь сомнѣ-
 ваться?—опвѣчалъ онъ. Мар-
 киза, при великомъ богат-
 ствѣ, одарена превосходными
 качествами ума и сердца. На-
 добно поперять разсудокъ,

чтобъ отказатьсь отъ столь
выгоднаго предложенія.—

Я совершенно одобрилъ на-
мѣреніе моего господина вос-
пользоваться такимъ прекрас-
нымъ случаемъ сосланивъ се-
бѣ состояніе, и опасаясь,
чтобъ Маркиза не передума-
ла, даже совѣщивалъ ему по-
спѣшишь эшимъ дѣломъ. Но,
по счастію, оно лежало у нее
на сердцѣ болѣе, нежели у
меня: она распорядилась такъ,
что скоро все было готово
къ свадьбѣ. Лишь только раз-
несся слухъ въ Кордуѣ, что
старая Маркиза Альменара
выходишь за молодаго Дона
Манрикеца де Медрано, на-
смѣшники начали забавлять-

ся на счесть ея ; но сколько ни изощались въ колѣсняхъ, не могли опшврашишь ее опъ принятаго намѣренія; она дала волю говоришь цѣлому городу, и послѣдовала къ олшарю за своимъ Кавалеромъ. Бракъ торжествованъ былъ съ пышностью, кошорая подала новый поводъ къ злорѣчію. „Новобрачная, говорили всѣ, должна бы, по крайней мѣрѣ опъ спыда, опложишь такой великолѣпный праздникъ, кошорый вовсе неприличенъ старухамъ, всшупающимъ въ супружество съ молодыми людьми.“

маркиза не только не спыдилась бышь въ такіа лѣша

женою Кавалера , но еще показывала радость свою безъ всякаго принужденія. У ней былъ богатый ужинъ съ музыкою, и праздникъ кончился баломъ, на кошоромъ находилось все Кордуанское дворянство. Подъ конецъ бала новобрачные удалились въ другіе покои, гдѣ заперлись съ горничною и со мною. Маркиза говорила шакъ моему господину: „Донъ Манрикецъ, вошь ваши комнашы, а мои въ особомъ опдѣленіи дома: мы будемъ проводишь ночи въ разныхъ спальняхъ, днемъ же спанемъ жишь вмѣстѣ, какъ машь съ сыномъ.“ Кавалеръ сперва не принялъ эшаго за

прагду; подумалъ было, что дама такими словами хошѣла только заспавишь его сдѣлать ей пріятное насиліе; и, воображая, что изъ учшивоспи надобно показаться спрашнымъ, подошелъ къ ней и готовился раздѣвать ее; но она, опшолкнувъ его съ важнымъ видомъ, сказала: „Поспойте, Донъ Манрикецъ! Если вы почищаете меня за одну изъ шѣхъ нѣжныхъ спарухъ, которыя выходяшь за мужъ по слабости, то очень ошибаетесь: я сдѣлала это единсшвенно для того, чтобы укрѣпить за вами имѣніе, которое опказываю вамъ брачнымъ договоромъ. Подарокъ

мой опъ чистаго сердца, и въ знакъ благодарности не пребую опъ васъ ничего, кромѣ дружбы.“ Съ сими словами она оставила Кавалера, и ушла въ свою спальню съ горничною, запрешивъ накрѣпко мужу за собою слѣдовать.

Мы оба долго оставались въ великомъ изумленіи. Наконецъ господинъ мой сказалъ мнѣ: „Сципіонъ, ожидаешь ли ты эшаго опъ Маркизы, и что объ ней думаешь?“ — Думаю, сударь, что подобной во всемъ свѣтѣ не сыщется. Какое для васъ счастье имѣть такую супругу! Это значишь пользоваться доходами, не опправляя должности.— „Что до

меня касается, подхватилъ Донъ Манрикецъ, я удивляюсь великодушному и рѣдкому ея пожертвованію, и надѣюсь вознаградишь за то всѣми возможными угожденіями.“ Мы еще долго разсуждали, потомъ пошли спать, я на плохую кровать, а онъ на мягкую постелю, для него приготовленную. Я думаю, онъ не огорчался тѣмъ, что легъ на ней одинъ, и опдѣлался однимъ только страхомъ.

На другой день опять началось пиршество, и новобрачная казалась такъ весела, что подала поводъ издѣвашься надъ собою не меньше

прежняго. Она первая смѣялась всему, что ни говорено было на счесть ея; даже побуждала насмѣшниковъ позабавишься, охотно слушая ихъ шушки. Кавалеръ, съ своей стороны, казался столько же довольнымъ, какъ и его супруга; по его нѣжнымъ на нее взглядамъ и по умильнымъ рѣчамъ можно было заключить, что онъ большой любитель древностей. Вечеромъ молодые имѣли между собою новый разговоръ, въ которомъ положено, чтобъ имъ, не принуждая другъ друга, жишь также, какъ жили они до брака. Однако надобно опдашь честь Дону Манрикецу: онъ,

изъ уваженія къ женѣ своей, сдѣлалъ то, что не многіе мужья сдѣлали бы на его мѣстѣ: бросилъ молодую дѣвушку, кошую любилъ и кошорой былъ любимъ взаимно, не желая, какъ говорилъ онъ, имѣть такой связи, кошорая могла оскорбить честь великодушнорой его супруги.

Между шѣмъ, какъ онъ всячески оказывалъ ей свою благодарностъ, она плашила ему вдвое. Поручила ему ключи отъ сундуковъ своихъ, кошорые набишы были полнѣе Веласкецовыхъ; а какъ во время вдовства своего содержала домъ на умѣренной ногѣ, то опяшь привела его въ то же

состояніе , въ какомъ нахо-
дился онъ при первомъ ея
мужѣ ; умножила прислугу ,
наполнила конюшню лошады-
ми и мулами; словомъ, по ея
щедрости , самый бѣднѣйшій
Кавалеръ Альканшарскаго ор-
дена сдѣлался самымъ бога-
тѣйшимъ. Можешь бышь, вы-
спросишь у меня, что я при
всемъ этомъ выигралъ? Пяшь-
десять пистолей отъ Мар-
кизы , и сто отъ Кавалера ,
который, сверхъ того, опре-
дѣлилъ меня Секретаремъ сво-
имъ , съ жалованьемъ по че-
тыреста реаловъ въ годъ, и
имѣлъ еще такую ко мнѣ до-
вѣренность, что хотѣлъ сдѣ-
лать меня Казначеемъ.

„Казначеемъ!“—вскричалъ я, прервавъ Сципіона съ громкимъ смѣхомъ.—Да, сударь, ошвѣчалъ онъ съ холоднымъ и важнымъ видомъ, да, Казначеемъ; смѣю даже увѣришь васъ, что исправлялъ эту должностъ съ честію. Правда, что я, можетъ быть, и оспался какою нибудь бездѣлицею долженъ казнѣ его, ибо, какъ забиралъ свое жалованье впередъ, а службу у Кавалера оспавилъ очень поспѣшно, то и не мудрено, если открылось на мнѣ нѣсколько начету. Впрочемъ, это послѣдній случай, копорымъ упрекнуть меня можно: съ того времени я всегда былъ честенъ.

И такъ , продолжалъ сынъ Косколины, былъ я Секретаремъ и Казначеемъ Дона Манрикеца. Онъ казался сполько же доволенъ мною, сколько и я имъ , какъ вдругъ получаешся изъ Толедо письмо , коимъ увѣдомляють его, что Донна Теодора Москозо , его пешка , находишся при послѣднемъ издыханіи. Эша вѣсть такъ поразила Кавалера , что онъ немедленно отправился къ пешкѣ, копорая нѣсколько лѣтъ была ему вмѣсто матери. Съ нимъ поѣхалъ я, камердинеръ и одинъ слуга; всѣ четверо верхами на лучшихъ лошадяхъ изъ его конюшни. Мы скоро прибыли

въ Толедо, гдѣ нашли Донну Теодору въ такомъ состояніи, которое подавало намъ надежду, что она не умретъ еще отъ этой болѣзни; и дѣйствительно мы не обманулись, вопреки предсказанію стараго врача, который ее пользовалъ.

Между тѣмъ, какъ здоровье нашей доброй тетушки часъ отъ часу поправлялось не столько отъ лѣкарствъ, сколько отъ присущства любезнаго племянника, господинъ Казначей проводилъ время очень весело, познакомившись съ молодцами, которые доставляли ему множество случаевъ промашивать деньги.

Они таскали меня по картежнымъ домамъ, принуждали играть съ собою, и я, не бывъ такимъ искуснымъ игрокомъ, какъ прежній господинъ мой Донъ Абель, чаще проигрывалъ, нежели выигрывалъ. Если бы, нечувствительно втянувшись въ игру, я совсемъ предался этой страсти, то она, безъ сомнѣнія, заспавила бы меня занять изъ казны денегъ на нѣсколько паршій; но, по счастію, любовь спасла и казну и мою добродѣтель. Проходя однажды мимо дворцовой церкви (*Yglesia de los Reyes*), увидѣлъ я сквозь решетку ея окнѣ молодую дѣвушку, которая

показалась мнѣ болѣе богинею, нежели смертною. Я употребилъ бы еще сильнѣйшее выраженіе, еслибъ можно было найсти его, чѣмъ лучше изъяснишь впечатлѣніе, какое сдѣлалъ надо мною видъ ея. Спалъ объ ней навѣдываюсь, и послѣ многихъ разспросовъ узналъ, что зовушъ ее Беатриксою, и что она находится въ услуженіи у Донны Юліи, меньшей дочери Графа Полана.

Тутъ Беатрикса прервала Сципіона, захохотавъ изо всей силы; потомъ обратясь къ женѣ моей, сказала: „Прекрасная Антонія, посмотрите на меня хорошенько, похожа ли

я на богиню?—Тогда ты мнѣ казалась ею, отвѣчалъ Сципіонъ; и съ тѣхъ поръ, какъ переспалъ я подозрѣвать твою вѣрность, нахожу тебя еще пригожѣе прежняго.— Секретарь мой, послѣ такого ловкаго комплименша, продолжалъ свою исторію слѣдующимъ образомъ.

Это открытіе воспламенило меня совершенно; признаюсь, спросъ мой была не совсемъ чиста и законна: я воображалъ, что легко воспоржесствую надъ ея добродѣтелью подарками; но ошибся. Сколько ни предлагалъ ей чрезъ подкупленныхъ спарушекъ и кошелькъ и свои услу-

ги, она все отвергла съ гор-
 достью. Сопровожденіе ея раз-
 дражило мои желанія. Я при-
 бѣгнулъ къ послѣдному сред-
 ству: предложилъ ей свою
 руку. Она приняла ее, узнавъ,
 что я Секретарь и Казначей
 Дона Манрикеца. Почтя за
 нужное тайно нѣсколько вре-
 мени бракъ нашъ, обвинчались
 мы тихонько въ присущствіи
 Лоренсы Сефоры и нѣкопо-
 рыхъ другихъ служителей
 Графа Полана. Лишь только
 женился я на Беатриксъ, она
 доставила мнѣ случай ви-
 дѣться съ ней днемъ, а раз-
 говаривать ночью въ саду,
 куда впускали меня черезъ
 калипку, ошъ кошорой дали

миѣ ключь. Никогда молодая чеша не бывала такъ довольна другъ другомъ. Съ равнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы часу свиданія; съ одинакимъ желаніемъ лепѣли на назначенное мѣсто, и время, которое проводили вмѣстѣ, всегда казалось намъ слишкомъ коротко, какъ ни бывало продолжительо.

Въ одну ночь, копорая была для меня споль же мучительна, какъ пріятны прежнія, я чрезвычайно удивился, нашедъ калишку въ садъ опворенною. Это привело меня въ великое безпокойство: я не предвѣщалъ себѣ ничего хорошаго; поблѣднѣлъ и за-

прясся, какъ будто предчув-
 ствовалъ свое несчастіе; и,
 приближась въ попьмахъ къ
 бесѣдкѣ, гдѣ обыкновенно ви-
 дались мы съ женою, услы-
 шалъ голосъ мущины. Чѣмъ
 лучше прислушаться, я ос-
 тановился, и ухо мое пора-
 жено было сими словами: *Не*
томи меня, любезная Беат-
рикса; соверши блаженство мое;
подумай, что отъ того зави-
ситъ твое счастіе. Вмѣсто
 того, чѣмъ еще хорошенько
 вслушаться, я выхватилъ
 шпагу, пылая ревностью и
 мщеніемъ, и бросился въ бе-
 сѣдку. „Ахъ! подлый обольщи-
 тель, вскричалъ я, кто бы
 ты ни былъ, опними у меня

жизнь прежде, чѣмъ лишишь
 чести!“ Съ сими словами,
 напалъ я на кавалера, ко-
 рый разговаривалъ съ Беап-
 риксою. Онъ поспѣхъ при-
 гошовился къ оборонѣ, и бил-
 ся, какъ человекъ, умѣющій
 владѣть оружіемъ лучше ме-
 ня (въ фехтовальномъ иску-
 ствѣ дано мнѣ не больше пя-
 ти уроковъ въ Кордуѣ). Не
 смотря на то, я нанесъ ему
 такой ударъ, котораго онъ не
 могъ опвесить, или лучше ска-
 зать, онъ поскользнулся и
 упалъ на землю. Увидѣвъ это
 и починая его смертельно ра-
 неннымъ, побѣжалъ я со всѣхъ
 ногъ, не опвѣчая Беаприксъ,
 которая меня кликала.

„Въ самомъ дѣлѣ—прервала жена Сципіонова, обративъ къ намъ рѣчь свою—я звала его, чѣмъ вывесшь изъ заблужденія. Кавалеръ, съ которымъ разговаривала я въ бесѣдкѣ, былъ Донъ Фернандъ де Лейва. Онъ любилъ Юлію, мою барышню, и принялъ намѣреніе увезши ее, не нашедъ инаго средства обладать ею. Я сама назначила ему придти въ садъ, чѣмъ условишься съ нимъ въ похищеніи, ошъ котораго, какъ увѣрялъ онъ, зависѣло мое счастіе; но сколько ни кликала своего мужа, онъ удалился ошъ меня, какъ ошъ жены вѣроломной.“

Въ такомъ состояніи (началь опять говоритъ Сципіонъ) я готовъ былъ на все отважиться. Кто знаетъ по опыту, что такое есть ревность и до какихъ дурачествъ доводитъ она самыхъ умныхъ людей, тошъ не удивится, что она вскружила слабую мою голову. Я въ минуту перешелъ отъ одной крайности въ другую. Въспомо прежней горячности почувствовалъ къ женѣ моей непреодолимую ненависть: поклялся ее бросить и навсегда истребить изъ памяти. Впрочемъ, я думалъ, что закололъ кавалера, и, въ этомъ мнѣніи, опасаясь попасть въ руки

правосудія, терзался неслоснымъ мученіемъ, которое, какъ фурія, повсюду преслѣдустъ человека, сдѣлавшаго дурное дѣло. Въ такомъ ужасномъ положеніи, помышляя только, какъ бы избавиться отъ бѣды, я не заходилъ уже домой и оставилъ въ одну минушу Толедо, не имѣя съ собой ничего, кромѣ плаща, которое на мнѣ было. Правда, въ карманахъ у меня нашлось около шестидесяти пистолей; а это составляло изрядное пособіе для молодаго человека, который рѣшился житьъ всегда въ услуженіи.

Я шелъ, или лучше скажашъ, бѣжалъ во всю ночь:

воображеніе, представляя глазамъ моимъ на каждомъ шагѣ Алгвазиловъ, придавало мнѣ часъ ошъ часу новыя силы. На зарѣ очутился я между Родилласомъ и Макведою. Когда былъ уже въ послѣднемъ селеніи, то, почувствовавъ усталость, зашелъ въ церковь, кошорую лишь шолько ошкрыли; произнесъ крашкую молишву, и сѣлъ на скамейку, чшобъ ошдохнуть немного. Тушъ началъ я перебирать въ умѣ дѣла свои, кошорыя очень меня заботили; однакожь не удалось мнѣ углубишся въ размышленіе на долгое время. Два или три удара плѣшью раздались по

церкви; я заключилъ, что какойнибудь извозчикъ ѣдетъ мимо. Я поспѣхъ вспалъ по-смотрѣшь, не ошибся ли въ томъ; и лишь только вышелъ изъ дверей, какъ увидѣлъ погонщика, который, сидя на мулѣ, велъ еще пару другихъ за поводъ. „Стой, дружокъ, сказалъ я ему, куда ты?“ Въ Мадридъ, отвѣчалъ онъ. Я привезъ опшуда двухъ Доминиканскихъ монаховъ, и ѣду теперь обратно.—

Такой удобный случай побывать въ Мадридѣ поселилъ во мнѣ желаніе шуда опсправиться. Я договорился съ погонщикомъ, сѣлъ на одного мула, и мы пустились по до-

рогъ къ Иллескасу , гдѣ распо-
 лагались ночевать. Лишь
 только выбрались изъ Мак-
 веды , какъ погонщикъ , му-
 жикъ лѣтъ тридцати пяти
 или сорока , принялся пѣть
 во все горло церковные спи-
 хи. Началъ упренными молиш-
 вами, потомъ пропѣлъ вѣрчу,
 какъ поютъ за большими обѣд-
 нями; наконецъ, перешедъ къ
 вечернѣ , прокричалъ ее всю
 опъ слова до слова. Хоть
 бездѣльникъ оглушилъ мнѣ
 уши , однакожь я не могъ у-
 держаться опъ смѣху, и да-
 же просилъ его продолжать
 пѣніе , когда онъ остано-
 вался для отдыху. „Не уста-
 вай , мой другъ , говорилъ я ,

не лѣнись! Небо одарило тебя такою крѣпкою грудью, и ты дѣлаешь изъ нее не дурное употребленіе.—О! конечно, вскричалъ онъ; я, благодаря Бога, не похожъ на прочихъ извощиковъ, копорые поютъ только срамныя и безбожныя пѣсни: не пою даже и романсовъ на войны наши противъ Магровъ; это настоящіе пустяки, если и не содержатъ въ себѣ неблагоприспособностей.— „У тебя, ошвѣчалъ я, чистое сердце, какимъ рѣдкой погонщикъ похвалишься можешь. Скажи однакожь, мой другъ, при такой разборчивости въ пѣсняхъ, общался ли ты хра-

нишь цѣломудріе въ пракши-
рахъ, гдѣ есць молодыя слу-
жанки?—Какъ же : шамъ-шо
особенно веду себя воздержно;
занимаюсь однимъ смотрѣ-
ніемъ за моими мулами.—Я не
мало удивился, слыша, что
такъ рассуждаешъ эшошь фе-
никсъ между погонщиками, и
почтя его за человека чест-
наго и неглупаго, завелъ съ
нимъ разговоръ, когда онъ на-
пѣлся досыща.

Подъ вечеръ пріѣхали мы
въ Иллескасъ, и останоновились
въ пракширѣ. Я далъ волю
моему спутнику заниматься
мулами, а самъ вошелъ въ
кухню, и велѣлъ хозяину при-
готовишь для насъ хорошій

ужинъ. Онъ обѣщался сдѣлать
мнѣ такое угощеніе, какого я
во всю жизнь мою не забуду.
„Спросише, примолвилъ онъ,
спросише у вашего погонщи-
ка, что я за человѣкъ. Бьюсь
объ закладъ со всѣми Толед-
скими поварами, что никто
изъ нихъ лучше моего не со-
спряпаешъ оллы-подриды. Я
поподчиваю васъ окрошкой
моего изобрѣшенія; вы уви-
дите, хваспаюсь ли я, или
нѣшъ.“ Тушъ, показывая мнѣ
кострулю, въ которой, по
словамъ его, варился совсемъ
уже изрубленный кроликъ:
„вошъ, продолжалъ онъ, что
вамъ предскажу. Когда по-
ложу шуда перцу, соли, вина,

пряныхъ кореньевъ и другихъ приправъ, какія обыкновенно кладу въ мои соусы, шо, надѣюсь, вы потчасъ будете имѣть блюдо, которымъ не стыдно полакомиться и Контадоръ - Маіору *).

Хозяинъ, произнеся похвальное слово самому себѣ, принялся гошовить ужинъ. Между тѣмъ я вошелъ въ одну комнату, легъ на споявшую тамъ кровать, и уснулъ отъ усталости; ибо въ прошедшую ночь не смыкалъ глазъ ни на минушу. Часа черезъ два, погонщикъ пришелъ разбудить меня. „Господинъ ка-

---

*) См. Ч. V. стр. 244. примѣт.

валерь , сказалъ онъ мнѣ , ужинъ вашъ гошовеъ; извольше садисься кушашь.“ Сполъ накрышъ былъ для двоихъ , и мы съ погонщикомъ сѣли. Намъ подали окрошку. Я бросился на нее съ жадносшью ; она показалась мнѣ чрезвычайно вкусна , или пошому , что голодъ опрекомендовалъ мнѣ ее такою, или приправы хозяина придавали ей въ самомъ дѣлѣ большую пріятносшь. Пошомъ принесли намъ часшь жареной баранины. За мѣшивъ , что погонщикъ ѣсшь шолько послѣднюю , я спросилъ его , зачѣмъ онъ до окрошки не дошрогивался. „Я не охошникъ до эшаго кушанья“—

отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Отвѣшъ его, или лучше сказашь, улыбка заставила меня усумниться.—„Ты лжешь, подхвашилъ я: скажи мнѣ настоящую причину.“—Если хотите знать, то признаюсь вамъ, что имѣю отвращеніе набиваешь брюхо такимъ кушаньемъ, съ шѣхъ поръ, какъ въ проѣздъ мой изъ Толедо въ Куенсу, подали мнѣ въ одномъ пракширѣ, вмѣсто кролика, изкрошенную кошку.—

Лишь только погонщикъ выговорилъ это, какъ вдругъ пропалъ у меня весь аппетитъ. Я взялъ себѣ въ голову, что ѣлъ не настоящаго кролика, и не могъ взглянуть

на окрошку безъ содроганія. Спутникъ мой еще болѣе заставилъ меня думать, сказавъ, что содержатели Испанскихъ пракшировъ часто одно другимъ замѣняютъ, такъ какъ и пирожники. Утѣшительное извѣстіе! Я никакъ не хотѣлъ приняться опять за окрошку, даже не спалъ ѣсть и жаренаго, опасаясь, не такой ли же и баранъ, какъ кроликъ. Всталъ изъ за стола, проклиная окрошку, хозяина, пракширъ; и, бросившись на прежнюю кровать, провелъ ночь спокойнѣе, чѣмъ надѣялся. На другой день ранѣхонько, расплашась съ хозяиномъ также порядочно,

какъ будто бы онъ угостилъ меня очень сытно, выѣхалъ я изъ Иллескаса съ воображеніемъ, наполненнымъ ужиномъ, такъ, что всякое живошное на дорогѣ казалось мнѣ кошкою.

Пріѣхавъ въ Мадридъ, и раздѣлавшись съ погонщикомъ, нанялъ я себѣ комнату въ пракширѣ близъ воротъ Солнца. Хоша глаза мои и привыкли смонрѣть на большой свѣтъ; не могли однакожь не ослѣпѣвшия великимъ спеченіемъ знашихъ господъ, которые обыкновенно толпятся около Двора. Я удивлялся множеству каретъ, безконечному числу камеръ-юнкеровъ,

пажей и лакеевъ, соспавлявшихъ свейшу вельможъ. Удивленіе мое удвоилось, когда, пробравшись во Дворецъ, увидѣлъ я Монарха, окруженнаго своими придворными. Это зрѣлище очаровало меня. „Какой блескъ! какое великолѣпіе! (сказалъ я самъ себѣ) правду говоряшъ: надобно видѣшъ Мадридской Дворъ, чшобъ получишъ поняшіе о всей его пышности. Я восхищаюсь моимъ сюда прїѣздомъ: сердце чувствуетъ, что здѣсь удался мнѣ что нибудь для себя сдѣлать!“ Однакожь ничего, кромѣ безполезныхъ знакомствъ, не сдѣлалъ; издержалъ понемногу

свои деньги, и, при всѣхъ моихъ достоинствахъ, почелъ еще за счастіе пріюпитъ въ службу къ одному Саламанкскому педаншу, который по домашнимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Мадридъ, гдѣ рѣдился. Меня познакомилъ съ нимъ случай. Я сдѣлался у него *fac totum*, и послѣдовалъ за нимъ въ Университетъ, когда пришло время ему туда возвращаться.

Мой новый господинъ назывался Донъ Игнаціо де Ипигна. Онъ прибавилъ къ своему имени *Донъ* потому, что былъ некогда училелемъ одного Герцога, который, въ знакъ благодарности, произ-

водилъ ему пенсію; а другую
 получалъ онъ, какъ заслужи-
 ный Профессоръ Университе-
 та; и сверхъ того собиралъ
 ежегодно съ публики опъ
 двухъ сопъ до трехъ сопъ
 писполей за издаваемыя имъ
 нравоучительныя книги. Спо-
 собъ, какъ сочинялъ онъ, до-
 стоинъ того, чшобъ здѣсь
 упомянушь объ немъ съ че-
 спію. Съ утра до вечера чи-
 талъ онъ Еврейскихъ, Грече-
 скихъ и Лапинскихъ авто-
 ровъ, и выписывалъ изъ нихъ
 на разныхъ лоскуточкахъ вся-
 кое достопамятное изреченіе,
 всякую остроумную мысль.
 По мѣрѣ наполненія эшихъ
 лоскуточковъ, заспавлялъ ме-

ня нанизывашь ихъ на проволоку гирляндами; каждая гирлянда составляла томъ. Сколько надѣлали мы дурныхъ книгъ! Ни одного мѣсяца не проходило, чшобъ не напечатали, по крайней мѣрѣ, двухъ томовъ. Всего же собраннѣе то, чшо такія компилаціи выдавались за новое; и когда крипики начинали укоряшъ педанша, чшо онъ обкрадываетъ древнихъ авторовъ, онъ отвѣчалъ имъ съ надменнымъ безспыдствомъ: *Furto laetamur in ipso.*

Онъ былъ также великой комментаторъ, и въ комментаріяхъ его находилось сколько учености, чшо часто дѣ-

лалъ замѣчанія на такія вещи, которыя нимало того не заслуживали, и на лоскупочкахъ своихъ выписывалъ иногда совсемъ нехваташи мѣста изъ Гезіода и другихъ авшоровъ. Не смотря на то, я кое-чѣмъ опъ него воспользовался; съ моей стороны неблагодарно было бы въ томъ не признасться. Опъ переписки его швореній научился я хорошему почерку, и если, поступая со мною болѣе какъ съ ученикомъ, нежели слугою, старался онъ образовашъ мой разумъ, то не упускалъ изъ виду и моей нравственности. „Сципіонъ — говаривалъ онъ мнѣ, когда нечаянно слы-

шалъ, что какой нибудь слуга сдѣлалъ плутовство—берегись, мой другъ, слѣдовавъ дурному примѣру эшаго плуша: надобно служишь господину усердно и вѣрно.“ Словомъ, Донъ Игнаціо не пропускалъ ни одного случая поощрять меня къ добродѣтели; увѣщанія его произвели во мнѣ споль хорошее дѣйствіе, что я, въ теченіе пятнадцати мѣсяцовъ моей у него службы, не имѣлъ нималяйшаго искушенія на какую нибудь шалость.

Я уже сказалъ, что Докторъ Ипигна родился въ Мадридѣ; у него была шамъ родственница, именемъ Кашалина,

служившая горничною у кормилицы Наслѣднаго Принца, та самая, чрезъ копорую потомъ освободилъ я господина Саншиллану изъ Сеговской шюрьмы. Эта дѣвушка, желая услужить Дону Игнаціо, склонила госпожу свою издайствовать ему у Герцога Лермы мѣсто. Министръ опредѣлилъ его Архидіакономъ въ Гренаду, гдѣ, какъ въ странѣ завоеванной, Король имѣлъ власть располагать духовными должностями. Получивъ объ этомъ извѣстіе, мы тотчасъ отправились въ Мадридъ; ибо Докторъ хотѣлъ поблагодарить своихъ благодѣтелей прежде отъ-

ѣзда въ Гренаду. Я имѣлъ много случаевъ видать Капалину и говоришь съ нею. Веселый мой нравъ и непринужденныя ухвашки ей понравились; равнымъ образомъ и я нашель ее по моему вкусу : я не могъ не отвѣчать на нѣкоторыя знаки ея ко мнѣ дружбы; наконецъ свели мы шѣсную связь между собою. Проспи мнѣ, любезная Беаприкса, такое признаніе. Я почипаль себя невѣрною, и это заблужденіе должно извинить меня передъ тобою.

Между тѣмъ Докторъ Донъ Игнаціо гошовился къ отъѣзду въ Гренаду. Родсшвенница его и я, ужаснувшись угро-

жавшей намъ въ скоромъ времени разлуки, прибѣгли къ хипроспи, кошорая и ошврапила роковую минушу. Я пришворился нездоровымъ, жаловался на боль въ головѣ, въ груди, и мешался, какъ чело-вѣкъ, спраждущій всѣми недугами въ свѣшѣ. Господинъ мой позвалъ лѣкаря, кошорый, освидѣшельсшвовавъ меня, сказалъ безъ умысла, что болѣзнь моя очень опасна, и что, по всѣмъ примѣшамъ, долго нельзя мнѣ будешъ выходишь изъ комнашы. Докшоръ, нешерпѣливо желая вспушишь въ новую долж-носшь, не разсудилъ медлишь своимъ ошѣздомъ; нанялъ

другаго слугу, оставивъ меня на попеченіи одной старухи, кошорой далъ нѣсколько денегъ, чшобъ похоронить меня, если умру, или наградишь за услуги, если выздоровелю.

Лишь только узналъ я, что Донъ Игнаціо уѣхалъ, то вдругъ изцѣлился отъ всѣхъ болѣзней. Вспалъ съ постели, отпустилъ проницательнаго лѣкаря, поблагодарилъ старушку, кошорая ушайла отъ меня болѣе половины назначенной мнѣ суммы. Между тѣмъ, какъ я проказилъ такимъ образомъ, Кашалина играла другую роль предъ Донной Анной де Гвеварой, госпожей своей, внушила ей, что я очень ло-

вокъ на всякіе происки, и совѣщовала избрать меня въ свои повѣренныя. Госпожа кормилица, которая, по жадности къ прибышку, зашѣвала разныя предпріятія, имѣла нужду съ подобныхъ мнѣ людяхъ: она съ охотою взяла меня къ себѣ въ услуженіе, и не замедлила сдѣлать надо мною опышъ. Надавала мнѣ такихъ порученій, которыя требовали не малаго проворства, и, не хвасаясь, скажу, что исполнилъ ихъ очень не худо; почему она была сколько же мною довольна, сколько я имѣлъ причину быть недовольнымъ ею. Она была такъ скупа, что не удѣляла

мнѣ нимаѣйшей частицы отъ доходовъ, которые собирала посредствомъ трудовъ моихъ и смыслённости. Ей казаюся, что, плашя мнѣ исправно жалованье, уже награждала меня довольно щедро. Такая чрезвычайная скупость скоро бы меня выгнала изъ эшаго дома, если бы не удерживали ласки Капалины, копорая, день ото дня воспламеняясь ко мнѣ болѣе, наконецъ предложила съ ней обвѣнчаться.

„Не спѣши, моя милая, сказалъ я ей: это дѣло не можешь совершишься такъ скоро; надобно мнѣ узнать прежде, не умерла ли одна молодая особа, копорая предупре-

дила тебя, и копорой, за грѣ-
 хи мои, я законной мужъ.—
 Пустое, ошѣчала Капалина,
 меня не обманешь! Ты выду-
 малъ это для того только,
 чшобы учшивымъ образомъ
 прикрышь отвращеніе свое
 на мнѣ женишься.— Я напра-
 сно божился, что говорилъ
 сущую правду; чшпосердеч-
 ное признаніе мое показалось
 ей опговоркою; оскорбься
 эшимъ, она начала обходишь-
 ся со мною уже иначе. Хошя
 мы и не поссорились, но об-
 ращеніе наше видимо охладѣ-
 ло; мы наблюдали другъ съ
 другомъ одну благоприсшой-
 носшь и вѣжливосшь.

Въ то самое время провѣ-
далъ я, что нуженъ слуга го-
сподину Жилблазу де Саншил-
ланъ, Секретарю перваго Ми-
ниспра Испанской Короны;
это мѣсто прельщало меня
тѣмъ болѣе, что опзывались
объ немъ, какъ о самомъ вы-
годнѣйшемъ въ свѣтѣ. „Го-
сподинъ Саншиллана, говори-
ли мнѣ, кавалеръ съ больши-
ми доспоинствами, любимецъ
Герцога Лермы, и слѣдова-
тельно не преминетъ соспа-
вить свое счастіе; кромѣ то-
го имѣетъ онъ благородное
сердце. Исправляя дѣла его,
ты улучшишь и свои соб-
ственныя.“ Я не пропустилъ
эшаго случая: явился къ го-

сподину Жилблазу, котораго
 полюбилъ съ перваго взгляду;
 моя физіогномія ему понра-
 вилась, и онъ пошчасъ меня
 къ себѣ принялъ. Я не поко-
 лебался оставишь для него
 Принцеву кормилицу, и, если
 угодно Богу, онъ будетъ по-
 слѣднимъ моимъ господиномъ.

Эшимъ окончилъ Сципіонъ
 свою исторію; попомъ, об-
 рашивъ рѣчь ко мнѣ, приба-
 вилъ: „Господинъ Саншиллана,
 я имѣю до васъ одну просьбу:
 сдѣлайте милость, засвидѣ-
 тельствуйте предъ Антоніею
 и Беаприксою, чшо вы знали
 меня всегда съ хорошей сто-
 роны; увѣрьте ихъ, чшо сынъ
 Косколины перемѣнилъ свою

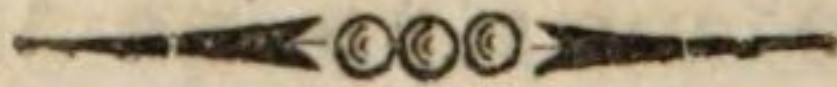
нравственности и изъ него-
дѣя сдѣлался честнымъ чело-
вѣкомъ.“

—Точно, сказалъ я дамамъ,
могу вамъ за то ручаться.
Если Сципіонъ въ молодости
своей и былъ настоящій по-
вѣса, то напослѣдокъ такъ
исправился, что можетъ слу-
жить образцомъ для всякаго
лакея. Не только не лѣзя мнѣ
ни въ чемъ упрекнутьъ его,
но еще признаюсь, что онъ
оказалъ мнѣ большія одолженія.
Въ ту ночь, когда взяли меня
и отвезли въ Сеговскую крѣ-
пость, онъ сохранилъ отъ
расхищенія часть моего иму-
щества, которое очень легко
могъ бы себѣ присвоить. Эпа-

го еще было мало : онъ пришелъ, единственно изъ дружбы, заключишься со мною въ темницѣ , предпочишая горестное удовольствіе раздѣляшь мои спраданія сладостной свободѣ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Гл. I. Жилбазъ отправляется въ Аспурию. Проезжая Валладолидъ, посѣщаетъ прежняго своего господина, Доктора Санградо. Случайно встрѣчается съ Мануелемъ Ордонесомъ, госпитальнымъ надзира-Спр. шелемъ. - - - - - 1.

II. Жилбазъ продолжаетъ свое путешествіе, и благополучно пріѣзжаетъ въ Овiedo. Въ какомъ состояніи нахо-

дишъ онъ своихъ роди-
телей. Смерть отца
его; слѣдствія оной. - 28.

Гл. III. Жилбазъ направляетъ
пусть свой въ Королев-
ство Валенцію, и прі-
ѣзжаетъ наконецъ въ
Лиріасъ. Описаніе зам-
ка его. Какъ онъ былъ
принятъ, и какихъ лю-
дей нашелъ тамъ. - - 55.

— IV. Жилбазъ ѣдетъ въ Ва-
ленцію повидаться съ
господами Лейвами; о
чемъ онъ говорилъ съ
ними, и какъ приняла
его Серафина. - - - 72.

— V. Жилбазъ видитъ пред-
ставленіе новой тра-
гедіи. Успѣхъ піесы.
Вкусъ жителей Вален-
ціи. - - - - 87.

— VI. Жилбазъ, прогуливаясь
по улицамъ Валенціи,

встрѣчается съ мона-
хомъ, который пока-
зался ему знакомымъ.
Что за человекъ былъ
этой монахъ. - - - 99.

Гл. VII. Жилбазъ во звращает-
ся въ Лиріасъ. Пріят-
ное извѣстіе, которое
получаетъ онъ отъ
Сципіона. Перемѣны въ
домашнемъ быту ихъ. 121.

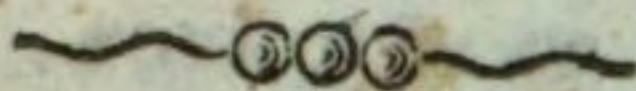
— VIII. Жилбазъ влюбляется
въ прекрасную Аншо-
нію. - - - - - 132.

— IX. Жилбазъ женился на
прекрасной Аншоніи;
какимъ образомъ проис-
ходила свадьба; кто на
ней былъ, и какими ве-
селостями она сопро-
вождалась. - - - - 151.

— X. Что случилось послѣ
свадьбы. Начало Сципі-
оновой исторіи. - - 170.

Гл. XI. Продовженіе Сципіоно-	
вой испоріи.	- - - 247.
— XII. Конецъ Сципіоновой	
испоріи.	- - - 286.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 7

St. Petersburg (1821)

P.o.gall. 1257 n-7/8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093804-0